

ФИЛОЛОГИЯ И ЧЕЛОВЕК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

№ 4

2017

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2017

Учредители

Алтайский государственный университет
Алтайский государственный педагогический университет
Алтайский государственный гуманитарно-педагогический
университет им. В.М. Шукшина
Горно-Алтайский государственный университет

Редакционный совет

А.А. Чувакин, д.ф.н., проф. (Барнаул, председатель), О.В. Александрова, д.ф.н., проф. (Москва), К.В. Анисимов, д.ф.н., проф. (Красноярск), Е.Н. Басовская, д.ф.н., проф. (Москва), В.В. Красных, д.ф.н., проф. (Москва), Л.О. Бутакова, д.ф.н., проф. (Омск), Т.Д. Венедиктова, д.ф.н., проф. (Москва), О.М. Гончарова, д.ф.н., проф. (Санкт-Петербург), Т.М. Григорьева, д.ф.н., проф. (Красноярск), Е.Г. Елина, д.ф.н., проф. (Саратов), Е.Ю. Иванова, д.ф.н., проф. (Санкт-Петербург), Ю. Левинг, PhD, проф. (Канада, Галифакс), О.Т. Молчанова, д.ф.н., проф. (Польша, Щецин), М.Ю. Сидорова, д.ф.н., проф. (Москва), И.В. Силантьев, д.ф.н., проф. (Новосибирск), К.Б. Уразаева, д.ф.н., проф. (Казахстан, Астана), И.Ф. Ухванова, д.ф.н., проф. (Белоруссия, Минск), Э. Хоффман, Dr. Philol, доц. (Австрия, Вена), А.П. Чудинов, д.ф.н., проф. (Екатеринбург).

Главный редактор

Т.В. Чернышова

Редакционная коллегия

Е.А. Худенко (зам. главного редактора по литературоведению и фольклористике), Л.А. Козлова (зам. главного редактора по лингвистике), М.П. Гребнева, В.Н. Карпухина, Г.П. Козубовская, И.Ю. Колесов, Г.В. Кукуева, А.И. Куляпин, В.Д. Мансурова, С.А. Осокина, Ю.В. Трубникова, А.Т. Тыбыкова, М.Г. Шкуропацкая

Секретариат

С.В. Доронина, Е.И. Клинк, М.П. Чочкина

Адрес редакции: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66;
Алтайский государственный университет, факультет массовых коммуникаций,
филологии и политологии, оф. 405-а.
Тел./Факс: 8 (3852) 366384. E-mail: sovet01@filo.asu.ru
Адрес на сайте АлтГУ: http://www.fmc.asu.ru/philol_journal/
Адрес в системе РИНЦ: http://library.ru/title_about.asp?id=25826

ISSN 1992-7940

© Издательство Алтайского университета, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

О.Г. Твердохлеб. Многозначность, вид и объект глаголов <i>соединять</i> / <i>соединить</i>	7
М.А. Останина. Аспектуальные значения глагольных конструкций со вспомогательным глаголом <i>бер-</i> в алтайском языке.....	17
А.В. Кочкинекова. Особенности экспликации личностных смыслов при переводе английских безличных и посессивных предложений на русский язык (эмпирическое исследование)	30
Т.В. Краюшкина. Образ европейца в традиционном представлении русского народа (на материале пословиц и поговорок, собранных В.И. Далем)	43
Р.В. Шубин. Худые и толстые, голодные и прожорливые: природа конфликта в прозе Василия Шукшина (к образам еды, мотиву желудка и ситуации праздника)	52
И.Е. Белякова, Е.В. Плахина. Романы К. Лагунова «Больно берег крут», «Ордалия» и «Одержимые» в парадигме экологии литературы	67
В.А. Смирнова. «Мир Софии» Ю. Гордера: особенности рецепции романа в России	80
Л.Е. Фетисова. Песенный фольклор Приамурья в записях М.К. Азадовского.....	91
Ю.Г. Смертин. Ли Цинчжао: поэзия и гендер в средневековом Китае.....	101

Научные сообщения

А.А. Балакай. Русские этикетные обращения с христианской семантикой	115
С.А. Медведев. К методике описания типологии интернет-рецензии.....	121
К.А. Ульянова К вопросу о типологии китайской деловой корреспонденции	127

И.Ю. Рябова. Концепт «счастье» в сопоставительном межъязыковом аспекте (на примере романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина» и четырех англоязычных интерпретаций)	140
А.И. Михайлова. Влияние социально-политического контекста на языковую картину мира рок- и поп-музыкантов	148
Т.А. Богумил. «Алтайский текст» и литература Алтая: к определению понятий.....	155
А.А. Малышев. Шоколад в культурно-просветительской журналистике первой половины XVIII века: стилистический аспект.....	164
М.М. Сулейман. Средства прагматизации названий российских и британских телепередач	171

Критика и библиография

А.К. Машакова. Творчество Абая Кунанбаева в зарубежной рецепции	177
--	-----

Филология: люди, факты, события

С.В. Ананьева, В.И. Габдуллина. Научные контакты в литературоведении: Мухтар Ауэзов и мировая литература.....	182
К.И. Бринев, Н. Дауренбек, Е.А. Аввакумова. Русский падеж в языковом сознании иностранца. Проблемы преподавания на материале лингвистического эксперимента).....	184
Резюме.....	192
Содержание журнала за 2017 год	208
Наши авторы	213

CONTENTS

Articles

O.G. Tverdokhle . Polysemy, Aspect and Object of the Verb <i>to connect</i>	7
M.A. Ostanina . Aspect Meanings of Verbal Constructions with the Auxiliary Verb <i>ber-</i> in the Altai language.....	17
A.V. Kochkine . Explication Peculiarities of Personality Senses in the Process of Translation of Impersonal and Possessive Sentences (empirical research)	30
T.V. Krayushkina . The Image of a European as He is Viewed by Russian people (based on Proverbs and Sayings, collected by V.I. Dahl').....	43
R.V. Shubin . Slim and Fat, Hungry and Gluttonous: the Essence of the Conflict in Vasily Shukshin's prose (on Images of Food, Digestion and Holiday).....	52
I.E. Beliakova, E.V. Plakhina . K. Lagunov's Novels <i>Bol'no bereg krut</i> (A River Bank too Steep), <i>Ordalia</i> (Ordalium), and <i>Oderzhimye</i> (Obsessed) in the Paradigm of Literary Ecology	67
V.A. Smirnova . J. Gaarder's «Sofie's World»: Peculiarities of the Novel Reception in Russia.....	80
L.E. Fetisova . Folklore Songs of the Amur River Region in Records of M.K. Azadovskiy	91
Yu.G. Smertin . Li Qingzhao: Poetry and Gender in Medieval China	101

Scientific reports

A.A. Balakay . Russian Etiquette Address Forms with Christian Semantics	115
S.A. Medvedev . To the Methodology for Describing the Typology of Internet-Critique	121
K.A. Ulyanova . On the Types of Chinese Business Correspondence	127

I.Y. Ryabova. Concept «Happiness» in Comparative Linguistic Aspect (on the Material of L.N. Tolstoy's Novel «Anna Karenina» and four English Interpretations)	140
A.I. Mikhailova. The Influence of Socio-Political Context on the Language World Perception of Rock and Pop Musicians.....	148
T.A. Bogumil. «Altai Text» and Literature of Altai: to the Definition of Concepts	155
A.A. Malyshev. Chocolate in Cultural and Educational Journalism of the First Half of the 18th Century: the Stylistic Aspect	164
M.M. Suleiman. Pragmatic Means of Russian and British TV Programme Titles	171

Criticism and bibliography

A.K. Mashakova. Abai Kunanbaev Works as Perceived by Foreigners	177
--	-----

Philology: people, facts, events

S.V. Ananieva, V.I. Gabdullina. Scientific Contacts in Literary Studies: Mukhtar Auezov and World Literature	182
K.I. Brinev, N. Daurenbek, E.A. Avvakumova. The Russian case in language consciousness of the foreigner. Teaching problems (on material of a linguistic experiment).....	184
Summary	192
Issues content for 2017	208
Our authors	213

СТАТЬИ

МНОГОЗНАЧНОСТЬ, ВИД И ОБЪЕКТ ГЛАГОЛОВ *СОЕДИНЯТЬ / СОЕДИНИТЬ*

О.Г. Твердохлеб

Ключевые слова: многозначность, глаголы соединения, видовая пара, объект.

Keywords: polysemy, verbs with the meaning to connect, Aspect correlates, the Object.

В последние десятилетия наблюдается «многоаспектное изучение семантической теории явления полисемии с позиций новых лингвистических учений» [Гринева-Гринева, Сорокина, 2015, с. 55–56]. В данной работе объектом анализа является многозначная глагольная лексема лексико-семантической группы *соединения* [Большой толковый..., с. 87–91], или *контакта (контактивы)* [Васильев, 2005] *соединить / соединять*.

Сочетание слова с другими словами регулируется его валентностью. При этом валентность глагола в его лексико-семантических вариантах (далее – ЛСВ) может изменяться. Например, ЛСВ глагола *соединить* «составлять из чего-л. одно целое» включает семантическую роль Агенса, занимающую в предложении субъектную позицию подлежащего, например: *Карл ...соединяет Францию и Италию в одно государство* (Ф.И. Успенский. История Византийской империи), где *Карл* – Агенса, то есть «тот, кто делает нечто с целью» [Падучева, 2003, с. 32]). В предложении с ЛСВ этого глагола «связывать кого-л. каким-л. отношениями, чувствами т.п.» в субъектной позиции репрезентируется семантическая роль Посредник, у которой, в отличие от роли Агенса, отсутствует сема «целенаправленность». Ср. примеры (1)–(4): с одушевленным именем в позиции подлежащего

при активе (1) *Вначале казалось, дети еще крепче **соединят** нас, а оказалось – разъединили* (Е. Боннэр. До дневников) и пассивную конструкцию, в которой одушевленному имени, представленному в субъектной позиции при глаголе в активной форме, соответствует позиция сирконстанта (Локатива) при пассиве: (2) – *Через меня ...**соединились** земля и море* (Ю. Рытхэу. Когда киты); а также конструкции, в которых одушевленному имени, представленному при активной форме глагола в субъектной позиции, соответствует не только актантная позиция (Инструмент), например (3) ***Он** <Б. Корнилов>, словно буксир-толкач, **соединил** собой два берега* (А. Котюсов. Два берега), но и позиция сирконстанта (Локатив): (4) *Только человек ...через себя **соединял** бога с природой и природу с богом.* (А.И. Клибанов. Реформационные движения) и др. [Твердохлеб, 2015].

В данной статье мы на большом языковом материале покажем, что объектная валентность, в отличие от субъектной, не зависит ни от ЛСВ многозначного слова *соединить / соединять*, ни от его видовой формы.

Источниковой базой для статьи стало более трех тысяч примеров, выделенных методом сплошной выборки из текстов различных функциональных стилей, и материалы Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ).

Вслед за другими лингвистами [Виноградов, 1972, с. 395; Тихонов, 1998, с. 10; Зализняк, Шмелев, 2000, с. 45–52; Шатуновский, 2009, с. 11–17], мы рассматриваем пару глаголов совершенного и несовершенного видов как формы одного и того же слова. Выбор этого подхода обусловлен анализом словарных статей глагола *соединить / соединять* в толковом словаре. В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова приводится словарная статья только для глагола совершенного вида *соединить*, фиксирующая 4 ЛСВ [Ожегов, 1988, с. 607]. В «Словаре русского языка» (под ред. А.П. Евгеньевой) [МАС, 1984, Т. 4] также описывается 5 ЛСВ глагола *соединить*, а глагол *соединять* дается через отсылку «несов. к соединить». В «Словаре языка А.С. Пушкина» (отв. ред. акад. АН СССР В.В. Виноградов) для глагола *соединить* фиксируются 5 ЛСВ, а для глагола *соединять* – только два (с отсылками к двум значениям *соединить*) [Словарь языка А.С. Пушкина, 2000, с. 279, 281].

Наибольший список из 11 лексических значений (далее – ЛЗ) рассматриваемого глагола находим в словаре И.К. Сазоновой «Русский глагол и его причастные формы» [Сазонова, 1989, с. 442–

443], поэтому за основу для дальнейшего анализа были взяты словарные статьи именно этого словаря. В этом словаре 1-е значение глагола совершенного вида *соединить* определяется как «скрепить, сцепить, связать одно с другим» [Сазонова, 1989, с. 442]; глагола несовершенного вида *соединять* – «скреплять, сцеплять, связывать одно с другим» [Сазонова, 1989, с. 443]. Толкования обеих лексем даны при помощи синонимических рядов, представляющих собой видовые пары. То же наблюдаем и в толкованиях всех других (со 2-го по 11-ое) ЛЗ. Поэтому в дальнейшем анализе мы будем приводить значение ЛСВ контаминированно, например: «скрепить / скреплять, сцепить / сцеплять, связать / связывать одно с другим».

Языковая интуиция подсказывает нам, что ситуация, описываемая глаголом *соединить / соединять*, предполагает наличие в ней двух (и более) объектных участников, или так называемой объектной взаимности, и шире – множественности [Князев, 2007], ибо в ситуации *соединения* обычно: 1) *кто-то/что-то соединяет*: а) *кого/чего с кем/чем* или б) *кого/что и кого/что*; либо 2) *кто-то/что-то соединяет*: а) *кого/чего с кем/чем* или б) *кого/что и кого/что в ком-то/в чем-то*.

С грамматической точки зрения, в конструкциях с глаголом *соединить / соединять* объектная взаимность (множественность) вводится следующими четырьмя грамматическими модификациями:

а) двумя (или более) однородными именами существительными, соединенными или не соединенными союзом *и*;

б) именем существительным во множественном числе;

в) количественно-именным сочетанием;

г) именной группой с комитативом (последний, в понимании А.В. Архипова, выступает как одно из средств выражения «множества участников ситуации», <...> «каждый из которых выполняет в описываемой ситуации одну и ту же семантическую роль» [Архипов, 2013, с. 13, 15]).

Описанные грамматические модификации «объектной взаимности» находим в конструкциях с указанным многозначным глаголом во всех его лексических значениях, зафиксированных словарем [Сазонова, 1989, с. 442–443].

Приведем примеры на каждое регистрируемое данным словарем значение, указывая:

а) лексическое значение (по: [Сазонова, 1989, с. 442–443]);

б) грамматические модификации, обозначающие «объектную взаимность», выявленные в иллюстрациях к этому словарю и (либо) в предложениях из нашей картотеки;

в) видовую форму глагола.

1. В конструкции с ЛЗ–1 «скрепить / скреплять, сцепить / сцеплять, связать / связывать одно с другим» объект обозначен:

а) двумя (или более) однородными именами существительными, соединенными или не соединенными союзом *и*: *Шоферы соединили* (сов. в.) / *соединяли* (несов. в.) *машину и тягач стальным тросом* (И.К. Сазонова. Русский глагол);

б) именем существительным во множественном числе: *Электрик соединил* (сов. в.) / *соединяет* (несов. в.) *концы провода* (И.К. Сазонова. Русский глагол);

в) количественно-именным сочетанием: *Карл фон Дрейс соединил* (сов. в.) *перекладной два колеса, стоящие друг за другом* (А.Н. Лаврентьев. История дизайна); *Затем он соединил* (сов. в.) *последовательно 10 батареек* (1 сентября. 1–15.07.2006);

г) при помощи именной группы с комитативом: *Балку соединяют* (сов. в.) *с кольцом болтами и сваркой*. (Наука и жизнь. 1991. № 1).

2. В конструкциях со ЛЗ–2 «установить / устанавливать сообщение, связь между чем-л., сделать сообщающимся одно с другим» объект также обозначен:

а) двумя (или более) однородными именами существительными, соединенными или не соединенными союзом *и*: *...тюрьмы и казармы незадолго до войны соединили* (сов. в.) *ходами...* (НКРЯ. Ю. Буйда. Щина. Знамя. 2000);

б) именем существительным во множественном числе: *Набрав рабочих, Агриппа соединяет* (несов. в.) *каналом Авернское и Лукринское озера* (В тени великих: образы и судьбы); *Воронки от взрывов... саперы соединяли* (несов. в.) *траншеями и превращали в блиндажи*. (Л.И. Брежнев. Малая земля);

в) количественно-именным сочетанием: *Строители соединили* (сов. в.) / *соединяют* (несов. в.) *две реки каналом* (И.К. Сазонова. Русский глагол); *Каналами монахи соединили* (сов. в.) *цепь озер для сплава бревен*. (О.В. Волков. Погружение во тьму);

г) при помощи именной группы с комитативом: *Наш поселок соединяют* (сов. в.) / *соединяют* (несов. в.) *с городом автострадой* (И.К. Сазонова. Русский глагол).

3. В конструкциях с ЛЗ–3 «стать / являться связующей частью между чем-л., связать / связывать собой что-л.» объект также обозначен:

а) двумя (или более) однородными именами существительными, соединенными или не соединенными союзом *и*: *Замощенная 28-*

метровая главная пешеходная аллея **соединяет** (несов. в.) **стадион и гостиничный комплекс** (В.А. Горохов. Городское зеленое строительство);

б) именем существительным во множественном числе: *Пешеходная Пушкинская тропа столицы **соединит** (сов. в.) мемориальные и литературные места* (Д.С. Лихачев. Пушкинская тропа. Работница. 1988. № 6);

в) количественно-именным сочетанием: *По суше Берингии, которая время от времени поднималась из пучин океана и как надежный мост **соединяла** (несов. в.) **два континента*** (И. Яковлева. По следам минувшего); *...очень большой двор **соединял** (несов. в.) **две дачи*** (М.Ф. Каменская. Воспоминания);

г) при помощи именной группы с комитативом: *Быстро образующаяся отмель скоро **соединит** (сов. в.) / **соединяет** (несов. в.) **берег с островом*** (И.К. Сазонова. Русский глагол); *...перешеек, который **соединял** (несов. в.) **средний полуостров с материком*** (К. Симонов. Разные дни войны); *...когда в конце третичного периода Панамский перешеек **соединил** (сов. в.) Южную Америку с Северной* (И. Яковлева. По следам минувшего); *В направлении от Рыковского до Палева скоро проляжет почтово-телеграфный тракт, который **соединит** (сов. в.) Северный Сахалин с Южным* (А.П. Чехов. Остров Сахалин).

4. В конструкциях с ЛЗ-4 «установить связь между кем-чем-л. по телефону» объект также обозначен:

а) двумя (или более) однородными именами существительными, соединенными или не соединенными союзом *и*: *Распределенные базы и банки данных **соединяют** (несов. в.) компьютерными сетями* (А.М. Берлянт. Картография);

б) именем существительным во множественном числе: *Телефонистка почему-то не **соединила** (сов. в.) / **соединяла** (несов. в.) **абонентов*** (И.К. Сазонова. Русский глагол);

в) количественно-именным сочетанием: *...**два** полностью изолированных бассейна **соединили** (несов. в.) подводным телефоном.* (Б. Сергеев. Живые локаторы океана);

г) при помощи именной группы с комитативом: *Автомат быстро **соединил** (сов. в.) / не **соединял** (несов. в.) **меня с Москвой*** (И.К. Сазонова. Русский глагол).

5. В конструкциях с ЛЗ-5 «связать кого-л. какими-л. отношениями, чувствами и т.п.» объект также обозначен:

а) двумя (или более) однородными именами существительными, соединенными или не соединенными союзом *и*: *Тот редкий случай,*

когда единое увлечение тесно **соединило** (сов. в.) **мужа и жену** (Ю. Безелянский. В садах любви); ...любовь, которая **соединяла** (несов. в.) в свое время **Адама и Еву**, когда они, глядя друг на друга, видели себя во славе Божией, в красоте неопишуемой (НКРЯ. Митрополит Антоний (Блум). Я хочу поделиться с вами всем, что накопилось.);

б) именем существительным во множественном числе: **Общая печаль соединила** (сов. в.) у **гроба людей** всех состояний (Н.Г. Чернышевский. А.С. Пушкин); **Случай иногда соединяет** (несов. в.) **людей на всю жизнь** (И.К. Сазонова. Русский глагол);

в) количественно-именным сочетанием: **Дружба соединила** (сов. в.) **этих двух людей** вензельной связью (В. Набоков. Дар);

г) при помощи именной группы с комитативом: **Нас с тобой соединяла** (несов. в.) **только любовь к музыке** (И.К. Сазонова. Русский глагол); **И Бог, чрез ангелов Своих, С Собой людей... соединяет** (несов. в.)! (А. Широков. «Стихи.ру»).

б. В конструкциях с ЛЗ–б «смешать вместе, привести в химическое взаимодействие» объект также обозначен:

а) двумя (или более) однородными именами существительными, соединенными или не соединенными союзом *и*: **Для этого они** (ученые – *О.Т.*) **в специальной магнитной ловушке соединяют** (несов. в.) **позитроны и антипротоны** (Г. Колпаков. «Газета.ру». 22.01.2014); **Истинный прополис получается после того, как пчелы соединяют** (сов. в.) **воск и смолу** (Н.П. Ёриш. Пчелы – человеку);

б) именем существительным во множественном числе: **Алексей Антонович соединил** (сов. в.) **азотную и серную кислоты** (С.В. Сартаков. Хребты Саянские); **И кто тот слесарь, столяр или кузнец, который соединяет** (несов. в.) **воедино атомы?** (Т.А. Тарасова. Искусство речи); **Шварц соединил** (сов. в.) **эластомерные (бутадиеновые) и полимерные (стирольные) молекулы** в одном материале. (НКРЯ. Р. Янбухтин. С третьей попытки?); **А при помощи генной инженерии ученые уже соединили** (сов. в.) **гены рыб и томатов** (Н. Дегтярев. Генная инженерия); **Пол Берг... Он соединил** (сов. в.) **в одно целое фрагменты ДНК вируса ...и бактерии**. (Г. Эрлих. Золото, пуля, спасительный яд); **Лаборант соединял** (несов. в.) **разные вещества** в колбе (И.К. Сазонова. Русский глагол);

в) количественно-именным сочетанием: **Но ведь это не животное, а всего лишь скопление молекул, которые мы сами же и соединили** (сов. в.) (Ф. Хойл, Д. Эллиот. Андромеда);

г) при помощи именной группы с комитативом: *Лаборант в начале эксперимента соединил* (сов. в.) *водород с кислородом* (И.К. Сазонова. Русский глагол); *А. Гриффитс соединял* (несов. в.) *никель с хромом* (Наука и жизнь. 2007. № 6).

7. В конструкциях с ЛЗ–7 «составить из чего-л. одно целое» объект также обозначен:

а) двумя (или более) однородными именами существительными, соединенными или не соединенными союзом *и*: *Карл ...соединяет* (несов. в.) *Францию и Италию в одно государство* (Ф.И. Успенский. История Византийской империи);

б) именем существительным во множественном числе: *Все эти огороды соединяют* (сов. в.) / *соединяют* (несов. в.) (И.К. Сазонова. Русский глагол); *Командование соединило* (сов. в.) / *соединяло* (несов. в.) *партизанские отряды* (И.К. Сазонова. Русский глагол); *Василий III ...под своей державной рукой соединил* (сов. в.) *последние русские земли на северо-западе* (А. Шишов. Русские князья);

в) количественно-именным сочетанием: ... *«монтажисты» 50-70-х годов прошлого века соединяли* (несов. в.) *в одном кадре несколько негативов* (В. Михалкович. Поэтика фотографии);

г) при помощи именной группы с комитативом: *Хлебников соединяет* (несов. в.) *мифологического слона, сплетенного телами женщин, со слоном, которого герой кормит булкой в зверинце* (В.В. Иванов Избранные труды по семиотике...).

8. В конструкциях с ЛЗ–8 «слить воедино, сделать единым, объединить» объект также обозначен:

а) двумя (или более) однородными именами существительными, соединенными или не соединенными между союзом *и*: *Они соединили* (сов. в.) *усилия и сердца и стали королями мусорного бизнеса* (Э. Брякина. Женщина с большой буквы);

б) именем существительным во множественном числе: *Мы соединим* (сов. в.) / *соединяем* (несов. в.) *свои усилия против бюрократизма* (И.К. Сазонова. Русский глагол); ...*братья отложили турпоездку и соединили* (сов. в.) *усилия в поисках алмазов*. (Т. Полякова. Невинные дамские шалости); ...*утром, когда их (жаворонков – О. Т.) стая... соединяла* (несов. в.) *свои голоса в тот мощный звучащий собор...* (В. Хлебников. Скуфья скифа);

в) количественно-именным сочетанием: *Зато он* (волчонок – О. Т.) *уже владел призывным воем и коротким оборонительным лаем, вот и соединил* (сов. в.) *два сигнала* (Э. Шон. Свой среди волков);

г) при помощи именной группы с комитативом: *Часто печальная горлица соединяла* (несов. в.) *жалобный голос свой с ее стенанием* (Н.М. Карамзин. Бедная Лиза); *Соединим* (сов. в.) *свои усилия с усилиями других христиан* (Ф. Карвахал. Рядовое время).

9. В конструкциях с ЛЗ–9 «сочетая одно с другим, сделать существующим вместе в единстве, согласовании» объект также обозначен:

а) двумя (или более) однородными именами существительными, соединенными или не соединенными союзом *и*: *Анатолий Бочаров... соединяет в общий мировой круг природу и людей* (НКРЯ. Арион. 2001. № 2);

б) именем существительным во множественном числе: *Журналист удачно соединил* (сов. в.) / *соединяет* (несов. в.) *в статье жанры фельетона и памфлета* (И.К. Сазонова. Русский глагол); *Но иногда я соединял* (сов. в.) *его разные фразы вместе...* (А. Солженицын. Архипелаг ГУЛАГ);

в) количественно-именным сочетанием: *Здесь мемуарист явно соединил* (сов. в.) *два конфликта* (Б. Соколов. Тухачевский);

г) при помощи именной группы с комитативом: *Дима всегда соединяет* (несов. в.) *приятное с полезным* (И.К. Сазонова. Русский глагол); *А я бы на твоём месте, право, соединял* (несов. в.) *полезное с приятным* (М.Е. Салтыков-Щедрин. Тени); *Тот собрал все голоса в свою пользу, кто соединил* (сов. в.) *полезное с сладким* (С. Шевырев. Теория поэзии); *Достиг всеобщего одобрения тот, кто соединил* (сов. в.) *приятное с полезным* (А.П. Кондрашов. Законы успеха).

10. В конструкциях с ЛЗ–10 «явиться обладателем, носителем разнородных свойств, черт и т. п. совместить в себе что-л. – обычно в сочетании со словом *в себе*» объект также обозначен:

а) двумя (или более) однородными именами существительными, соединенными или не соединенными союзом *и*: *Эта схема соединила* (сов. в.) *в себе информативность и наглядность* (И.К. Сазонова. Русский глагол); *Слон соединяет* (несов. в.) *в себе хитрость и силу* (Ю.К. Окланский. Повесть о маленьком солдате);

б) именем существительным во множественном числе: *Олег соединил* (сов. в.) / *соединял* (несов. в.) *в своем характере противоположные черты* (И.К. Сазонова. Русский глагол); *Грибы соединяют* (несов. в.) *признаки растений и животных* (А.П. Горкин. Биология); *Андрей в высшей степени соединял* (несов. в.) *все те качества, которых не было у Пьера* (Л.Н. Толстой. Война и мир. Т. 1);

в) количественно-именным сочетанием: *Если же человек соединяет* (несов. в.) *в себе два различные элемента, находящиеся между собою в отношении высшего и низшего...* (В.С. Соловьев. Оправдание добра); *...дуалистичность человека, который ...соединяет* (несов. в.) *в себе много, казалось бы, совершенно несоединимого* (Б. Акунин. Писатель и самоубийство);

г) при помощи именной группы с комитативом: *Этот человек соединял* (несов. в.) *в себе насмешливость с мрачною кровожадностью* (Н.И. Костомаров. Русская история).

11. В конструкциях с ЛЗ–11 «представить, воплотить, совместить в своем лице одновременно разные способности, таланты и т. п. – в сочетании со словом *в себе*» объект также обозначен:

а) двумя (или более) однородными именами существительными, соединенными или не соединенными союзом *и*: *Чюрленис соединил* (сов. в.) / *соединял* (несов. в.) *в себе замечательного художника и композитора* (И.К. Сазонова. Русский глагол); *В дальнейшем Фотий соединил* (сов. в.) *поведение фанатика и интригана* (Ю.М. Лотман. Семiosфера); *Новиков соединял* (несов. в.) *в себе практика и мечтателя*. (Ю.М. Лотман. Сотворение Карамзина); *Достоевский в одном лице соединил* (сов. в.) *величайшего разрушителя и величайшего утвердителя* (В. Розанов. На лекции о Достоевском);

б) именем существительным во множественном числе: *Каждый соединяет* (несов. в.) *в себе всех предков и потом вновь, разделяется*. (Л.Н. Толстой. Т. 53. Дневники); *Мхатовский Владимир Попов в роли провинциального актера Аркадия Несчастливцева – он же Робинзон – соединял* (несов. в.) *в себе лицедеев прошлого и нынешнего веков*. (Э. Рязанов. Неподведенные итоги);

в) количественно-именным сочетанием: *Грифон соединяет* (несов. в.) *двух царственных солярных животных* (Грифоны – ВикиФур);

г) при помощи именной группы с комитативом: *Наполеон: он не только соединял* (несов. в.) *в своем лице неограниченного монарха с главнокомандующим* (Е. Тарле. Наполеон).

Таким образом, перечисленные нами примеры наглядно демонстрируют, что при ЛСВ глагола *соединить / соединять* и совершенного, и несовершенного вида объектная валентность представлена во всех обнаруженных нами 4-х грамматических модификациях, а именно: двумя однородными именами существительными, соединенными или не соединенными союзом *и*; именем существительным во множественном числе; количественно-именным сочетанием и именной группой с комитативом.

Проведенный в данной работе анализ показал, что все значения видовой пары многозначного глагола *соединить / соединять* соотносятся между собой. Несмотря на то, что разные ЛСВ многозначного глагола *соединить / соединять* имеют неодинаковую правую валентность (в позиции подлежащего может быть реперезентирован, в частности, Агенс и Посредник), отражаемую на поверхностном уровне различными трансформациями, у всех ЛСВ глагола совершенного и несовершенного вида *соединить / соединять* объектная валентность не только всегда представлена, но и имеет одинаковое грамматическое оформление.

Следовательно, объектная валентность, по крайней мере, у глагола *соединить / соединять*, более стабильна, нежели динамичная субъектная валентность.

Литература

- Архипов А.В. Типология комитативных конструкций. М., 2013.
- Большой толковый словарь русских глаголов: идеографическое описание. Англ. эквиваленты. Синонимы. Антонимы / Под общ. ред. Л.Г. Бабенко. М., 2007.
- Васильев Л.М. Системный семантический словарь русского языка. Предикатная лексика. Уфа, 2005. Т. 1.
- Виноградов В.В. Русский язык: (грамматическое учение о слове). М., 1972.
- Гринев-Гриневич С.В., Сорокина Э.А. Полисемия в общеупотребительной и специальной лексике // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. 2015. № 4.
- Зализняк Анна А., Шмелев А.Д. Введение в русскую аспектологию. М., 2000.
- Князев Ю.П. Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе. М., 2007.
- МАС – Словарь русского языка: В 4-х тт. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1981–1984.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: www.search.ruscorpota.ru
- Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М., 1988.
- Падучева Е.В. Глаголы создания образа: лексическое значение и семантическая деривация // Вопросы языкознания. 2003. № 6.
- Сазонова И.К. Русский глагол и его причастные формы: Толково-грамматический словарь. М., 1989.
- Словарь языка Пушкина: в 4-х тт. / Отв. ред. акад. АН СССР В.В. Виноградов. М., 2000.
- Тихонов А.Н. Русский глагол. М., 1998.
- Твердохлеб О.Г. Валентностное окружение глаголов лексико-семантической группы соединения: агенс и посредник // Когнитивные исследования языка. 2015. № 21.
- Шатуновский И.Б. Проблемы русского вида. М., 2009.

АСПЕКТУАЛЬНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ГЛАГОЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ СО ВСПОМОГАТЕЛЬНЫМ ГЛАГОЛОМ *бер-* В АЛТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

М.А. Останина

Ключевые слова: вспомогательный глагол, бенефактивность, инхоатив, стяженные глагольные образования, алтайский язык, тюркские языки.

Keywords: auxiliary verb, benefactive, inchoative, contracted verbal constructions, the Altai language, Turkic languages.

Введение. Объектом нашего исследования являются алтайские глагольные сочетания со вспомогательным глаголом (ВГ) *бер-*. Свойственные этим сочетаниям аспектуальные значения стали предметом исследования. В задачи работы входит выявление и описание значений конструкций с ВГ *бер-*, выявление возможных грамматических форм у ВГ *бер-* в сочетаниях с деепричастиями и изучение синтаксических функций конструкций с глаголом *бер-* в предложении.

За продолжительную историю изучения ВГ в тюркских языках сформировались две точки зрения на их статус в системе языка. Первая связана с признанием того, что ВГ должны рассматриваться, в первую очередь, через призму процессов грамматикализации. Ученые, придерживающиеся этой точки зрения, считают, что смысловой и вспомогательный глагол образуют деепричастные сочетания, значение которых зависит от значения ВГ. Конструкции с ВГ выражают аспектуальные значения для определенного класса глаголов, употребляющихся в качестве смысловых. Исследования с этой позиции ставят перед собой цель выявить и описать аспектуальные значения ВГ, для того чтобы объяснить значение всей глагольной конструкции. Следовательно, бивербальные конструкции признаются свободными синтаксическими сочетаниями. Такого мнения придерживаются авторы грамматик тюркских языков (см.: [Дыренкова 1940; Кононов 1980]). Значения бивербальных конструкций через интерпретацию значений ВГ описываются в работах [Шамилоглу, 1996; Андерсон, 2001; Тазранова, 2005; Ознова, 2006; Шлуинский, 2009; Садырова, 2012 и др.].

Вторая точка зрения связана с пониманием связи ВГ и деепричастия как словообразовательной. Часть ученых считает, что в тюркских языках ВГ в конструкциях со смысловыми глаголами

участвуют в образовании отдельных лексических образований – сложных глаголов. Такой подход находим в грамматике тувинского языка [Исхаков, Пальмбах, 1961; Насилов 1976; Лемская, 2011]. Авторы грамматики киргизского языка называют такой способ глагольного образования лексико-синтаксическим [Грамматика киргизского языка, 1987, с. 220]. Конструкция с деепричастием образует новую лексическую единицу, требующую отдельного описания в лексической системе языка, и становится явлением словообразования.

В нашей работе мы придерживаемся первой точки зрения, хотя и не отрицаем возможность деривационного процесса при сращении деепричастия и ВГ, что происходит в отдельных случаях. В алтайском языке мы находим такие примеры сложных глаголов, как *јана берди* «подался назад», «отказался», *амырап јурди* «гулял» и *боло берди* «согласился» (в отличие от свободного сочетания *Не боло берди?* «Что случилось?»). Основная же масса глаголов, в которых сочетаются смысловая и ВГ, образуют единицу на уровне синтаксиса.

1. Типы деепричастий, образующих конструкции с ВГ бер- в алтайском языке

В результате грамматикализации ВГ *бер-* образовался от самостоятельного глагола *бер-* «давать». В алтайском языке он используется с двумя типами деепричастий – соединительным, оканчивающимся на *-ып*, и слитным, оканчивающимся на *-а*. Отрицательные формы этих деепричастий омонимичны. Сравните, например, положительные и отрицательные формы деепричастий глагола *быжыр-* «печь»: *быжырып* – *быжырбай*, *быжыра* – *быжырбай*.

Языковые факты из древнетюркского языка свидетельствуют о том, что значение деепричастия на *-а* исторически нестабильно. В грамматике тюркского языка VII–IX веков А.Н. Кононов указывает на то, что с ВГ *bir- ~ бер-* для обозначения совершения действия в интересах другого лица в древних текстах используются смысловые глаголы в форме слитного деепричастия (*tuta birmis* «устраивали») [Кононов, 1980, с. 198]. Д.М. Насилов утверждает, что значения слитного деепричастия в древнетюркских языках были теми же, что и значения соединительного деепричастия в современных тюркских языках [Насилов, 1976, с. 165].

Деепричастие и ВГ образуют предикат предложения. И.А. Невская отмечает, что вместе они представляют «семантическое и функциональное слияние» [Невская, 1988, с. 156]. В тюркских языках грамматические признаки времени, модальности, аспекта, лица и числа

выражаются самой формой ВГ. Рассуждая по поводу функциональной роли ВГ в сочетании с деепричастием, Г. Андерсон называет ВГ формоизменяющим ядром конструкции (inflectional head) [Anderson 2001]. В общем этот постулат справедлив и по отношению к алтайскому языку, однако еще одним грамматическим носителем значения множественности в этом языке является аффикс *-гыла-*, который может оформлять как смысловой, так и ВГ (об этом кратко в 2.2.1). В таком случае грамматические и семантические отношения между деепричастием и ВГ сложнее, чем простое сочетание.

2. Многозначность ВГ *бер-*

Во многих тюркских языках глагол *бер-* является многозначным ВГ. В каждом из своих значений он сочетается лишь с определенной группой глаголов. Наше исследование показывает, что этот глагол в функции вспомогательного в алтайском языке образует сочетания с соединительными или слитными деепричастиями практически от любого глагола. Исключения составляют лишь те глаголы, деепричастные формы которых в языке являются неактивными. К ним относятся слитные деепричастия от глаголов *бер-* «давать», *бар-* «уходить», *кел-* «приходить» ([?]*бере*, [?]*бара*, [?]*келе*), хотя вполне возможны, по мнению носителей, их формы с аффиксом множественности: *бергилей*, *баргылай* и *келгилей*.

Среди значений алтайского ВГ *бер-* мы выявили следующие: во-первых, в конструкциях глагола *бер-* с соединительными деепричастиями выражается бенефактивное значение; во-вторых, конструкции со слитными деепричастиями имеют инхоативное значение – приобретение субъектом признака или начало действия, а также значение завершенности передвижения. Последнее значение связано со сменой места или положения субъектом и в работах известных нам авторов не упоминается. Практический материал исследования верифицирован в ходе работы с носителями языка.

Конструкции типа *V-ын бер-*

В подобных конструкциях у глагола *бер-* отчасти сохраняется исходное значение «давать», а все сочетание реализует бенефактивное значение. В роли деепричастий используются только переходные глаголы со значением такого действия, результат которого может совершаться в пользу или для кого-либо (бенефицианта):

а) глаголы приобретения: *ал-* «брать, приобретать», *айры-* «забирать», *блаа-* «изымать», *сат-* «покупать», *таа-* «находить», *уурда-* «красть» и т.п.: *Алып бер!* (Поддай мне!); *Жикпе энемге жаразын, жарабазын, тўнгей ле алып берерим* (Юбка маме понравится или нет [не знаю], но я ее для нее все равно куплю);

б) глаголы речевого действия: *айт-* «говорить», *јарта-* «объяснять», *јетир-* «сообщать», *куучында-* «рассказывать», *чокымда-* «уточнять» и т.п.: *Ередүчи јавы теманы балдарга јартап берди* (Учитель объяснил детям новую тему);

в) глаголы перемещения: *апар-* «уносить», *јетир-* «доставлять», *сал-* «класть», *табыштыр-* «передавать, вручать», *экел-* «приносить» и т.п.: *Энези уулыны в сумказына сарјуду калаш салып берген* (Мама положила в сумку сыну бутерброды [= бутерброды для сына]); *Сен ологго јавды табыштырып та берзең, олог сени түңвей ле өлтүрүп койор* (Даже если ты им передашь власть, они тебя все равно убьют) [Шодоев, 1984, с. 64];

г) глаголы, связанные с интеллектуальной, физической и профессиональной деятельностью: *ас-* «готовить», *бијеле-* «танцевать», *бичи-* «писать», *болуш-* «помогать», *јакы-* «заказывать», *јун-* «мыть», *јуунат-* «прибирать», *көктө-* «шить», *кычыр-* «читать», *көчүр-* «переводить», *сугар-* «поливать» и т.п.: *Кайда, кытты јуунадарга болушуп берейин* (Давайте я помогу прибрать комнату); *Бистив школды в балдары слерге бијелеп берер* (Дети нашей школы будут для вас танцевать).

Принципиально важным является то, что информация о реципиенте действия не является частью лексического значения многих смысловых глаголов в конструкциях *V-ып бер-*. Заимствуя из работы Е.А. Пшехотской термины «субкатегоризованный актант» и «несубкатегоризованный актант» [Пшехотская, 2012], мы подразделяем глаголы, которые могут использоваться в качестве смысловых с глаголом *бер-*, на два класса. Первый класс – это глаголы с субкатегоризованным актантом, который соотносится с реципиентом результата действия, выраженного глаголами из групп (б) и (в) – «говорю что-то кому-то», «приношу что-то кому-то». Во второй класс входят глаголы групп (а) и (г) с неуточненным, то есть несубкатегоризованным, реципиентом действия - «нахожу что-то (для себя / кого-то)», «поливаю что-то (для себя / кого-то)».

Предложения с отрицательной формой ВГ звучат со значительной долей экспрессии, могут выражать категоричность. При этом вся конструкция *V-ып бербе-* подразумевает договоренность об исполнении действия для кого-либо, которая в силу каких-либо условий нарушается. Например, в предложении «*Амырга Слердив ижеер керегинде куучындап бербезеер*» (Пожалуйста, не рассказывайте Амыру о своей работе) использование ВГ *бер-* с отрицательным аффиксом означает, что между Амыром и лицом, которого просят не рассказывать о своей работе, была договоренность, согласно которой

последний должен был сообщить Амыру информацию о своей работе. Нейтральная ситуация, при которой к кому-то просто обращаются с просьбой не рассказывать о чем-либо, актуализируется в предложении без ВГ *бер-* – «Амырга Слерди*в ижеер керегинде куучындабазаар*».

Наш анализ языкового материала показывает, что конструкции с ВГ *бер-* находятся в отношении оппозиции к конструкциям с ВГ *ал-*. Их прямые значения – «давать» и «брать»: ср. *көдүкти садын берген / алган* «купил машину другому лицу / себе», *конфетти блаап берген / алган* «отобрал конфету для другого лица / для себя». В работе Г. Андерсона конструкции, в которых реципиент действия совпадает с актантом, называются «self-benefactive» [Андерсон, 2001].

Сочетания с ВГ *ал-* могут означать такое действие, которое выполняется только для себя; бенефактивного значения они выражать не могут: *ичип алгам* «я выпил», «я напился», но неверно **ичип бергем*. Однако при добавлении к основе смыслового глагола аффиксов понуждения *-дир-*, *-т-*, *-ер-*, *-гус-* обозначение выполнения действия в пользу другого лица с помощью глагола *бер-* становится возможным - *ичип ал-* «пить» - *ичиртин бер-* «поить кого-то», *минип ал-* «сесть верхом» - *миндирип бер-* «подсадить на коня кого-то», *көрүп ал-* «присмотреть что-то для себя» - *көргүзүп бер-* «показать что-то кому-то».

При необходимости выразить бенефактив действия непереходного глагола, производимого для себя, в предложении типа «Я оделась так красиво для тебя», используется аппликатив: «Мен *сеге шак мындый жараш кийнип алгам*».

Конструкции типа *V-a бер-*

В конструкциях типа *V-a бер-* в роли деепричастия на *-а* используются переходные и непереходные глаголы. Мы установили три значения этой конструкции: «приобретение признака», «начало и продолжение действия», «завершенность передвижения». В сознании говорящего ситуация, описываемая конструкцией *V-a бер-*, предстает в виде двух обязательных фаз для ее трех значений: (а) говорящий отмечает наступление ситуации *P* с появлением признака *x*; (б) говорящий осознает или является свидетелем того, что ситуации *P* предшествовала ситуация *P₁*, при которой признак *x* отсутствовал. Во всех значениях конструкции *V-a бер-* имеется ретроспективный взгляд на ситуацию в любом времени.

В отличие от сочетания *V-ып бер-* в конструкции с деепричастием на *-а* аффикс отрицания добавляется к основе

смыслового глагола, а предложение с такой конструкцией не отличается дополнительной эмоциональной окраской.

Значение «приобретение признака»

Конструкции *V-a бер-* могут означать приобретение некоего признака или свойства одушевленным или неодушевленным объектом, постепенное достижение некоего состояния, в том числе физического, эмоционального или психического. В функции смыслового глагола встречаются следующие статичные глаголы:

а) глаголы бытия: *бол-* «быть»: *База не боло берди?* (Что еще случилось?);

б) глаголы со значением изменения физического состояния, размера, количества, качества: *аста-* «уменьшаться», *бирик-* «сливаться», *божо-* «заканчиваться», «скончаться», *быш-* «зреть», *жет-* «достигать», *кызар-* «краснеть», *јаана-* «увеличиваться», *көптө-* «увеличиваться», *ооры-* «болеть», *өл-* «умирать» и т.п.: *Удабас јиллек быжа берер* (Скоро ягода начнет зреть); *Сооктор түйше, помидорлор бышпай берер* (Если холода наступят, помидоры зреть не будут); *Соок суула урынып турала, оорыбай берди* (Он обливался холодной водой и теперь не болеет);

в) глаголы чувств: *алавзыра-* «сомневаться», *ачын-* «обижаться», *күйүйн-* «завидовать», *кунук-* «грустить», *кыртыштана-* «раздражаться», *мавзыра-* «растеряться», *оморко-* «гордиться», *санаарка-* «переживать», *сүүн-* «радоваться», *токына-* «успокаиваться», *чочы-* «пугаться», *чөкөн-* «отчаиваться» и др.: *Сен мени јаантайын чочыдып турары уда, мен эмди сене чочыбай бердим* (Из-за того, что ты меня часто пугал, я теперь тебя не боюсь).

Значение «приобретение признака» передается в конструкциях и с акциональными глаголами с аффиксом пассивности *-л-*: *јаркындал-* «загораться, освещаться», *јартал-* «объяснять», *јил-* «съедаться», *кезил-* «разрезаться», *сезил-* «чувствоваться», *согул-* «ударяться», *сөзүл-* «разорваться», *сузул-* «набираться (о жидкости)», *тежил-* «разорваться», *эдил-* «сделаться», *элбел-* «расширяться», *эпчел-* «загибаться, подворачиваться» и т.п.: *Бисте бастыра эдиле берер!* (У нас все получится!); *Ередүчи школдо болбогон деп јартала берди* (Выяснилось, что учителя в школе не было); *Акыр, бүк эпчеле берди!* «Постой, страница согнулась!».

Аффикс *-гыла-* добавляет некоторый нюанс при выражении способа протекания действия. Сравним два предложения *Ада-эне карыйла, јаш балдардый боло бергиледи* (Родители постарев, ведут себя как дети) и *Студенттер билбеечи кижы болгылай берди*

(Студенты притворяются, как будто ничего не знают). Первое предложение с аффиксом *-гыла-* при ВГ *бер-* является нейтральным по сравнению со вторым. Аффикс *-гыла-* в составе смыслового глагола указывает на многократность действия – студенты притворяются, что чего-то не знают, не только сейчас, а довольно регулярно. В нашей работе мы ограничиваемся лишь кратким обозначением проблемы значения аффикса *-гыла-* и его влияния на семантику глагольного выражения, поскольку данная тема является малоизученной и требует дополнительного исследования.

Значение «начало и продолжение действия»

Это значение реализуется в сочетании ВГ *бер-* с деепричастиями от акциональных глаголов. Конструкция обозначает такую ситуацию, при которой действие (признак *x*) началось и продолжается во времени. Фаза «начало действия» и «продолжение действия» в конструкции *V-a бер-* воспринимаются говорящим в единстве. Конструкция *V-a бер-* со значением начала действия является одним из способов выражения инхоатива как функционально-семантической категории аспектуальности. При исследовании инхоативного значения Г.К. Садырова отмечает, что инхоативы обозначают «эволютивное начало действия, то есть предполагают начальную переходную фазу или период, в течение которого происходит накопление определенных свойств, ведущих к изменению, к появлению ситуации» [Садырова, 2012, с. 7].

На наш взгляд, последняя фаза может иметь, по крайней мере, два способа актуализации. В первом случае фаза «продолжение действия» характеризуется длительностью. Ситуация *P* разворачивается с момента начала события, действие продолжает развиваться на момент речи и приобретает признаки нарастания, достигая такой степени, при которой действие, перейдя этап начала, входит в этап полной реализации. Этот подтип значения связан с началом актуального длительного действия: *Бир канча уткуулду сѳстѳрди v кийнинде столдо отурган айылчы таракандар талканды јий бердилер* (После нескольких приветственных слов присевшие за стол гости-тараканы начали есть [и едят] талкан) [Кокышев, 1973, с. 33]; *От ѳѳѳ берерде, мѳн кайнабай берди* (Когда погас свет, бульон перестал кипеть); *Бала v ујуктай берди бе?* ([Твой] ребенок заснул?).

Второе прочтение фазы «продолжение действия» связано с визуализацией такой ситуации *P*, временные границы которой намного шире: действие приобретает значение хабитуалиса, поскольку характеризуется как часто повторяющееся с некоего

момента в прошлом, настоящем или будущем и понимается как разворачивающееся во времени, приобретающее интенсивность. Действие, начавшись в определенный момент, становится привычным и повторяется с некоторой регулярностью, и говорящий воспринимает его так, как будто оно будет повторяться, развиваться и дальше. Похожее замечание делает и У. Шамилоглу, указывая на повторность действия (*repetition*) и регулярность (*typicalness*) [Shamiloglu 1996]. Проиллюстрируем наше утверждение примерами: *Он эки јаштуда торттор **быжыра береримде**, бис выпечка садып аларын токтотконыс* (Когда в двенадцать лет я начала печь торты [= это вошло в привычку], мы перестали покупать выпечку); *Эмди балдар мешкелерди бойлоры **таба берген*** (Теперь дети сами стали находить грибы); *Сирияныу улuzu Европадöбн **кöчкилей берди*** (Сирийцы начали переезжать в Европу [= и до сих пор переезжают]).

Конструкции *V-а бер-* в определенных контекстах выражают момент, начиная с которого субъект действия умеет что-либо делать. Например, следующий пример обозначает ситуацию, при которой ребенок: а) начал читать и мы наблюдаем его чтение; б) научился читать и теперь может нам что-то прочесть: *Бала **кычыра берди***. Сравните также: *Баркызы база берди* (Его внук начал ходить); *Кече кызым «р» табышты айда берди* (Вчера моя дочь начала произносить звук «р»).

В роли смыслового глагола в рассматриваемых конструкциях используется и сам глагол *башта-* «начинать»: *Кажы ла јавы башкару бойыныу ижин јавыдау **баштай берер** кўўндў* (Каждое новое правительство свою работу желает начать с чистого листа). Отмечаем примеры, когда в роли смыслового глагола используются деепричастия ВГ, например, *отур-*, указывающий на ближайшее будущее время: *Ай ажарга отура берди* (Луна вот-вот зайдет).

Значение «завершенность передвижения»

Глагольные сочетания *V-а бер-* со значением завершенности перемещения понимаются как выражения, указывающие на смену места или положения субъекта, причем событие воспринимается как законченное. Глагол *бер-* придает действию смыслового глагола перфектное состояние. Деепричастия в конструкциях *V-а бер-* образуются только от непереходных глаголов движения, где движение понимается в широком смысле: *јан-* «возвращаться домой», *јат-* «ложиться», *јўр-* «уходить», *јыгыл-* «упасть», *кеч-* «переходить», *кач-* «сбегать», *кöч-* «переходить», «переезжать», *мапта-* «бежать», *тогolon-* «катиться», *тўш-* «спускаться»,

«падать», уч- «лететь», чык- «выходить», ычкын- «выпасть», и т.п. Все эти глаголы объединены семантикой передвижения субъекта в пространстве независимо от того, какова цель, способ или направление движения. Приведем несколько примеров реализации этого значения: *Улус ончозы турадав кӧчӧ берген* (Все люди выселились из дома); *Агашты силкип турарымда, аламалар тӱже берди* (Когда я потрясла дерево, яблоки упали).

В функции финального предиката алтайского предложения конструкция *V-а бер-* в значениях «начало и продолжение действия» и «завершенность перемещения» может использоваться в повелительном наклонении со следующим дополнительным смыслом: говорящий выражает совет, рекомендует совершить действие при условии, что что-то произойдет. Примеры: *Ол сени сураза, кычыра бер* (Если он тебя попросит, то начни читать); *Астанага јетире билеттерди в баазы јабызай берзе, учкылай бер* (Если цена на билеты до Астаны станет меньше, улетайте); *Сковорода изип ийе берзе, быжыра беригер* (Когда сковорода накалится, начинайте печь).

3. Стяженные формы конструкций с ВГ *бер-*

На многообразии стяженных форм как отличительное свойство языков кыпчакской группы указывается в статье Н.Н. Ширококовой [Ширококова, 2015, с. 247]. Разговорной речи алтайского языка это особенно свойственно. Тенденция к образованию стяженных форм коснулась и конструкций с ВГ *бер-*. Соединительное деепричастие и глагол *бер-* упрощаются до стяженных форм с выпадением аффикса *-ып*. При этом начальный звук ВГ оглушается. Грамматические показатели форм прошедшего (а–в), настоящего (г) и будущего (д) времени в стяженных формах сохраняются без изменения за исключением аффиксов *-ган* и *-атан*, в которых начальные /г/ и /а/ выпадают. Подчеркиваем в примерах показываем ударение:

(а) *уурып берди* > *уурперди* «налил другому лицу»;

(б) *эдип берген* > *этперен* «сделал другому лицу»;

(в) *айдып беретен* > *айтпертен* «бывало часто говорил другому лицу»;

(г) *садып берет* > *сатперет* «покупает для другого лица»;

(д) *алып берер* > *алперер* «возьмет для другого лица».

Несмотря на то, что упрощенные формы регулярно используются носителями алтайского языка, в письменной форме многие из них можно встретить только в фольклорных материалах. Одним из таких источников является монография К.В. Ядановой [Яданова, 2013], в которую вошли тексты, записанные со слов

жителей Кош-Агачского района (теленгитов). В ней мы находим следующие формы, где деепричастие и ВГ образуют единую глагольную форму: *айтыперен / айдыперген* < *айдыт берген* «рассказывал», *уруп салперер* < *уруп салып берер* «будет лить», *чыгарперерде* < *чыгарып берерде* «когда достали, чтобы показать», *эжелперер* < *эклип берер* «вернет».

Упрощенные формы образуются и для слитного деепричастия с глаголом *бер-*. Корень ВГ в стяженных формах подвергается значительным изменениям, однако грамматические показатели форм прошедшего (а–в), настоящего (г) и будущего (д) времени сохраняются. В отдельных районах Республики Алтай сложилась своя устная произносительная норма для стяженных форм. В наших примерах приводятся общие (нейтральные) стяженные формы и формы, характерные для разговорной речи жителей Онгудайского и Улаганского районов. Подчеркиванием в примерах отмечен ударный долгий гласный:

(а) *тõvõ берген* > общ. *тõvеерен* / Онг. *тõvöөрөн, тõvöөрөн* / Улаг. *тõvаарен* «замерз»;

(б) *карый берди* > общ. *карыйеерди* / Онг. *карыйöөрди* / Улаг. *карыйаарды* «состарился»;

(в) *кõчõ беретен* > общ. *кõчõйеертен* / Онг. *кõчõйöөртен* / Улаг. *кõчõйаартен* «бывало начинали переезжать»;

(г) *база берет* > общ. *базеерт* / Онг. *базöөрт* / Улаг. *базаарт* «начинает ходить»;

(д) *кайнай берер* > общ. *кайнайеерер* / Онг. *кайнайöөерер, кайнайöөрөр* / Улаг. *кайнайаарер* «закипит».

Записи устных рассказов К.В. Ядановой дают следующие примеры стяженных форм слитного деепричастия с глаголом *бер-*: *апааран* < *апара берген* «унес», *басеердим* < *базып бердим* «я пошел», *басеерен* < *база берген* «отправился», *баса да берен* < *база да берген* «бродил», *басерер* < *база берер* «отправится», *болеерди* < *боло берди* «случилось», *jedeерен* < *jede берген* «достиг», *jүререн* < *jүре берген* «ушел», *качеербесин* < *кача бербезин* «чтобы не сбежал», *öдөрөн* < *öдө берген* «прошел», *салеерер* < *сала берер* «отправится», *учуреерен* < *учура берген* «сорвал (о ветре)» и др. [Яданова, 2013].

Отрицательные стяженные формы с глаголом *бер-* невозможны. Стяженные формы с глаголом *бер-* не были описаны системно, хотя они фиксируются в примерах в отдельных работах.

4. Синтаксические функции конструкций с ВГ *бер-* в предложении

Конструкции *V-ып бер-* и *V-a бер-* в любых вышеописанных значениях могут использоваться в функции глагольного сказуемого для оформления предикативной части простого или сложного предложения. Деепричастные конструкции выражают одно событие (ситуацию). Это событие выполняется субъектом, который в предложении обозначается подлежащим.

В собранных нами материалах отмечаем использование конструкции со слитным деепричастием *V-a бер-* в художественном тексте в следующих функциях:

- глагольное сказуемое (большая часть примеров в 2.2.1–2.2.3);
- именное сказуемое: *Јер те вери бириге бергендий* (Земля как будто слилась с небом) (где *-дий* – аффикс образования прилагательных);
- дополнение: *Нөкөш Карчаганып јер-алтайына јана бергенине сүүнип, көкси кеv, санаазы јарып, сыны је милдеди* (Нокеш обрадовался тому, что Карчага отправился на Алтай, в груди стало легко, в мыслях светлее, на душе легче) [Шодоев, 1984, с. 36];
- определение: *Аргымай тепкишти төмөн базып, сала берген табыжы јылыыйп калды* (Шум шагов, когда Аргымай спускался по лестнице, стих) [Манитов, 2014, с. 28];
- обстоятельство: *Уулы күнге кылбыга берген чилеп туура көрди* (Его сын смотрел в сторону, как будто шурясь от солнца).

5. Грамматикализация глагола *бер-* «брать» в функции ВГ

Рассмотренные в статье примеры деепричастных сочетаний с глаголом *бер-*, на наш взгляд, показывают, что чем большей грамматикализации подвергается ВГ, тем более абстрактными являются его аспектуальные значения, а значение всего сочетания находится в большей зависимости от тех значений, которые может выражать модифицирующий ВГ. Мы отмечаем низкую степень грамматикализации *бер-* в сочетаниях с соединительными деепричастиями, в которых он сохраняет исходное значение «давать», в силу чего и реализуется бенефактивное значение, и высокую степень развития грамматического значения в сочетаниях со слитными деепричастиями.

Наше понимание грамматикализации в этом смысле не совсем совпадает с имеющимися мнениями других исследователей, например, В.М. Лемской, в работе которой пик грамматикализованности связывается не с наивысшей степенью «стертости» исходного значения ВГ, а с редукцией формы деепричастия в конструкции (*äkäl-* «принести» в чулымско-

тюркском языке, в котором срослись два корня *al-(I)p* и *käl-* [Лемская, 2011, с. 176]).

Выводы. Рассмотренные конструкции деепричастий с глаголом *бер-* свидетельствуют о многозначности этого ВГ. В комбинации с соединительным деепричастием он выражает бенефактивность, а в конструкциях со слитным деепричастием – приобретение признака, инхоативность и продолжительность действия, завершенность передвижения. Значение смыслового глагола в конструкциях *V-ып бер-* и *V-a бер-* модифицируется средствами ВГ. Значения глагола *бер-* с деепричастиями на *-a* зависит от семантического типа смыслового глагола и от контекста (например, выражение *кӧчкилей берген* может означать и инхоативность, и завершенность передвижения – «начали переезжать» / «переехали»).

Структурная цельность таких конструкций может нарушаться за счет использования частиц *ла* и *да* и аффикса множественности – *гыла-* (см. примеры в 2.2.1). Семантическая обусловленность смыслового глагола вторым элементом в конструкции и структурная членимость подтверждают, что изученные нами бивербальные образования с ВГ не являются средством двусловной словообразовательной номинации.

Важным семантическим аспектом в структуре смысловых глаголов, использующихся в бенефактивных конструкциях *V-ып бер-*, является указание на реципиента действия или отсутствие такового. Глагол *бер-* в алтайском языке сочетается и с глаголами, у которых лицо, в пользу которого выполняется действия, является частью лексического значения (субкатегоризовано), и с глаголами, в значение которых оно не входит.

Исследование показало, что ситуация, описываемая бивербальной конструкцией *V-a бер-*, подразумевает, что говорящий является свидетелем перехода ситуации из фазы *P₁*, при которой признак отсутствовал или действие не имело места, в фазу *P₂*, которая характеризуется появлением признака или началом действия.

В нашей работе мы показали, что конструкции с глаголом *бер-* не привязаны исключительно к предикативной части предложения – их синтаксические функции намного шире.

Имея широкую сочетаемость, глагол *бер-* стоит на одной ступени с другими ВГ, которые также сочетаются с большей частью единиц глагольной системы языка – это глагол *jam-* (маркер актуального действия), *тур-* (маркер актуального и часто

повторяющегося действия) и *бол-* (значение возможности). В то же время высокая степень сочетаемости глагола *бер-* отличает его от других ВГ, например, *кой-*, *кал-*, *ий-*, для которых выявляются существенные ограничения на сочетаемость.

Литература

- Грамматика киргизского литературного языка. Часть 1: Фонетика и морфология. Фрунзе, 1987.
- Дыренкова Н.П. Грамматика ойротского языка. М., Л., 1940.
- Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А. Грамматика тувинского языка. Грамматика и морфология. М., 1961.
- Кокышев Л.В. Карычак. Горно-Алтайск, 1973.
- Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX веков. Л., 1980.
- Лемская В.М. Сложные сказуемые фразеологизированного типа как способ номинации пространственной характеристики глагольного действия в чувлымско-тюркском языке // Вестник Томского гос. пед. ун-та. Вып. 9 (111) 2011. Томск, 2011.
- Манитов С.К. Төжүлөй. Горно-Алтайск, 2014.
- Наилов Д.М. К истории вспомогательных глаголов в тюркских языках // Тюркологические исследования. М., 1976.
- Невская И.А. Деепричастия на *-н* как компонент осложненного и сложного предложения в шорском языке // Компоненты предложения (на материале языков разных систем). Новосибирск, 1988.
- Озонова А.А. Модальные аналитические конструкции в алтайском языке. Новосибирск, 2006.
- Пшехотская Е.А. Косвенное дополнение как субкатегоризованный и несубкатегоризованный актанта (на материале русского языка): автореферат дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2012.
- Садырова Г.К. Категория инхоативности в русском и кыргызском языках: автореферат дис. ... канд. филол. наук. Бишкек, 2012.
- Тазранова А.Р. Бивербальные конструкции со вспомогательными глаголами бытия в алтайском языке. Новосибирск, 2005.
- Широбокова Н.Н. О смене классификационного типа (на материале тюркских языков Сибири) // Сибирский филологический журнал. 2015. № 4.
- Шлуинский А. Б. Бивербальные конструкции и их лексические ограничения // Тубаларские этюды. М., 2009.
- Шодоев И. Кызалавду жылдар. Горно-Алтайск, 1984.
- Яданова К.В. Предания, легенды, былички теленгитов долины Эре-Чуй. Горно-Алтайск, 2013.
- Anderson Gregory D. S. Subject Version and Object Version in Tofa Auxiliary Verb Constructions // Turkic Languages 5 (1): 2001.
- Schamiloğlu Uli. Turk Dillerinde Yardımcı Fiiller Sorunu (The Problem of Auxiliary Verbs in the Turkic Languages) // Uluslararası Türk Dili Kongresi 1988. Ankara, 1996.

ОСОБЕННОСТИ ЭКСПЛИКАЦИИ ЛИЧНОСТНЫХ СМЫСЛОВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ АНГЛИЙСКИХ БЕЗЛИЧНЫХ И ПОСЕССИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ (ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

А.В. Кочкинекова

Ключевые слова: безличное предложение, посессивное предложение, предложная конструкция, предлоги *about* и *in*, личностный смысл, эмпирическая валидизация, критерий χ^2 -Пирсона.

Keywords: impersonal sentence, possessive sentence, prepositional construction, prepositions *about* and *in*, personality sense, empirical validization, chi square of Pearson criterion.

Переводоведение, как известно, является молодой наукой, получившей свое официальное оформление лишь во второй половине XX-го столетия, что во многом объясняет детальную непроработанность многих как теоретических, так и практических вопросов, а также отсутствие надежной доказательной эмпирической базы в большинстве проводимых исследований. Сказанное относится ко многим вопросам науки о переводе, включая и перевод безличных предложений с предваряющим *there* и посессивных предложений с глаголом *to have* с предложными конструкциями при описании психических особенностей и свойств личности описываемого человека. Можно много говорить о специфике экспликации личностных смыслов в указанных синтаксических комплексах, а также о различного рода переводческих преобразованиях при их передаче на русский язык, но, конечно, хотелось бы предоставить результаты эмпирической валидизации исследуемых в работе особенностей, что повысит научную ценность выполняемой работы. Следует также уточнить, что в рамках данного исследования акцент делается на особенностях предложных конструкций, входящих в исследуемые предложения с предлогами *about* и *in*, а также на специфике экспликации личностных смыслов при передаче анализируемых синтаксических комплексов на русский язык (подробно о личностных смыслах см. [Кочкинекова 2015, 2016]).

Анализируемые в работе предложения, в состав которых входят указанные предложные конструкции, представляют собой особый интерес с исследовательской точки зрения. И.В. Шапошникова отмечает, что конструкции с предваряющим *there*, оформляя безличные предложения с глаголом состояния *to be*, стали

использоваться в языке чаще по мере ослабления и последующего распада парадигм флективных носителей значений. И если в древнеанглийский период отсутствие подлежащего в предложении было вполне нормальным явлением, ввиду того, что вся необходимая «для понимания актантных ролей по ситуации смысловая нагрузка» заключалась и во флективных показателях глагола-сказуемого, то для современного английского языка это неприемлемо [Шапошникова, 2011, с. 351]. Итак, с распадом флективной системы высокую популярность в употреблении приобретают предлоги, пришедшие на смену падежным окончаниям, и в данном типе предложений в составе предложной конструкции они выступают в роли обстоятельства места: *There is a book on the table*.

Уточняя специфическую природу предлога как служебной части речи, Г.Н. Воронцова пишет о том, что предлог, как правило, сам приобретает тот или иной смысл под воздействием контекста, уточняющего лексические значения объединяемых предлогов слов и общий смысл их комбинации [Воронцова, 1960, с. 76]. В то же время исследователь подчеркивает, что взаимодействие лексического содержания членов словосочетания с контекстуально определяющимся значением предлога может привести (и нередко приводит) к закреплению определенного значения предлога при определенном смысловом содержании главенствующего члена. Тогда упрощенно говорят, что этот член имеет данное лексическое содержание именно тогда, когда за ним следует этот предлог. При этом исследователь подчеркивает, что уточнение варианта содержания создается не предлогом как таковым, а установившимся смыслом отношений в ряде словосочетаний [Воронцова, 1960, с. 77]. И это, действительно, вполне логичное объяснение, но вместе с тем на основные вопросы, касающиеся специфики значения предлога при определенном смысловом содержании главенствующего члена, мы попытаемся ответить посредством проведения эмпирического исследования, а также определим непосредственную роль предлога в предложной конструкции.

Предложные конструкции выступают в роли обстоятельств места в рассмотренных ранее безличных и посессивных предложениях. Говоря непосредственно о самих посессивных предложениях с глаголом *to have*, следует отметить, что исходным конкретным значением данного глагола является обладание, а точнее – состояние обладания у его субъекта. Значение этого глагола в современном английском языке можно определить следующим образом: «нахождение в обладательном состоянии центра сферы субъекта глагола» [Шапошникова, 2011, с. 323]. Сфера субъекта глагола может

включать различного рода абстрактные сущности (качества, свойства, показатели психического состояния субъекта, его чувств, эмоций, способностей и т.д. [Шапошникова, 2011, с. 351–352]. В.Я. Плоткин, вслед за Р. Лангакером, определяет глагол *to have* как «вхождение референтов дополнений к *have* – предметов, качеств, действий, событий – в сферу, центром которой служит субъект глагола» [Плоткин, 1989, с. 210].

В работе О.Н. Селиверстовой говорится о том, что в ситуации, когда *Y* обозначает какое-нибудь свойство, к примеру, психическое, для описания используется чаще всего посессивная конструкция с глаголом *to have*, однако конструкция с предваряющим *there* также возможна [Селиверстова, 2004, с. 672]. При этом необходимо уточнить, что, по нашим данным, при описании психического мира субъекта безличная конструкция используется также довольно часто. В этом можно усмотреть и некоторого рода парадоксальность: именуемые безличными (бессубъектными) предложения описывают «внутренний мир» человека, индивидуально-психологические свойства его личности, другими словами, все то, что входит в многообразный и комплексный по своей природе психический мир субъекта: *There is something cruel about her*. При этом следует еще раз уточнить, в сфере, в которую входят все референты дополнений к глаголу *to have*, центром выступает не что иное, как субъект глагола [Плоткин, 1989, с. 210]. Субъект эксплицитно выражен в данном типе предложения: *She has something special about her*, что нельзя сказать о безличных предложениях с предваряющим *there*. Что касается вывода, сделанного О.Н. Селиверстовой, нами, в свою очередь, было замечено, что посессивные предложения с глаголом *to have* наиболее частотны по сравнению с безличными предложениями с вводным *there* в ситуации описания способностей, навыков, предрасположенностей (например, к языку, точным наукам и т.д.), входящих в структуру личности субъекта: *He has something of a mathematician about him. He has a poet somewhere in him*.

Как уже было сказано в начале проводимого нами исследования, некоторые лингвистические исследования, как правило, ограничиваются лишь теоретическими построениями, обходя стороной привлечение эмпирических данных. Для повышения валидности и надежности полученных результатов, а также для подтверждения и эмпирической верификации поставленных в работе гипотез было проведено специальное исследование – опрос респондентов.

Объект проведенного эмпирического исследования – предложные конструкции в составе безличных предложений с

вводным *there* и посессивные предложения с глаголом *to have* с предложными конструкциями, вводимыми предлогами *about* и *in*, описывающие мир человеческой психики.

Предметом исследования выступили особенности экспликации личностных смыслов при переводе указанных английских синтаксических комплексов на русский язык.

Цель проводимого исследования состояла в выявлении особенностей перевода безличных предложений с вводным *there* и посессивных предложений с глаголом *to have* с предложными конструкциями на русский язык.

Основные задачи исследования:

- выявить критерии, лежащие в основе сравнительно-сопоставительного анализа исследуемых предложных конструкций в составе предложений;
- определить количественную степень использования выделенных параметров;
- провести сравнительно-сопоставительный анализ исследуемых критериев в анализируемых синтаксических комплексах;
- выявить доминирующие личностные смыслы, лежащие в основе исследуемых в работе синтаксических комплексов.

В основу исследования положены следующие **гипотезы:**

- при переводе на русский язык предложных конструкций с предлогом *about* при описании психического мира субъекта актуализируется значение неопределенности, своего рода аппроксимативности. Перевод предложной конструкции с предлогом *in*, в свою очередь, связан с описанием более конкретного характера локализации индивидуально-психологических особенностей и психических свойств субъекта;
- исследуемые синтаксические комплексы с предложными конструкциями обладают высоким имплицативным потенциалом.

Выборка. В опросе (декабрь 2015) приняло участие 45 студентов Лингвистического института Алтайского государственного педагогического университета в возрасте 18–26 лет. Студенты обучаются на очной и очно-заочной формах обучения по специальности «перевод и переводоведение», а также «теория и методика преподавания иностранных языков». Некоторые из студентов, получающие образование по второй специальности,

обучаются на специальных переводческих курсах «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации», организованных лингвистическим центром Lingva при Лингвистическом институте АлтГПУ. Студенты владеют английским языком на уровнях Intermediate, Upper-Intermediate, Advanced.

Метод. Респондентам была предложена оригинальная анкета, содержащая 10 безличных предложений с вводным *there* и посессивных предложений с глаголом *to have*, обстоятельством места в которых были предложны конструкции с предлогами *about* и *in*. В предложениях описывались различные психические свойства, а также психологические характеристики субъекта:

There is something strange about her.

There is something strange in her.

He has something of a poet about him.

There was a poet somewhere in her.

There is something special about this Dutch violinist.

He has something of a mathematician about him.

She has something bad in her.

There is a poet in me.

There was something abnormal about her.

There is something odd about him.

Параметры выделения личностных смыслов строились на основании специальной диагностики представленных респондентами вариантов перевода. Так, на основании интерпретации осуществленных респондентами вариантов перевода предложений с предложными конструкциями, вводимыми предлогом *in*, были выделены следующие основные категориальные параметры экспликации личностных смыслов:

категоричность;

поведенческие характеристики;

типичное поведение;

негативные впечатления;

определенность;

искажения при переводе.

Параметр категоричности: в предоставленных респондентами вариантах перевода предложений отсутствовали специальные аппроксимативные маркеры, которые бы акцентировали временной или непостоянный характер описываемых поведенческих характеристик. Напротив, представленные примеры демонстрировали, что описываемые психические свойства свойственны, типичны

описываемому субъекту, что нашло отражение в выделении параметра категоричности.

Следует уточнить специфику выделяемого в работе параметра поведенческих характеристик. Данный параметр включал в себя как внешние поведенческие характеристики субъекта, так и его внутренние психологические характеристики.

Параметр «типичное поведение» также нуждается в уточнении. Термин «типичный», используемый в названии выделяемого параметра, может быть противопоставлен параметру ситуативного поведения, то есть поведения, которое в целом нетипично для субъекта, но в некоторых ситуациях возможно его проявление в силу различного рода обстоятельств, в то время как предложение *There is something strange in her* в зависимости от контекстной ситуации может описывать атипичное поведение. Ситуативными синонимами указанного словосочетания «атипичное поведение» могут быть такие словосочетания, как «неадекватное поведение», «девиантное поведение».

Принимая во внимание относительно широкую семантику английских прилагательных *bad*, *strange*, *odd* и др., которые в зависимости от конкретной ситуации подвергались лексико-семантической переводческой трансформации конкретизации, варианты перевода были самые разнообразные. К примеру, английское прилагательное *bad* у респондентов имело следующие русские вариантные соответствия: «плохой», «нехороший», «скверный», «негативный», «отрицательный», «трудный», «сложный». В зависимости от ситуации субъект высказывания (говорящий) может описывать посредством этой «синтаксической модели» поведение, характер описываемого человека или, выражаясь языком метафор, осуществлять оценку его «внутреннего мира». Конкретный характер локализации (*in her*, *in him*) был соотнесен с категоричным суждением говорящего. Наиболее типичными вариантами перевода представленных в анкете предложений были предложения, актуализирующие негативную оценку или впечатление говорящего об описываемом им субъекте, что и нашло свое отражение в выделении параметра негативной оценки: «В ней есть что-то плохое», «У нее есть отрицательные черты характера», «Она создает несколько негативное впечатление о себе», «Она обладает некоторыми негативными качествами», «У нее несколько скверный характер», «В ней есть некоторые минусы», «У нее несколько непростой характер» и др.

Параметр определенности был выделен на основании таких показателей-маркеров, как указание респондентами в своих ответах на конкретную локализацию «в ней было», «в нем присутствовало» и т.д.:

«В ней присутствовала темная сторона», «В ней были негативные черты» и др.

В качестве отдельного параметра был выделен параметр искажений при переводе. При анализе предоставленных респондентами вариантов перевода были выявлены искажения, которые носили различный характер. Это говорит о том, что на первый взгляд не вызывающие трудности синтаксические комплексы представляют особую сложность в плане их адекватной передачи на русский язык с учетом нормы и узуса языка перевода.

Как уже было отмечено выше, параметры выделения личностных смыслов строились на основании специальной диагностики представленных респондентами вариантов перевода. На основании диагностической интерпретации осуществленных респондентами вариантов перевода синтаксических комплексов с предлогом *about* были также выделены следующие основные параметры экспликации личностных смыслов:

- некатегоричность (отсутствие категоричности);
- поведенческие характеристики;
- ситуативное поведение;
- несформированная оценка (впечатление);
- неопределенность;
- искажения при переводе.

Выделенный в работе параметр неопределенности был рассмотрен вкуче с параметром аппроксимативности ввиду их относительной ситуативной синонимичности. Во многих вариантах перевода, представленных респондентами, присутствовали так называемые маркеры предположительности, гипотетичности, аппроксимативности, некатегоричности: «*некоторые*», «*несколько*», «*что-то*», «*нечто*». Перечисленные маркеры акцентируют диффузное, несколько размытое описание.

Маркеры неопределенности, а также предпочтение респондентами одних синтаксических моделей другой (более категоричной модели) позволили выделить параметр некатегоричности или отсутствия категоричности. Так, респонденты предложили такие относительно некатегорично звучащие варианты перевода, как «*Она несколько странно себя ведет*», «*В ней есть что-то несколько странное*» и др. Лишь небольшая часть опрошенных предложила вариант перевода «*Она странная*».

Параметр несформированной оценки (впечатления) был выделен на основании акцентуации респондентами размытого, диффузного мнения об описываемом субъекте: «*В ней есть что-то мне непонятное*».

Особого внимания заслуживает вариант перевода, осуществленный респондентами с помощью описательного способа с использованием переводческой трансформации смыслового развития или модуляции: «По ней было видно, (что) она не хороший человек, только сложно было сказать, что именно плохого в ней было». В этом варианте перевода и выносятся на поверхность анализируемый параметр несформированной субъектом высказывания оценки или впечатления. Это предложение может прозвучать из уст человека мало знакомого с описываемым им субъектом. Говорящий для себя еще четко не определил действительные границы этой странности или необычности, и, таким образом, точно не сформулировал мнение о нем как о личности, его характере, поведении и т.д.

Параметр ситуативного поведения был выделен на основе большого количества представленных вариантов перевода, в которых актуализировалось значение ситуативности (нетипичности). К примеру, «Он ведет себя не так, как всегда», «Он несколько странно себя ведет», «Какой-то он не такой, как всегда», «Его поведение отличается от его обычного поведения» и др. Как видно, в ответах респондентов наблюдается акцентирование нетипичного для описываемого субъекта поведения.

Результаты. В табл. 1 представлены результаты исследования особенностей экспликации личностных смыслов при переводе безличных предложений с предваряющим *there* и посессивных предложений с глаголом *to have* с предложными конструкциями, вводимыми предлогом *in*:

№	Категориальный параметр	Частота	Процент
1	Категоричность	44	19,56
2	Поведенческие характеристики	36	16,00
3	Типичное поведение	47	20,89
4	Негативные впечатления (оценка)	71	31,56
5	Определенность	15	6,67
6	Искажения при переводе	12	5,33
		225	100

Табл. 1. Результаты исследования перевода безличных и посессивных предложений с предложными конструкциями, вводимыми предлогом *in*

Данная таблица визуализирована в представленном ниже рис. 1, из которого наглядно видны наиболее частотные и наименее частотные параметры:

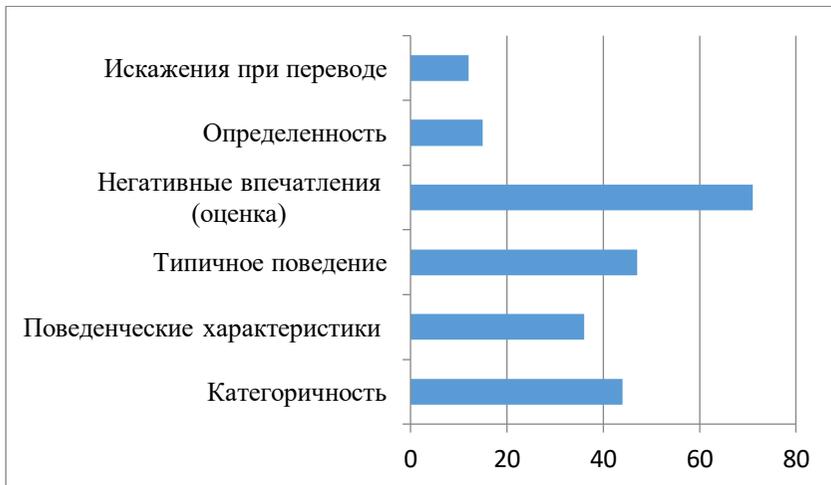

Рис. 1. Распределение ответов респондентов при переводе предложений с предложными конструкциями, вводимыми предложом *in*

Проведенное исследование позволило выявить закономерности и показать (табл. 1), что при переводе предложных конструкций с предложом *in* в исследуемых синтаксических комплексах наибольшую экспликацию находят такие параметры, как негативные впечатления (31,56%), типичное поведение (20,89%) и категоричность (19,56%).

Для данных синтаксических моделей характерно категоричное выражение идеи, демонстрация негативного отношения к описываемому субъекту, что и нашло свое отражение в популярности параметра негативной оценки (31,56%).

Во многих переведенных респондентами вариантах предложений отсутствовали специальные аппроксимативные маркеры, акцентирующие временной или непостоянный характер описываемых поведенческих характеристик. Напротив, представленные примеры демонстрировали, что описываемые психические свойства свойственны, типичны описываемому субъекту, что и подтверждается столь высоким показателем параметра типичного поведения (20,89%).

Относительно менее частотная экспликация параметра определенности в ответах респондентов (6,67%) вполне закономерна и объяснима и согласуется с вполне объективными данными. Большинство из представленных в анкете предложений включали в свой состав неопределенное местоимение *something*: *There is something odd about her.*

Также были выявлены незначительные искажения при переводе (5,33%). В основном эти искажения были допущены студентами второго курса, уровень владения языком которых в большинстве случаев соответствовал уровню *Intermediate*. Это свидетельствует о том, что на первый взгляд не вызывающие трудности синтаксические модели представляют особую сложность в плане их адекватной передачи на русский язык с учетом нормы и узуса языка перевода.

Для оценки достоверности различий между степенью выраженности исследуемых в эмпирическом исследовании параметров были проведены математико-статистические сопоставления. Критерий χ^2 -Пирсона позволил сделать вывод о том, что при интерпретации и анализе наиболее типичных ответов респондентов перевода синтаксических комплексов с предложной конструкцией, вводимой предлогом *in*, чаще всего актуализируются негативные впечатления ($\chi^2=64,34$, $p \leq 0,001$). Результаты могут быть экстраполированы на другие выборки, сходные с той, которая приняла участие в этом исследовании. Другими словами, они будут воспроизводимы, при условии, что в качестве респондентов выступят студенты языковых факультетов и институтов, обучающихся на 2–5 курсах с уровнем знаний языка не ниже *Intermediate*.

В табл. 2. представлены результаты исследования особенностей экспликации личностных смыслов при переводе безличных и посессивных предложений с предложными конструкциями, вводимыми предлогом *about*. Результаты позволяют получить общую картину характеристики личностных смыслов, лежащих в основе исследуемых в работе синтаксических комплексов:

№	Категориальный параметр	Частота	Процент
1	Некатегоричность	40	7,49
2	Поведенческие характеристики	81	15,17
3	Ситуационное поведение	101	18,91
4	Несформир. оценка (впечатление)	134	25,09
5	Неопределенность	149	27,90
6	Искажения при переводе	29	5,43
		534	100

Табл. 2 Результаты исследования перевода безличных и посессивных предложений с предложными конструкциями, вводимыми предлогом *about*

Также результаты визуализированы в нижеприведенном рис. 2., на котором наглядно представлены как наиболее частотные, так и наименее частотные критерии:

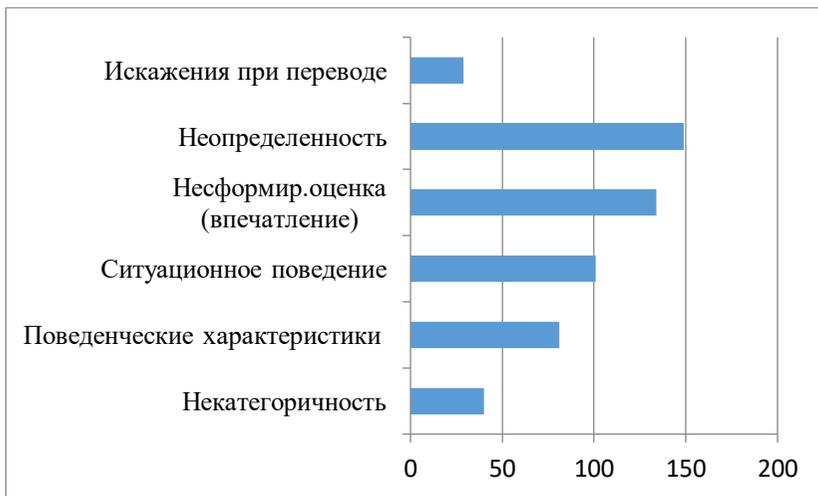

Рис. 2. Распределение ответов респондентов при переводе предложений с предложными конструкциями, вводимыми предлогом *about*

Проведенный опрос показывает, что в первую тройку вошли критерии неопределенности (27,90%), несформированной оценки или впечатления (25,09%), а также ситуативное поведение (18,91%).

Параметр неопределенности (27,90%) был рассмотрен вкуче с не представленным в таблице критерием аппроксимативности ввиду их относительной ситуативной синонимичности. Во многих вариантах перевода на поверхность был вынесен параметр несформированной субъектом высказывания оценки или впечатления.

Вторым по частотности выступил параметр несформированной оценки или впечатления (25,09%). К примеру, предложение типа *She has something odd about her* вполне может быть трансформировано в предложение с субъективным инфинитивным оборотом (Complex Subject): *She seems to be strange (She seems strange), She appears to be strange.*

Параметр ситуативного поведения (18,91%) также выступил одним из наиболее частотных. Наиболее типичным ответом респондентов были такие варианты перевода, как «Он ведет себя не

так, как всегда», «Он несколько странно себя ведет», «Какой-то он не такой, как всегда» и др. В ответах респондентов наблюдается акцентирование нетипичного для описываемого субъекта поведения. В английском языке одним из возможных способов описания ситуативности являются эмфатические предложения, такие как *You are being strange* – Ты ведешь себя странно (сейчас, в данный момент). Подобное предложение может прозвучать из уст одного из супругов в момент их ссоры, выяснения семейных отношений, где один из супругов проявляет чрезмерную эмоциональность, давая волю своим эмоциям и чувствам. Разница в употреблении заключается в том, что эмфатическая конструкция, будучи стилистически маркированной, репрезентирует эмоциональную возбужденность говорящего, в то время как конструкция с вводным *there* не индицирует эмоциональность.

В табл. 2. можно также увидеть выявление незначительных искажений при переводе (5,43 %). В основном эти искажения были допущены студентами второго курса, уровень владения языком которых в большинстве случаев соответствовал уровню *Intermediate*. Основные трудности были вызваны в первую очередь асимметричностью отношений в русском и английском языках: *There is something strange about her* – В ней есть что-то странное. Предложная конструкция с предлогом *about*, выражаясь на языке метафор, дефокусировала внимание респондентов, и ряд опрошенных в анкете указали такой вариант перевода: «О ней ходили слухи, что она странная».

Для оценки достоверности различий между степенью выраженности личностных смыслов исследуемых в работе синтаксических комплексов были проведены математико-статистические сопоставления. Критерий χ^2 -Пирсона позволил сделать вывод о том, что в результате интерпретации, а также посредством последовательного и емкого анализа наиболее типичных ответов респондентов при передаче исследуемых синтаксических комплексов с предлогом *about* наиболее частотным выступил параметр неопределенности ($\chi^2=132,97$, $p\leq 0,001$). Другими словами, безличные предложения с вводным *there* и посессивные предложения с глаголом *to have*, в которых в качестве обстоятельства места выступает предложная конструкция с предлогом *about*, репрезентируют неопределенность.

Выводы. Проведенное эмпирическое исследование позволило:

- выделить основные параметры выделения личностных смыслов на основании специальной диагностики представленных респондентами вариантов перевода;
- выявить специфику экспликации личностных смыслов при передаче исследуемых синтаксических комплексов;
- установить, что исследуемые предложения с предложными конструкциями обладают высоким имплицативным потенциалом, что нашло отражение в достаточно высоком количестве представленных респондентами вариантов перевода;
- определить наиболее и наименее частотные критерии личностных смыслов в безличных и посессивных предложениях с предложными конструкциями *about* и *in* при описании комплексного психического мира субъекта.

Однако проведенное исследование можно считать лишь начальным ориентиром, некой исходной позицией для проведения последующих исследовательских работ в области анализа личностных смыслов. В заключение следует также сказать о том, что данный подход к заявленной проблематике позволил сохранить четкие рамки проводимого лингвистического исследования, основательно фундировав его, максимально логично и непротиворечиво вписав в общий научный контекст изучения личностных смыслов в ракурсе эмпирической валидации.

Литература

- Воронцова Г.Н. Очерки по грамматике английского языка. М., 1960.
- Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. М., 2004.
- Кочкинекова А.В. Английские предлоги *inside* и *within* и их роль в репрезентации скрытых эмоций и чувств субъекта // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 6 (55).
- Кочкинекова А.В. Проблема феномена субъективности в науке о языке // Мир науки, культуры, образования. 2016. № 7 (56).
- Плоткин В.Я. Строй английского языка. М., 1989.
- Селиверстова О.Н. Труды по семантике. Языки славянской культуры. М., 2004.
- Шапошникова И.В. История английского языка. М., 2011.

ОБРАЗ ЕВРОПЕЙЦА В ТРАДИЦИОННОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ РУССКОГО НАРОДА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК, СОБРАННЫХ В.И. ДАЛЕМ)

Т.В. Краюшкина

Ключевые слова: психофольклористика, фольклор, русская народная пословица, русская народная поговорка, европеец, В.И. Даль.

Keywords: psycho-folklore studies, folklore, Russian proverb, Russian saying, European, V.I. Dahl'.

Устное народное творчество донесло до наших дней традиционные представления русского этноса о разнообразных формах верований и многих реалиях жизни, в том числе и систему представлений о других народах. Традиционное представление базируется на особом мировосприятии: пространство, время, люди, предметные реалии и прочие компоненты мира четко делятся на две категории – *свое* и *чужое*. *Свое* не представляет опасности, *чужое*, напротив, потенциально опасно; «<...> традиционно в русском менталитете доминирует противоборство добра и зла, причем добро, как правило, связано с близкой общностью (крестьянская община – первоисточник), а зло проистекает от ее разнообразных врагов <...>» [Богаевская, 2005, с. 295].

С этой позиции, видимо, традиционной культурой и воспринимались представители других народов, которых на Руси именовали *чужаками*, *инородцами*. Они говорили на непонятных языках, отличались от русских своей одеждой и прическами, манерами поведения. В традиционной культуре им приписывалась связь с нечистой силой и даже родство с нею, они якобы обладали способностью колдовать, обладали даром навести порчу, они лишены души, имеют плохой запах, их телам приписывается особая зооморфная черта – наличие хвоста [Белова, 2005]. Однако встреча с чужаками, считалось, могла принести счастье [Плотникова, 1995]. Но при этом «по отношению к «чужим» в народной культуре существует своеобразная иерархия: одни инородцы / иноверцы оказываются на поверку менее «чужими», чем другие» [Белова, 2002, с. 71]. К чужим относились евреи, цыгане же, принявшие православие, «воспринимаются как часть «своего» сообщества» [Белова, 2002, с. 74].

Безусловно, кроме мифологических представлений о других этносах на формирование восприятия чужеземцев большое влияние оказали и бытовые контакты русских с ними. В результате этого – довольно сложного синтеза мифологических представлений, реальных контактов,

специфики усвоения материала фольклорным сознанием и особенностей функционирования того или иного жанра устного народного творчества – и сложилось стереотипное восприятие других народов, нашедшее отражение в русском фольклоре. Каждый из фольклорных жанров с учетом присущей ему уникальности отражает ту или иную составляющую комплекса представлений о других этносах. Таким образом русское устное народное творчество в целом является энциклопедией традиционных представлений о других этносах. Особая ценность в этом плане принадлежит паремийному фонду, а именно пословицам и поговоркам (загадки и другие формы малых жанров лишь в незначительном количестве содержат информацию о других народах).

Психология народа является предметом исследования ряда гуманитарных дисциплин. «Собственно говоря, основной предмет психологии народов – это конкретно-исторические формы объективации «духа» в виде традиций, обычаев, ритуалов, мифов и различных видов искусства в их особенной для каждой культуры форме. Важнейшим предметом исследования психологических антропологов является то, как объективированные формы духовной культуры воздействуют (формируют) особенности поведения личности и содержание ее внутренних переживаний» [Белик, 2001, с. 9]. Психофольклористика – набирающая популярность область исследования фольклора – несомненно внесет свой вклад в решение обозначенной проблемы. С ее позиции мы и будем исследовать пословицы и поговорки, в которых отражен многовековой опыт русских, полученный во время контактов с представителями других наций. Для анализа фольклорного материала привлекается методология психофольклористики, которая на первом этапе сводится к фольклорному анализу текста. Затем, на втором этапе, из него вычленяются компоненты, содержащие зафиксированные в слове представления о психологии (обобщенно – в виде аксиом), присущие русскому народу. На третьем этапе на их основе воссоздается картина восприятия русским этносом психологии европейских народов и через призму этого становится очевидной специфика психологии самого русского этноса, отраженная в устном народном творчестве. Предмет статьи – образ европейца. Цель статьи – выявление комплекса представлений русских о европейских народах.

Значимую часть русского паремийного фонда представляют пословицы и поговорки о европейцах. В качестве материала для анализа послужили пословицы и поговорки, записанные В.И. Далем [Даль, 2000]. К работе был привлечен весь корпус пословиц и поговорок о европейцах из сборника В.И. Даля (всего выявлено 83 паремии, в том числе 36 – о немцах, по 17 – о французах и поляках, 4 – о греках, по 3 – о литве и

шведах, по 1 паремии – об англичанах, грузинах и молдаванах); большая часть из них приводится в данной статье. Несмотря на неравнозначную количественную репрезентацию паремий о каждом из перечисленных европейских этносов, в совокупности материал представляется ценным и достаточно убедительным, являя целостную (в рамках специфики паремийного фонда, безусловно) картину.

Многие пословицы и поговорки о европейцах уже не известны современным россиянам, тем не менее именно паремийный фонд является одной из основ, на которых зиждется трафаретное знание русского народа о других этносах. Память о контактах с европейцами в Средние века у русских почти не сохранилась (как о татаро-монгольском иге, например), но битва под Полтавой, состоявшаяся в 1709 году и закончившаяся поражением войска Карла XII, в пословицах и поговорках отражена: *«Пропал, как швед без масла»*, *«Пропал, как швед под Полтавой»*, *«Швед – нерубленая голова»*.

Французы в сознании русского народа прочно ассоциируются с 1812 годом. Они стремились победить Россию, но потерпели поражение: *«Наругался француз, да не надолго»*. Пословицы описывают сильный голод французов (*«Голодный француз и вороне рад»*, *«Как голодный француз, как голодный волк»*), их страх (*«Пуганый француз и от козы бежит»*, *«Французу давно след простыл»*) и неспособность переносить холод (*«Замерз, как француз; замороженный француз»*). Они сами виноваты в постигших их несчастьях (*«Сам себя съел француз, сам и поморозил»*, *«Был не опален (Наполеон), а из Москвы вышел опален»*). Французы, посягнувшие воевать с русскими на русской земле, на ней и погибли: *«Раскидал кости свои на чужбине, как француз»*, *«Чьего поля французы костями своими не усеяли?»*. Французы, топтавшие Россию, подлежат уничтожению, их ждет страшная смерть от рук крестьян: *«Я тебя, как француз, живьем закопаю»*, *«На француз и вилы ружье»*.

О чертах характера французов, не связанных с Отечественной войной 1812 года, в пословицах и поговорках говорится крайне мало. Негативно оцениваются их тела и души (*«У француз ножки тоненьки, душа коротенька»*) (то же самое говорится и о немцах), их нелепое, с точки зрения русских, телосложение (*«Француз – кургуз»*), именно с французом сравнивают человека, когда осуждают его болтливость и неосмотрительность (*«Это – суций француз (т. е. говорлив и опрометчив)»*). Лишь в одной пословице представлено положительное качество француза, да и то сравнивается с русским, причем оценивается не в пользу иностранца (*«Француз боек, а русский стоек»*) (то же говорят о поляках)). Стремление русского казаться представителем другой, более значимой, национальности, высмеивается следующим образом: *«Я*

русский, на манер французский, только немного погипшанистее», при этом стабильному качеству – национальности – приписывается степень и переходность.

Значительное количество паремий посвящено немцам. Отношение к ним отличается от отношения к французам, в какой-то степени оно схоже с оценкой цыган в русских паремиях. Так, положительно оценивается немецкая статья: *«С немецкой стати на дурацкую статью (или: руку, лад)»*. Способность немцев изобретать отражена в следующих пословицах: *«У немца на все струмент есть»*, его изобретения касаются даже элементарных вещей: *«Немец без штуки с лавки не свалится»*. Его изобретательность поднимается на уровень хитрости: *«Немец хитер: обезьяну выдумал»*. Положительными чертами немецкого характера также называются ученость: *«Немецкая (т. е. точная, школярная) ученость»*. Обращает внимание определение «настоящий»: *«Настоящий немец (точен, педант, причудлив)»*.

В пословицах о немцах весьма часто используется сравнение с русскими (что не характерно для пословиц о других народах). Оно может быть и в пользу немцев. В этом случае сравнивается способность изобретать и перенимать (то есть создавать и воспроизводить): *«Немец своим разумом доходит (изобретает), а русский глазами (перенимает)»*. При этом немцам отказывается в сообразительности, сравнение с русскими выстроено таким образом, что отсутствует превосходство одной нации над другой: *«Кабы у немца наперед, что у русского назади – с ним бы и ладов не было (ум)»*.

Одной из потребностей человеческого вида является принадлежность к группе, при этом особо важной оказывается национальная принадлежность. Перенимание от немцев тех или иных качеств связано в русском сознании с переходом в другую этническую группу. Но этот переход не всегда имеет завершённый результат: *«От русской отстали, а к прусской не пристали», «От русских отстал, а к немцам не пристал»*. Ношение европейской одежды также воспринимается русским народом как отказ от русскости: *«И наша дура коты обула. И мы в немцах (т. е. по платью)»*. Отрицательно оценивается и ношение женщинами европейского платья, которое, однако, не лишает его владельца традиционного женского качества – «короткого ума»: *«В долгом платье, да в коротком разуме (о женском немецком платье)»*.

Но в сравнении может положительно оцениваться и русский этнос. Так, русские превосходят немцев в способности выживать в критических условиях: *«Что русскому здорово, то немцу смерть»*. О физическом превосходстве говорится следующее: *«Русский немцу задал перцу»*. И о превосходстве русских над немцами без конкретики сообщает такая

пословица: *«Прусский гут (хорош), а русский гутее»*. В одной из пословиц немцы связаны с событиями 1812 года. Так, сообщается, что ими утрачена память о победе русских: *«Позабыли немцы двенадцатый год»*, то есть они, как видится русскому народу, должны вести себя как побежденные, но этого в реальности не происходит. Русские пословицы демонстрируют диаметрально противоположное отношение к труду. Отрицательно оценивается продолжительность рабочего дня у немцев: *«Русский час – десять, а немецкому и конца нет»*. Отрицательное значение имеет принадлежность к немецкому и в другой пословице, также связанной с периодом времени: *«Немецкую масленицу справлять (то есть гулять во время поста)»* (на Руси праздники во время поста были запрещены).

Существует ряд пословиц, где изображаются и отрицательные черты характера немцев. Например, способность плутовать: *«Это финтифанты, немецкие куранты (то есть плутни)»*. В одном ряду стоят определения, указывающие на способность обманывать, не исповедовать веры в Бога, принадлежать к иному вероисповеданию: *«Немечина хитрая, безверная, басурманская»*. Причем эта характеристика приписывается не конкретному представителю нации, а всей нации («немечине»). Двойное прочтение имеет пословица *«Штуки – шпеки, немецки человеки»*, поскольку слово «шпек», то есть «шпик», имеет два значения: «сало» и «тайный агент полиции». Но и в одном, и в другом прочтении слова немцы оцениваются отрицательно: высмеивается их любовь к салу или же черта характера, чуждая русскому народу: *соглядатайствовать и докладывать об увиденном властям. Любовь к спиртным напиткам также нашла отражение в пословице: «Сапожник наступался, портной настегался, музыкант наканифолился, немец насвистался, лакей нализался, барин налимонился, солдат употребил»*, показательно, что в этом ряду есть упоминание о представителях лишь одной национальности – немцах, другие же субъекты, о которых идет речь, – представители той или иной профессии или социального класса.

Русскому народу претит ношение немцами русских имен и отчеств. В этом русские видят посягательство чужаков на принадлежность к русской нации: *«Шпрехен зи деич, Иван Андреич?»*. Высмеивается специфика наименований у немцев: их отчества образованы от их имени: *«Немец Иван Иванович, Адам Адамыч и пр.»*. Возможность невозможного удивляет немцев, проявляющих в этом случае способность идентифицировать других с позиции собственного мировосприятия: *«Один Иван – должно; два Иван – можно; три Иван – никак не возможно (сказал немец про Ивана Ивановича Иванова)»*.

Немцы не понимают русских и по-русски, это выражено в следующей паремии: *«Вас ис дас? – Кислый квас»*. О разных вещах

говорят русский и немец в пословице: *«Сколько (часов) било? – Один бил, два держил (отвечал немец, которого наказали)»*.

Англичанам посвящено незначительное количество паремий. В одной из них высмеиваются русские, выдающие себя за представителей другой национальности: *«Настоящий англичанин (т. е. корчит барина, тороват, чудака и делает все по-своему)»*.

В русских пословицах и поговорках говорится и о западных славянах – поляках. Обращает на себя внимание тот факт, что другие западные славяне – чехи, словаки и лужичане – остались за рамками паремийного фонда русского народа. Видимо, на это повлияли как общая с поляками значительная протяженность границ, важные исторические события (в том числе военные действия), так и бытовые контакты. Пословицы о поляках имеют следующую специфику: в них (в сравнении с рассмотренными выше народами) говорится не только об этносе, но и о государстве, причем не в пользу Польши. Противопоставляется *наше* и Польша (то есть присутствует противопоставление уже не столь по национальному признаку, а скорее по территориальной принадлежности). Свое, естественно, позиционируется как правильное: *«У нас не Польша: есть и больше (т. е. больше боярина, вельможи, своевольника)»*, *«У нас не в Польше, муж жены больше»*. Несоблюдение закона изображается чертой всего государства, причем по нарастающей, связанной с отдаленностью от территории *нашего*: *«Что дальше в Польшу, то разбою больше»* (в чем можно усмотреть прямую кальку мифологических представлений *о своем* и *чужом*: чем дальше, тем более чуждое, неправильное, отдаленное от нормы).

Военные действия поляков на территории России отразились в поговорке, построенной на игре слов: *«Экое лихолетье»* или *«Экое ляхолетье»* (так говорили о польском владычестве, где между лихой годиной, бедственной порой, голодом, мором (именно так объясняется слово «лихолетье») и польским владычеством ставится знак равенства). Но Россия освободилась от поляков благодаря помощи казаков: *«Пришли казаки с Дону да погнали ляхов до дому (освобождение Москвы от поляков в 1612 году)»*.

Большая часть пословиц посвящена представителям польской нации. Одной из отрицательных черт характера поляков считается способность посягать на чужое имущество: *«Постой, лях, это не твое»*. В пословицах о поляках с помощью слов из польского языка, отличающихся в переводе от русских, но звучащих сходно с русскими, высмеивается их способность лгать: *«У поляка и приказ рассказ (rozkaz)»*. Поляки представлены вечно голодными: *«После обеда и лях мудер (т. е. сытый)»*, нищими: *«Овруцкая (Ошмянская) шляхта (т. е. голыш, оборванец)»*, при этом русский народ

высмеивает их принадлежность к дворянству: *«Гол, да в шляпе, – тот же шляхта»*. Об этом же говорит и другая пословица: *«Хоть шляхтич дробной, да породы доброй»* (то есть бедный, но знатного рода, а бедность и знатность – в русском сознании явления трудно совместимые). Одна из пословиц сравнивает русского, еврея и поляка, при этом русский называется мужиком, а еврей и поляк – по национальному признаку. Видимо, в психологии русского народа градация по половому признаку (и сопутствующему ему социальному статусу) и национальному признаку (при идентичной половой принадлежности) – величины близкого порядка, которые можно сравнивать: *«У мужика зрудь никогда не зябнет, у жида пятки, у ляха уши»*. Показательно, что в паремийном фонде *мужик = русский*, представители других национальностей определяются по своей этнической принадлежности (преимущественно речь идет о мужчинах, в единичных случаях – о женщинах). В этой пословице обращается внимание на открытость русского, его смелость, на трусость еврея (у него пятки открыты, то есть он готов к бегству, или, по-другому, обувь истоптана от постоянного бегства) и на потребность поляка подслушивать (так объясняются его открытые уши). Противоположный смысл вкладывается в пословицы о смерти поляка. В одной паре пословиц его смерть представлена окончательной, здесь выражено скорее сочувствие поляку: *«Помер лях, да и сам не рад», «Не рад лях, что помер, да ногами дрягает»*. Во второй паре описывается его живучесть, которая русским народом оценивается как отрицательная черта: *«Помер лях, а ногами дрягает», «Лях и умирает, а ногами дрягает»*.

Незначительное количество пословиц и поговорок посвящено литовцам, причем позиционируется их связь с нечистой силой. Она прочитывается в пословице о нападении великого князя литовского Витовта в 1404 году на Смоленск: *«К кому Богородица, а к нам Литва. (Икона спасла Москву от Тамерлана, а Витовт ограбил Смоленск)»*.

О прочих европейских народах русские сложили незначительное количество пословиц и поговорок. Останемся на православных народах. Показательно, что маркер «общая вера» никак не отражен в паремиях, то есть противопоставление по национальному признаку оказывается более значимым. Так, высмеиваются кулинарные пристрастия греков и их жадность (*«Грек одну маслинку съест – и то пальчики обсосет»*), способность лгать (*«Грек скажет правду однажды в год»*) и смешивать правду с ложью (*«Коли грек на правду пошел, держи ухо остро»*). Связь с нечистой силой обозначена в пословице о молдаванах (*«Бог создал Адама, а черт – молдавана»*), высмеиваются глупость грузин (*«Семеро грузин мухоморов обьелись»*). О иностранцах вообще русский народ говорит следующее: *«Голь на выдумки торовата (относительно заходях*

иноземцев)» (то есть выделяет два их признака: нищету и развитое логическое мышление), «*На русском хлебе отъелся (говорят о сытых или богатых иностранцах)*» (здесь подчеркивается, что Россия – легкий в добычании денежный мешок для приезжих гостей).

Итак, пословицы и поговорки русского народа, собранные В.И. Далем, донесли до наших дней систему представлений о европейцах, характерную для традиционной культуры, отличную от восприятия европейцев представителями высшего сословия России. В паремиях о европейцах для русского народа более значимы контакты (реже военные и чаще мирные, бытовые) между мужчинами: столкновение преимущественно мужских миров – русского и европейского – изображено в пословицах и поговорках. Возвращаясь к упомянутому во введении синтезу, в результате которого складывалось стереотипное восприятие русскими других народов, в том числе и европейских, следует сказать, что практически за рамками паремийного фонда оказались мифологические представления. Это, видимо, объясняется ориентированностью обозначенной группы пословиц и поговорок на явления реальной действительности. Некоторая жесткость характеристик, даваемых европейцам, отчасти объясняется спецификой поэтики (краткостью и четкостью определений).

Европейцы чаще оцениваются негативно. Каждой нации приписывается собственный набор отрицательных качеств, что в целом не соответствует представлению русского народа о правильном человеке. Прежде всего, шведы и французы – плохие воины (первые описываются как потерпевшие поражение, уничтоженные, вторые лишь на время побеждают, а после оказываются голодными, пугливыми, не переносящими холода, не сопротивляющимися воинами, погибшими на чужой земле). Поляки и литва как воины оцениваются негативно с другой позиции – их военные действия, захват русских городов принес много горя нашему народу. Завоевание чужой земли было чуждо русскому менталитету. Но нашлась сила, способная прогнать поляков.

Если как воины европейцы оцениваются чаще с позиции физических качеств, менее – личностных качеств, то в мирной жизни европейцы воспринимаются русскими иначе. Личностные качества европейцев (во время бытовых контактов) для русских оказываются более значимыми. Русских удивляет болтливость, физические недостатки французов. Немцам приписывается ряд положительных черт (изобретательность, ученость, стать, лад). Но перечень недостатков, с точки зрения русских, еще больше (они педантичны, причудливы, не сообразительны, обладают малой жизненной стойкостью, физически слабы, много работают, иноверцы, не соблюдают посты, плутоваты, соглядатаи, пьяницы,

высмеивается их одежда и пристрастие к салу). Поляки оцениваются русскими только отрицательно: они не соблюдают закон, их традиции отличаются от русских, они разбойники, посягающие на чужое, лживы и вечно голодны, имеют склонность подслушивать. Живучесть тоже включается в перечень отрицательных характеристик. О прочих европейских народах говорится мало, но также делается акцент на их недостатках: жадности, лживости, глупости, связи с нечистой силой. Внешность европейцев воспринимается как нарушение нормы. Среди этого перечня можно увидеть качества, которые в русской традиционной культуре приписываются женщинам или нечистой силе (болтливость, низкий рост, тонкие ноги).

Контакты между женщинами и с женщинами (европейками и русскими) находятся на периферии паремийного мира: в них лишь высмеивается манера одеваться (перенятая у немок) и осуждается обычай главенствовать в семье (у полек). Военные контакты с европейками в русских народных пословицах и поговорках не отражены. Явно не выражены и контакты мужского и женского миров представителей нашего народа и европейцев. Оценка европейцев в русской традиционной культуре осуществляется – преимущественно – со знаком минус.

Очевидна и такая черта русской народной психологии, как этноцентризм (собственно, свойственный и другим народам). Если некая черта характера, способность европейца может принести пользу русскому, то эта черта оценивается положительно. Если же европеец обладает положительной чертой характера или неким навыком, который, однако, не приносит никакой выгоды русскому (хотя не приносит и очевидного вреда), то эта черта оценивается отрицательно, как отрицательно оценивается и многочисленный ряд собственно негативных свойств и характеристик.

Литература

Белик А.А. Психологическая антропология (культура-и-личность). Историко-теоретический очерк // Личность, культура, этнос: современная психологическая антропология. М., 2001.

Белова О.В. «Другие» и «чужие»: представления об этнических соседях в славянской народной культуре // Признаковое пространство культуры. М., 2002.

Белова О. Тело «инородца» // Тело в русской культуре. М., 2005.

Даль В.И. Пословицы и поговорки русского народа. М., 2000.

Плотникова А.А. Встреча // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995.

Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ. М., 2005.

**ХУДЫЕ И ТОЛСТЫЕ, ГОЛОДНЫЕ И ПРОЖОРЛИВЫЕ:
ПРИРОДА КОНФЛИКТА В ПРОЗЕ ВАСИЛИЯ ШУКШИНА
(К ОБРАЗАМ ЕДЫ, МОТИВУ ЖЕЛУДКА И СИТУАЦИИ
ПРАЗДНИКА)¹**

Р.В. Шубин

Ключевые слова: Василий Шукшин, онтологический статус худого и толстого, еда, желудок, праздник.

Keywords: Vasily Shukshin, ontological status of slim and fat, food, digestion, holiday.

Тонкий и толстый. Обращение к теме еды в творчестве В.М. Шукшина вызвано нашим эвристическим подходом к онтологическим (предтекстовым) структурам в поэтике русского писателя, среди которых выделяется оппозиция *тонкого (худого)* и *толстого (здорового)* [Шубин, 2013, с. 191–199; Шубин, 2013, с. 119–128]. Естественно предположить, что семиотика еды в этом противоборстве распределяется положительно для статуса *толстого* и отрицательно для статуса *тонкого*: тонкий не ест, толстый переедает. В силу этого следует принять и шукшинскую конфликтную аксиологию: *худые* стремятся к правде, добывают ее в бесконечных конфликтах с *толстыми*, которым эта правда дана изначально, по природе, по праву *сильного*. Если тонкие и худые являются носителями авторской (зачастую амбивалентной) субъектности, то толстые выступают как *другие*.

Худоба и полнота – свойства телесности, а телесность, по мнению Леонида Карасева, автора онтологической поэтики, в качестве «предтекста» или «энергийного импульса» делает и текст «живым существом», влияет на организацию «и темы, и стиля, и тона повествования» [Карасев, 2001, с. 23]. Образы желудка, продуктов питания, мотив еды и пищеварения рассматриваются при этом в качестве телесных эмблем, содержащих «исходный смысл».

Безусловно, связь шукшинских героев (и худых, и толстых) с темой желудка и еды одна из самых мощных и одновременно сокровенных, личностных. Одним из главных детских воспоминаний Василия Шукшина был Великий голод, пережитый в начале тридцатых годов семьей, оставшейся к тому же без отца (был репрессирован).

¹ Данная статья является существенно переработанной и дополненной версией статьи, опубликованной на польском языке, см. [Szubin, 2016, с. 169–178].

Думать о хлебе насущном приходилось также в тяжелые военные и послевоенные годы. А в последний год службы на флоте (1959-й) полный сил и здоровья Василий Шукшин был неожиданно комиссован в связи с язвой желудка, нетипичной для молодого человека болезнью. Затаенная боль отныне становится фактом биографии, следствием энергичного ритма работы. Не будем утверждать, что боль и болезни полностью детерминировали творческие реализации художника, но заметно повлияли на выбор и семантическое наполнение телесных эмблем, формирование образа другого, медицинской топики, конфликтных перипетий. Сосредоточенность писателя на болезнях (особенно в последние годы) эстетизировалась настолько, что ее можно выделить в обширную тему медицины и больницы в шукшинской прозе. В случае с Шукшиным важное значение играет не столько боль и болезненное ощущение, сколько ее преодоление, сублимация и перенос семантического комплекса, связанного с болью, на *другого*. Немаловажно при этом будет вспомнить, что сценарий последнего фильма «Калина красная» писался в больнице, а сам фильм назван «врачающим душу», то есть психотерапевтическим [Коробов, 2009, с. 354] – настолько силен в нем был комплекс преодоленной боли (к анализу фильма мы вернемся позже).

Желудок – мотор. Желудок в творчестве Шукшина легализуется в двух семантических направлениях: 1) сохраняя за собой исконное и исходное представление: желудок как источник физической энергии, незаметный двигатель жизни, средоточие самости, и 2) социализируясь как источник боли (упоминания о желудочных болезнях, алкоголизме, визитах в больницу, встречи с больными). «Я не могу только на один желудок работать»¹ (I, с. 408), – восклицает Иван из рассказа «В профиль и анфас», собираясь покинуть свою деревню, насиженное место, и выйти из своей самости. Проблема в том, что герой остается со своей самостью и желудком, а негативный комплекс переносится на горожанина и женщину [Большев, 2009, с. 294–303; Разуvalова, 2003, с. 101–122]. Желудок стремится восстановить равновесную систему ценностей *живот-жизнь* в пределах органичной физической жизни², хотя последняя, в силу культурной традиции, связывается с мещанством, снобизмом и эгоизмом в системе ценностей

¹ Здесь и далее в круглых скобках ссылка на том и страницы рассказов В.М. Шукшина дается по изданию: Шукшин В.М. Собрание сочинений в 6 томах. М., 1998.

² Ср: «Органическая сторона жизни физического лица есть прежде всего живот живого человека, духовное существование его лика облагораживается жизнью (вечная жизнь), социальная функция (социальная роль) личности нацелена на житье-бытье (житие)» [Колесов, 2007, с. 11].

онтологического худого. В первой киноповести «Живет такой парень» (1964) создается ситуация (речевая, да еще во сне), в которой желудок «перескочил» в сердце:

– *Что болит?* – спросил Пашка.

– *Сердце.*

– *Желудочек? ... Сердце тоже имеет несколько желудочков. Маленьких* (II, с. 46).

Здесь желудок (ведь он составляет второй план шутки), «маленький» (что играет положительную роль в системе шукшинских статусных отношений), невольно противопоставляется «большому» сердцу, любви, женственности – положительным ценностям онтологического *толстого*. Очевидно, что Павел Холманский опосредует чувства и любовь, о которой он мечтает, через свой «горизонт понимания», но этот горизонт ограничен тесным внутрителесным пространством: желудок явно не может приобрести значение, сопоставимое с *сердцем* (и сердечными чувствами), оставаясь выразителем животного эгоизма. Пашка, воображая себя генералом, бессознательно вступает в сферу онтологического *толстого*, при этом *сердце* подменяется несколькими *желудочками* и занимается оценка *другого*.

В поздних произведениях желудок тяготеет к автономизации, отрыву от тела и обнаруживает расстройство «двигателя жизни», нарушение его функций, аномальное увеличение в размерах, гипертрофию самости. В последней повести «А поутру они проснулись» (1974) желудок (пародийно) и вовсе трансформируется в мотор, становясь внеположным телу: «*“Исследование моторной функции желудка”*. *Совсем зарпортовались: мотор в желудке исследуют...*» (III, с. 331). Причем есть разница между натуральным положением вещей и тем, как видит или хочет видеть сам автор (или нарратор). Здоровый желудок зачастую гипертрофируется, гипертрофируются и его функции. Так, больной легкими поп из рассказа «Верую» наделяется чрезмерно здоровым желудком и мускулистым телом. В восприятии нарратора целебный барсучий жир, который употребляется внутрь дозированно (чайным ложечками), гиперболизируется и поэтапно превращается обратно в животных, пищу несъедобного свойства: «барсучье сало», «барсучатину», «жирных барсуков», «всех барсуков» и напоследок в «волков пожирнее»: «*...под рубахой могуче шевелились бугры мышц: он, видно, не знал раньше усталости вовсе, и болезнь не успела еще перекусить тугие его жилы. Их, наверно, не так легко перекусить: раньше он всех барсуков слопаёт. А надо будет, если ему посоветуют, попросит*

принести волка пожирнее – он так просто не уйдет» (II, с. 224). То, что это могут быть волки в естественном виде, живые и в шкуре, подтверждает рассказ «Как мужик переправлял через реку волка, козу и капусту»¹ (1973) и его отрицательный персонаж, онтологический *другой* Носатый, способный переварить «воробья с перьями»: «...я воробья с перьями могу переварить! – И таков дар у этого человека – я опять вижу и слышу, как трепещется живой еще воробей и исчезает в железном его желудке» (III, с. 70).

Гипертрофия желудка связана с автономизацией авторского «горизонта понимания», со стремлением поименовать все своей системой символов, которая предполагает собственную реальность. В обоих примерах автор описывает онтологических *других* – толстых и здоровых (в плане желудка) людей, поэтому на них как на *чужих*, переносится весь комплекс субъективного произвола, что в свою очередь актуализирует конфликт между сознанием больного и сознанием здорового. Такое раздвоение сознаний проявляется в другом «желудочном» эпизоде с участием Пашки Холманского. Так, Пашка врет, что летал на Луну и в подтверждение своих слов он «*смотрел в потолок с таким видом, как будто он на спор на виду у всех проглотил топор и ждал, когда он переварится, – как будто он нисколько не сомневался в этом*» (V, с. 41). В авторском видении важно не только то, что Пашка вдохновенно врет и играет, но и то, что возможна данная «авторская» аналогия: Пашка способен проглотить и переварить (!) топор «на виду у всех», – то есть возможна иная реальность. Если проглоченный топор – фокус, то переваренный – уже реальность. Необыкновенная способность желудка Пашки таким образом выходит на поверхность («на виду у всех»), социализируется и становится следствием вытеснения субъективной негативной оценки, коррелирующей с «железным желудком» отрицательного персонажа.

Леонид Карасев, исследуя мотивную систему прозы Гоголя, приписывает желудку сюжетную динамику: «диктат желудка <...> оказывается одним из главных двигателей сюжета» [Карасев, 2001, с. 271]. У Шукшина желудок попадает в поле первичных онтологических размежеваний: худых и толстых, больных и здоровых, голодных и сытых, сельских жителей и горожан, – поэтому сам по себе он не является «двигателем», чистой телесной эмблемой. Скорее всего,

¹ Особенное невралгическое неприятие шукшинским нарратором онтологического другого (толстого) проявляется в визуализации самого процесса поедания-пожирания: «...и когда он <Носатый> кричит, что волк съест козу, я как-то по-особенному отчетливо знаю, что волк это сделает – съест. Аккуратно съест, не будет рычать, но съест. И косточками похрустит» (III, с. 69).

следует различать действия больного и здорового желудков. Большой желудок «не работает», является препятствием на пути динамично развивающегося сюжета и причиной сдвига в семиотизации телесных эмблем. Здоровый желудок оказывается дополнительно нагруженным культурными значениями отрицательного свойства (мещанство, город, сытость, лень). Здоровое функционирование желудка связано с его гиперболизацией и наделением необычайных функций, нормальность пищевых отправления искажается памятью о голоде, болевыми ощущениями. Характерно, что Гоголь (со своим знаменитым аппетитом) припоминается в самые тяжелые, военные, годы, в зимние вечера, когда «терзают... две беды: голод и холод» (I, с. 49). Но читая Гоголя («Гоголь и Райка»), повествователь намеренно «пропускает» болезненную для себя (эпохи в целом) тему еды и сосредотачивается на гоголевской демонологии.

Еда – это яд, яд – это лекарство. Исходя из сложившегося комплекса значений «энергичного» центра – желудка, трансформируется не только функция, но и семантика еды – топлива для «двигателя». Процесс поедания замещается *едкостью*, *язвительностью* – сильным орудием шукшинской иронии, *вьедливостью* и *вязкостью*, характеризующими психику его героев. «Есть, ясти» однозначно проигрывает в конкуренции с «пить», а также с пейоративными вариантами «жрать», «лопать», «глотать». Шукшинский герой-протагонист худ, голоден и старательно избегает процесса употребления пищи. В свою очередь «диктат желудка» формирует образ антигероя, онтологического другого, которым становится человек толстый, жирный, сытый, самодовольный, властный.

Что же едят шукшинские герои? Предикация частотных глаголов *есть*, *кушать*, *жрать*, *глотать* показывает существенное преобладание нереферентных, конвенциональных употреблений (фразеологизмов и метафор: *съесть примитив*, *денюжки*, *всякую «самодеянность»*, *Съедят, что ли, вашего Игорька*; *глотать язык*, *обиду*, *дым*, *бензин*, *пыль*, *чад*; *жрать дерьмо*, *водку*, *друг друга* и т.д.) рядом с референтными. Количественное преобладание первой группы значит, что в шукшинском мире не столько едят, сколько говорят о еде или говорят символами еды. Это подтверждается тем, что среди референтных употреблений во второй группе выявлен подавляющий перевес несъедобных предметов. Люди у Шукшина едят, могут съесть или как будто бы едят: иглу, топор, микрофон, микробов, шпаги, сигарету, цыпят в пуху, воробья в перьях, барсуков и волков, байкальской воды, «*желты пески*» и др. Ситуация, когда сигаретой

вскормили умственно больного человека («Боря»), вызывает экзистенциальный приступ борьбы за правду, но подтверждает правило, что в мире Шукшина едят несъедобные вещи.

Что касается группы *завтракать, обедать, ужинать*, то они в основном актуализируют нейтральную семантику, темпоральную событийность (*завтракали, после ужина*). Во второй частотной группе – отказы от приглашения позавтракать или пообедать, и в третьей – единичные случаи положительных семантических наполнений: *сытный обед* («Начальник»), *плотный завтрак* («Гринька Малюгин»).

Нормальная еда табуируется и в каком-то смысле становится ненормальной, так появляются несуществующие «*котлеты по-калуужски <...> на гробики похожи... Купеческие котлеты*» («Мечты»). Сыр и колбаса маркируются как городские продукты, дорогие и малодоступные для сельских жителей. На угощения для помещиц медом и вареньем герой призывает Маяковского: «*Ну и хамье <...> Противно смотреть. <...> Маяковского на вас нет! – И ушел*» (I, 100). В рассказе «Лидя приехала» эксплицитно сталкиваются идеологии чеховского футлярного Николая Ивановича («Крыжовник»), предельно ограниченного животным эгоизмом, и пламенного борца с сытостью и помещицтвом Владимира Маяковского, известного своим невротическими фобиями в отношении еды [Гиндин, 2012, с. 121–123; Руднев, 2002, с. 44–50].

Отвращение к пище проявляется и прямо, и косвенно, например, через дионисийский размах, в котором сублимированный сексуальный голод в сочетании с физическим голодом методично отрицает еду. Егор Прокудин, «набирая какого-то остервенения», готов в своем воображении разорвать Любу Байкалову: «*Ах ты, лапушка ты моя! Любушка-голубушка... Оладушек ты мой сибирский! Я хоть отъежся около тебя... Хоть волосы отрастут. Дорогуша ты моя сдобная! <...> Съем я тебя поеду! <...> Задушу в объятиях!.. Разорву и схавую! И запыю самогонкой. Все!*» (V, с. 217).

В подобных примерах еда семантизируется как яд, отравы. В «Земляках», по какому-то недоразумению (для городского человека), едят огурцы и запивают их молоком, что может привести к расстройству желудка. Напившись ключевой воды, простужается и умирает мальчик Кузьма («Думы»). От еды болеют и животные. В том же рассказе «Земляки» есть страшный рассказ о том, что коровы, чьим молоком отпаивали детей, «отравились клевером»: «*Беда пришла, стон стоял в деревне*» (I, с. 447).

Становится относительной и мера еды. Здесь действует двойственный взгляд онтологических антагонистов. Например,

«худой» Сеня («Брат мой»), по его словам, «на весь день наелся», а для дородной Вали «съел-то всего ничего. Вот оттого и не вырос – ешь мало» (V, с. 298). Показателен анекдот о худом человеке с говорящей фамилией *Худяков* («Билетик на второй сеанс»), которого в качестве примера «неядущего» человека демонстрировала женщина своим детям: «*Вот, детки, если не будете хорошо кушать, будете такие же худые, как вот этот дядя*» (V, с. 307).

Трансформирован и субъект глотания и пожирания: это онтологический *другой* (город, чудовище, толстый). Так, Горыныч грозитя сожрать Ивана-дурака, но и Иван отвечает тем же и готов съесть Горыныча («До третьих петухов»). *Всепожирающей* у Шукшина может быть любовь («Я пришел дать вам волю») и злоба («Сураз»). Встреча с волками оставила глубокий след в памяти Шукшина: волки из одноименного рассказа, сожравшие лошадь, вновь появляются в больничном рассказе и связываются с негативно воспринимаемым «человеком с железным желудком» (см. «Как мужик переплавлял через реку волка, козу и капусту»). Великим пожирателем выступает Город («Охота жить»): «*Сожрет он вас, город, с костями вместе*» (I, с. 311). Наконец, пожирателями становятся онтологические противники шукшинских худых: теща Вени Зяблицкого («Мой зять украл вязанку дров») уже «двух сожрала»: посадила в тюрьму своего мужа и первого зятя (II, с. 225).

В качестве ругательных выражений используются слова *глот* «кто прожорливо глотает, обжора, пьяница, питух; обидчик, озорник и притеснитель» [Даль, 1881, с. 356], (под *глодать*) *живоглот* «беспощадный и жестокий, своекорыстный человек» [Ожегов, с. 177], скорее всего тот, кто «*глодает заживо*», *дармод*, *оглоед* «нахал, наглец, живущий на чужой счет; дармод, мирод» [Даль, 1881, с. 571], под *обглаживать*, где корень *оглодь* (ср. *о(б)глодать*) значит остатки еды. За слоem бранной семантики, связанной с корыстолюбием, жадностью, наглостью, проявляется тема еды, поедания и ненасытного пожирания: «о ненасытном, жадном человеке (обычно о дармоде, бездельнике)», – толкует словарь Кузнецова [Кузнецов, 2000, с. 696].

Итак, большая часть «съеденных» и «проглоченных» предметов выявляет семантический ряд *еда–яд* (*еда – это яд и все, что можно есть, не является едой*). То, что поедается, несъедобно, а несъедобное поглощается в большом количестве. Настоящий яд, по сути своей, есть лекарство. Вспомним рассказ «Змеиный яд»: яд необходим, чтобы спасти человека; добывая яд, Максим Волокитин вновь общается к деревне и матери. О целебном, но абсолютно неприщевом пчелином клее, прополисе, вспоминает Егор Прокудин, думая о ком-то

постороннем (скорее всего, об авторе): *«Вот один человек заболел, надо помочь: хороший человек»* (V, с. 253).

Кормить, кормиться. На фоне негативной семантики «есть, кушать», очень регулярно ведут себя глаголы со значением *кормить*. Кушать и кормить – функционально и онтологически выполняют два различных действия. В первом случае пассивное поедание сосредоточено на самости: чертах лица, физических органах, работе организма, продуктах питания. Во втором перед нами активное событие, связанное с *дружостью* (*я–для–другого, другой–для–меня* Бахтина): *накормить* является признаком самодостаточности, самореализации человека, взросления и вхождения в мир, успеха и работы, и в то же время независимости от женщины и от кухни. Даже в слове «кормиться» для Шукшина важна активность действия: *я сам ем, следовательно, я существую*. Кушают обычно дети и онтологические *толстые*, кормят и кормятся все.

Но «кормить», в отличие от приема пищи, от «есть» и «пить», процесс не сугубо физический, а социальный, психологический, связанный с духовным насыщением и самоотдачей. «Некормление» как бы в принципе невозможно: можно кормить плохо или хорошо, но сам процесс составляет часть обмена энергиями, без которых немислим человек на земле. Кормление связывает воедино разрозненные части мира: женщин и мужчин, взрослых и детей, худых и толстых.

Кормит, конечно же, мать, «матушка-печка», природа, корова-кормилица, профсоюз (Пашку Холманского), в тюрьме неплохо кормили Степана («Ваш сын и брат»). Из этого традиционного для русской культуры ряда выпадает жена, которая не всегда кормит мужа: *«А мужа не кормит! Придет, бедный, нахватается чего попади, и все»* (III, с. 67). Семья без отца прокормит ребенка – и в этой спаянности ее сила («Други игрищ и забав»). Но кормит при этом мужчина; сын кормит старенькую мать («и поилец мой, и кормилец»), мужик – ребятишек, отец – сына, отец – грудного ребенка («Чудик»). Так, в раннем детстве автобиографический герой Шукшина с удовольствием ел вместе с отцом: *«Мы останавливаемся покормиться. Папка выпрягает коня, пускает его по бережку. Райка тоже пошла с удовольствием хрумтеть сочным разнотравьем. Мы раскладываем костерок – варить пшеничную кашу. Хорошо!»* (I, с. 44). У шукшинской «светлой души», «малого сего», есть грандиозная задача: *«Весь СССР прокормить – это... одна шестая часть»* (I, с. 105). Кормление соединяет не только в жизни, но и в смерти: *«А червей вместе будем*

кормить» (II, с. 305). Излюбленное выражение «медом не корми, дай...» уравнивает пищу с «медом».

Шукшину, с учетом общей для писателей-деревенщиков патриархальной установки на «женский вопрос» и проблему пола, важно подчеркнуть кормящий аспект мужчины, который делает его независимым от женщины. С другой стороны, довольно сильное сексуальное влечение к женщине, как показывает Александр Большев, кончается трагически для мужчины (случай Сураза) [Большев, 2009, с. 296]. В этом случае герои забывают о своей роли кормильца (в перспективе забывают о семье и семейных ценностях) и становятся инфантильными, требующими кормления. Редкие случаи гармоничной семейной жизни достигаются за счет того, что наряду с кормящей матерью и женой появляется фигура кормящего мужа и сына, например, в рассказе «Светлые души»: она кормит мужа, он мало ест, но кормит СССР.

Избегание еды. У Шукшина поразительным образом еда проходит мимо онтологических протагонистов (худых), но и герои проходят мимо еды. Это мелкие события в сюжете, практически жесты, но вполне закономерные. Не до еды водителю Гриньке Малюгину и угрюмому собеседнику (лысому) Сени Громова, распространяющемуся против коммунизма («Коленчатые валь»). На просьбу Броньки Пупкова «дай пожрать» жена обрушилась ругательствами, правда, по поводу его исторических вымыслов про «покушение на Гитлера», но тем не менее фактом остается то, что поесть она ему не дала: «Тебе не пожрать надо, не пожрать, а всю голову проломить безменом! <...> и уходит прочь...» (I, с. 444). Не дали поесть Чудику в самолете, а поесть ему хотелось «ради любопытства». Владимир Семенович из мягкой секции (одноименный рассказ) не давал «как следует поесть» своей подруге и «все склонялся и говорил ей что-нибудь» (III, с. 53). На призыв «садись поесть вон» Костя Худяков («Други игрищ и забав») «...присел к столу, склонился на руку и задумчиво смотрел в окно...» (III, с. 129), а задумался он о том, что лучше взять для драки: нож или гирыку. Смородина («Пьедестал») кормят тем, что, по его мнению, есть нельзя: «Окрошка из сладкого кваса <...> сахар с луком <...> сладкая окрошка-то?! Или тоже от фонаря: все съедят?!» (II, с. 455).

Одно из ярких впечатлений городской жизни для сельского жителя – рестораны. Но в ресторанах большей частью не едят, а танцуют, разговаривают, «наяривает» музыка (см. «Версия», «Петька Краснов рассказывает», «Два письма»). Ресторан относится к факторам, препятствующим нормальным физиологическим процессам,

ибо как можно есть, когда гремит музыка – «как гвозди в башку заколачивают» (I, с. 420). Зайдя в ресторан, чтобы *покушать*, Журавлев («Версия») разбил «стеклянную стенку», не заметив ее, а далее знакомится с аппетитной женщиной (онтологическим соперником: «*пышная, глаза маленько навывкате, губки бантиком, при золотых часиках*»), становится ее любовником («*гужуемся три дня и три ночи*»), причем за все это время он не ест, а пьет (II, с. 427–28). Сама стеклянная стенка, отделяющая столовый зал от гардероба, символична: она показывает место, где едят, делает работу желудка прозрачной (следуя методу эмблематического анализа), но не пускает к этому месту шукшинского героя.

Разин жертвующий и Разин пожирающий. Табуированность, замалчивание темы еды не означает ее сакрализации, однако процесс *кормления* сохраняет сакральные смыслы, связанные с архаичными ритуалами жертвоприношения и каннибализма. Так, в раннем одноименном рассказе Стенька Разин представлен как онтологический протагонист (*худой*): «почерневший от голода», он отказывается от куска мяса и принуждает «отощавшего» казака съесть мясо: «*Стенька как выхватил саблю – она аж свистнула в воздухе: “В три господра душу мать!.. Я кому сказал: бери!” Казак съел мясо*» (I, с. 118). Этот сакральный эпизод «разинского текста» у Шукшина можно интерпретировать как ритуал жертвоприношения. В мифологическом сознании, по мнению Ольги Фрейденберг, еда является «метафорой жизни и воскресения» [Фрейденберг, 1997, с. 64], действует омонимичность жертвоприношения и древнехристианского обряда агапы («вечери любви») – преломление хлеба и совместной еды [Фрейденберг, 1997, с. 54]. После такой «тайной вечери» русский разбойник превращается (в глазах Васеки) в заступника, в «милого человека», приобретает народную любовь.

В романе «Я пришел дать вам волю» онтологическая доминанта Разина более динамична и гибка, на аскетические черты вождя-революционера, Разина дающего, накладываются черты Разина берущего, Разина казнящего, Разина сомневающегося и «*снедаемого (!) тоской и болью души*» (VI, с. 49). В романе Разин, так же как и многие шукшинские герои, ищет Праздника. Угадывая настроение толпы, он многое позволяет во время пьяных разгулов, сам участвует в карнавальном представлении. Однако наряду с этим проявляется противоречивость натуры русского разбойника, вызванная шукшинской дуальной онтологией: во время пира герой не хмелеет, сохраняя трезвость (VI, с. 48), в момент единения со всеми включаются аскетические механизмы. Если толпа пьет и веселится, «*разноцветное*

человеческое море, охваченное радостью первого опьянения, наживы, свободы, торга – всем, что именуется ПРАЗДНИК, колышется, бурлит, гогочет» (VI, с. 44), то в Разине срабатывает рефлекс торможения: «*К Степану пришло состояние, когда не хочется больше никого видеть»* (VI, с. 54). Неслучайно лейтмотивом в многостраничном описании казацкого гуляния проходит некий «веселенький» казак, поющий песню о еже: «*Ох, Бедный еж! Горемышный еж! Ты куды ползешь? Куды ежисся?..»* (VI, с. 44, 54, 66). Эта сольная, одинокая песня в хоровом гудении выделяет «горемышную», ежистую и одинокую душу Разина, в определенный момент отвернувшегося от праздника. Кроме того, колючий еж ассоциируется с болевыми ощущениями, с колющей болью в животе.

Рядом с обильными пиршествами появляются сцены казни. Возлиания вина и пролитие крови уравниваются и взаимно компенсируются. К тому же в обеих ситуациях Разин выступает как инстанция, регулирующая процессы поедания, питья и казней (наподобие Егора Прокудина и Ивана Расторгуева). Для обоснования своей ненависти и казней мужчин, женщин и детей Разин выбирает онтологические черты *другого*: сытость, полноту, властолюбие, пресыщение. «*Молодой, а жиру!.. Боров»* (VI, с. 283), – сказано о казненном астраханце, воевода Прозоровский убит за то, что «*жрал в этой жизни сладко, спал мягко, повелевал и не заботился»* (VI, с. 282).

Пиршество толстых и праздник худых. Шукшинский протагонист аскетичен, он практически не ест, в то время как антигерои занимаютя чревоугодием. «Развратничать», а на самом деле есть и пить, отмечая Праздник, собрались люди на знаменитом «бардельеро» в «Калине красной»: «Аккуратненький такой бардельеро... Забег в ширину» (V, с. 239). Злая ирония, лагерные выражения, которыми сыплет герой, призваны показать неприязнательность банкета; «красивые слова» Егора не украшают стол, а разоблачают и дезавуируют собственно событие. В этой сцене для вора Прокудина сквозит противоречие: на банкет были позваны «свои», а пришли онтологические антиподы: сытые и довольные, «лысье» и *толстые*, «девочки с персиками» (символически представленные актрисой Натальей Крачковской). Переиначенное и неестественное выражение «забег в ширину» перекрывает все то, что расположено естественно, по длине стола: блюда, бутылки, сидящих гостей. В этом плане желания Егора и гостей перпендикулярны друг другу: Егор стремится всех напоить, а гости требуют закуски. Для

Егора Праздник – это воспарение мысли и духа, поэзия (со скрытым цитированием поэмы «Облако в штанах»), а для гостей – необходимая потребность поесть, приземление, заземление.

«– *Песню!* – велел Егор.

– *Мы же не закусили еще.* <...>

– *Начинается...* – обиженно сказал Егор и сел. – **Ну, ешьте, ешьте, все наесться никак не могут. Все бы ели, ели!** <...>

– *Ну, язви тебя–то!* – громко возмутился один лысый мужик. – *Что же ты, пригласил, а теперь попрекаешь? Я, например, не могу без закуски, я моментально под стол полезу. Мне же неинтересно так. И никому неинтересно, я думаю.*

– *Ну и ешьте!*» (V, с. 244).

После этих слов ощущение праздника улетучивается окончательно: гости более озабочены едой и разговорами о еде, нежели полетом мысли Егора. Кстати, отметим противоположный эффект: своими репликами и сравнениями гости порочат не еду, а иностранные напитки – шампанское («вроде конской мочи») и коньяк («пахнет клопами») – как раз то, что является «топливом» для Егора (отмечается, что он не хмелеет). Эта сцена показывает, что в его «празднике жизни» отсутствует еда.

В то же время в фильме Егор осторожнее ведет себя с обществом, и на вопрос «чего же мы празднуем», он отвечает уже в угоду людям, но не без едкости: «*Ну, дяди и тети, давайте будем начинать кушать. Не торопитесь. Мечите пореже*» [к/ф «Калина красная»]. Итак, разрешение на «ядение» получено, но обставлено неудобоваримой стилистикой (четыре глагола вместе плюс жаргонная фраза «мечите пореже», в которой при желании можно увидеть гастрономический смысл: *режьте помельче*). И вся трапеза, напоминающая обжорство жадных мещан, проходит под немым присмотром Прокудина, его постного лица с плотно зажатыми тонкими губами и плохо скрываемым отвращением. Таким образом, в киноповести и фильме реализованы два экстремальных варианта: выпивка без закуски (замысел *худого* Прокудина) и обжорство, жадность ненавистных онтологических *толстых*, реализовавших первичное значение слова «оглоеды».

В параллель «бардельеро» проходит народный праздник, точнее застолье во время ужина после бани в доме Любы Байкаловой. Из всего застолья показано, как люди поют, говорят, а Егор и Люба рассматривают фотографии. Поведение людей за столом совпадает с онтологическим статусом героя и создает представление о подлинном празднике, резко противопоставленном «бардельеро». Избегание еды

подтверждается и другими моментами в фильме, где еда в той или иной форме должна появиться. Не дает Егор вынести закуску Петру, отказываясь от его предложения посидеть на *кухне*, а распитие коньяка проходило в *бане*, из ковша. В фильме, во время визита бандита Егор очевидно волнуется и вспоминает некоего «большого такого» старшину Васю, который говорил: «как жрать, так губа винтом»; Егору не до еды, а фраза подтверждает правило, что о еде думают «большие» люди. Не едят Егор и Люба в чайной, не ест Егор в городском ресторане, и умер Егор от раны в область желудка – средоточие его болевых ощущений и реакций.

«Едут, едут, едут ... едят, едят, едят». Мотив еды характерно развивается в предыдущем фильме «Печки-лавочки» (1972). В фильме есть эпизод, которого нет в киноповести: во время прощального ужина, в самом начале кадра, Иван Расторгуев (его также играет Шукшин) обиделся и ушел в другую комнату, сразу настраивая себя против застолья и кушающих гостей. Сцена показывает «ежистый», колочий и одновременно ранимый характер героя и изолирует героя от комнаты с большим столом, заставленным блюдами.

Изображенное в фильме путешествие от сельского Праздника-Пира через Москву-Вавилон «за тридевять земель, к морю, то есть к краю света, символично; оно, как пишет Эдвард Павлак, является «прежде всего познанием ... себя» [Pawłak, 1981, с. 58]. Познание сопряжено с путешествием, а бесконечно долгий процесс поездки по железной дороге соотнесен с бесконечным процессом еды, о чем свидетельствует стихок:

«Едут, едут, едут...

Спят...

Читают...

Играют в карты...

Играют в домино...

Рассказывают друг другу разные истории из жизни...

Едят...

Едят...

Едят...» (V, с. 181).

Это путешествие маркирует переход от твердой пищи к жидкой, затем к воде и далее к отказу от еды. В этой связи каждый момент пути означен эмблемами еды: в деревне ели картошку с мясом, в дороге Иван попробовал борща и «бистроганов», в Москве у профессора пил чай, а море оказалось «как парное молоко». Санаторий предполагает *нормальное* питание, незнакомое героям Шукшина, иногда диету и водные оздоровительные процедуры. Более

всего в Ялте восхитил Расторгуевых фонтан и море до горизонта – но вода в них не питьевая.

Обратим внимание на жесткую реакцию Ивана на картошку с мясом. В фильме эта картошка с мясом была подана сельскому учителю, пришедшему позже всех; Иван же был поглощен разговором и демонстративно ее не замечал. В киноповести, в разговоре с профессором, это блюдо снова всплывает, но вызывает целый приступ агрессии: *«Я, допустим, прихожу с работы: “Ну, Нюся, давай корми, голубушка”. Она на стол – картошку с мясом. Мясо у меня круглый год не выводится. Свиннота эта у меня вот здесь сидит. – Иван хлопнул себя по загривку. – Ох, и прожорливые же!.. Иной раз взял бы ружье и пострелял всех к чертовой матери»* (V, с. 170). Реакцию эту очень трудно признать адекватной – ведь речь идет не о переедании и не о недоедании, а о привычном рационе сельского труженика.

Спор о жиклере. Но вернемся к прощальному вечеру у Расторгуевых: как только гость Лев Казимирович ответил на важный вопрос Ивана – брать или не брать с собой на море детей, Иван неожиданно задает вопрос о жиклере (распылителе топлива):

«... Лев Казимирыч, у меня к вам другой вопрос: вот, допустим, у вас засорился жиклер...

– Так, – сказал Лев Казимирыч, склонив набочок голову. – Засорился. Прекратилась подача топлива в цилиндры. Ну?

– А мотор работает!

– Мотор не работает.

– Работает!

– Значит, жиклер не засорился.

– Нет, засорился: идет натуральная стрельба.

– Значит, засорился, но не совсем. Логика» (V, с. 138–139).

В фильме этот вопрос задает незадачливый сосед, который в сценарии описан как «мужичок с золотыми зубами», цепляющийся с абсурдными вопросами типа «если намешать алой с тройным одеколоном». Почему Шукшину важен этот диалог, чем оправдано участие в этом нелепом диалоге Льва Казимировича, сельского интеллигента, историка? Только ли тем, что Лев Казимирович – местный мудрец, и от его ответов «всем сразу стало как-то легко. Даже весело» (V, с. 138)? Заметим, что, настаивая на своей точке зрения, Иван поступает против непреложных законов техники, рискуя оказаться в статусе сельского дурачка (а последнему не доверяют сложную технику), и это настаивание очень значимо. Если

исключить «логическое» решение (равно и другие неполадки) и довериться словам героя, утверждающему, что жиклер засорился, а двигатель работает, то можно предположить, что Шукшин описывает модель «идеального» организма, идеальность которого заключена в полной автономии и независимости от подачи топлива-пищи, то есть утверждает своего рода «перпетуум-мобиле», утопический проект шукшинских мечтателей.

Однако назвать такой организм идеальным в применении к действительности трудно. Он скорее всего говорит о сублимации боли и чувства голода, где открытое избегание еды и раздражение по поводу привычной пищи маскируется социальными и культурными представлениями о мещанстве и эгоизме, о прожорливости онтологических противников. В связи с этим утопическую направленность приобретает вопрос Егора Прокудина: «а он вообще есть в жизни, праздник?» [к/ф «Калина красная»]. Праздник, который должен, по задумке Шукшина, оторваться от земного притяжения, от природы, от пищеварительного тракта, роднящего человека с природой и с предками, а с другой стороны – насущно нуждается в ритуальных формах, связанных с традицией и прошлым.

Литература

- Большев А. Шедевры русской прозы в свете психобиографического подхода. СПб., 2011.
- Гиндин В. Психопатология в русской литературе. М., 2012.
- Даль В.В. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., 1881.
- Карасев Л. Вещество литературы. М., 2001.
- Колесов В. Русская ментальность в текстах и языке. СПб., 2007.
- Коробов В. Василий Шукшин. Вещее слово. М., 2009.
- Кузнецов С. Большой толковый словарь русского языка. СПб., 2000.
- Ожегов С.И. Словарь русского языка, М., 1978.
- Разувалова А. Писатели-«деревенщики» в поисках оппонента: эстетика конфронтации и этика солидарности // Новое литературное обозрение. 2013. № 119.
- Руднев В. Характеры и расстройства личности. М., 2002.
- Фрейдберг О. Поэтика сюжета и жанра. М., 1997.
- Шубин Р.В. О понятии «статуарность» и «статуарные» имена в творчестве В.М. Шукшина // Epoka a literatura i języki w Słowiańszczyźnie Wschodniej, Zielona Góra, 2013.
- Шубин Р.В. Обличья «Другого» у В.М. Шукшина: «Змеиный яд» (К концепции статуарности и эмблематичности) // Шукшинский вестник, Барнаул, 2013.
- Pawłak E. Wasilij Szukszyn. Warszawa, 1981.
- Subin R. Energia – dominanta – emblemat w prozie Wasilija Szukszyna // Zjawisko energii w nauce, sztuce i kulturze. Tom poświęcony prof. dr hab. Halinie Chałacińskiej. Pod red. Beaty Waligorskiej-Olejniczak, Natalii Królikiewicz, Krzysztofa Kropaczewskiego, Poznań, 2016.

Источники

Шукшин В.М. Собрание сочинений в 6 томах. М., 1998.

**РОМАНЫ К.Я. ЛАГУНОВА «БОЛЬНО БЕРЕГ КРУТ»,
«ОРДАЛИЯ» И «ОДЕРЖИМЫЕ» В ПАРАДИГМЕ ЭКОЛОГИИ
ЛИТЕРАТУРЫ**

И.Е. Белякова, Е.В. Плахина

Ключевые слова: литературная экология, Сибирь, нефтегазовая отрасль, К.Я. Лагунов, роман, культура, концептуальная метафора, прогностический потенциал.

Keywords: literary ecology, Siberia, oil and gas industry, K. Lagunov, novel, culture, conceptual metaphor, prognostic potential.

С распространением экологии в сферу культуры, искусства и, в частности, литературы, формируются направления под названием «литературная экология» (literary ecology) и «этика текста» (ethical reading). В них текст рассматривается как один из экологических объектов наравне с объектами естественной (природа) и искусственной (все, что создано человеком) окружающей среды. Природа образует материальное экологическое пространство, а текст – ментальное.

Экологический подход должен стать альтернативой инструментальному подходу, направленному на достижение целей даже ценой разрушения исследуемого объекта. Принципы экологического мышления необходимы в общих процессах жизнедеятельности, интеллектуальном творчестве, а также мыслительной деятельности, утверждает М. Эпштейн. Наша среда обитания – это не только природная среда, жизненная, но и мыслительная. Между тем, ноосфера (область разума) загрязнена отходами интеллектуального производства. Необходимо осознание того, что самые важные ценности – любовь, красота, жизнь, природа, способность очаровываться единичным, неповторимым, своеобразным. Эти ценности создают новую духовную среду, сферу мудрости и любви, понимания и согласия между всеми существами, живущими на Земле, Софиосферу, как называет ее М. Эпштейн [Эпштейн, 1988, с. 383], сферу Прекрасного, добавим мы от себя, где Прекрасное

трактуются как духовная сущность, в отличие от красивого, имеющего материальную природу.

По мнению М. Эпштейна, принципы такого мышления распространяются помимо природы на общество и культуру. Ученый пишет о необходимости соблюдать экологическую чистоту не только в природе или видах жизнедеятельности человека, но и в сфере мыслеформ. «Культура – это не одни лишь законченные произведения, памятники старины, которые мы должны хранить. Культура – это и современное интеллектуальное творчество, мыслительная деятельность» [Эпштейн, 1988, с. 382].

Интересно, что подобные идеи находят отклик и в западной лингвистической мысли, коренящейся в культуре материализма, жесткого индивидуализма и конкуренции. Так, канадская исследовательница Лорейн Коуд (Lorraine Code) заявляет о необходимости альтернативной эпистемологии для общества, по ее словам, «зараженного» вирусом совершенства и тотального контроля. Имеется в виду экологическое мышление (*ecological thinking*), направленное на развитие концептуальной основы для такой теории познания, которая будет гуманной, чувствительной и способной понимать и принимать историко-географическое и культурное разнообразие. Для этого требуется создание альтернативного ментального жизненного пространства (*habitus*), которое будет экологически-ориентированным и сознательно альтруистическим. Это возможно только с помощью литературы как формы искусства [Code, 2003, с. 21].

Литература активизирует экологическое мышление с помощью художественных средств, позволяющих читателю осознать и даже визуализировать то, что он не может увидеть в реальности. Кроме того, литературное произведение способно воплощать потенциально возможные варианты развития будущего и давать шанс прочувствовать и пережить его с тем, чтобы дать ему этическую оценку и определить его желательность в будущем всего человечества.

Немецкий лингвист, литературовед Х. Цапф (H. Zapf) приписывает литературе функцию создания пространства для критического восприятия современной цивилизации, а также источника креативного культурного самообновления. Художественное литературное произведение является той средой, в которой социальные, политические, экономические и прочие явления, события и процессы реальности отражаются, интерпретируются и прогнозируются. Общие экологические процессы жизнедеятельности, т. е. все процессы, необходимые для поддержания жизни живого мира,

его физического, интеллектуального и духовного развития, не просто отражаются в литературе, а трансформируются, развиваются и преобразуются в нечто новое благодаря силе воображения писателя. Средством обработки и переработки информации из мира реального в художественный выступают эстетические механизмы представления реальной или вымышленной действительности в произведении. Художественный текст проявляет свою экологическую функцию в качестве ведущей силы, структурирующей отношения между природой и культурой [Zapf, 2001, с. 85], а также, представляется, между человеком и окружающим миром.

Это находит подтверждение в том, как литературный текст формирует мысли, образы, понятия, чувства и эмоции и сеть связей между ними, а также какую эстетическую тональность они получают. От них будет зависеть общий когнитивный фон восприятия текста читателем. Корректность расстановки эстетических акцентов, положительной либо отрицательной оценки действительности с экологической точки зрения является критерием культурно значимого текста [Лотман, 2000] или культурно устойчивого текста (по Цапфу). Таким образом, художественный текст, входящий в канон национальной литературы, вносит вклад в формирование этических и эстетических ценностей нации, тем самым гарантируя себе «вечную» актуальность и интерес читателя.

Итак, художественный текст может считаться экологическим, если он находится в рамках парадигмы экологического, гуманного, мышления, в нем создается особое экологически-ориентированное и сознательно альтруистическое ментальное пространство, которое 1) взаимодействует с реальным посредством художественных средств, 2) имеет определенную эстетическую тональность, 3) характеризуется корректной этической оценкой явлений, событий и процессов и 4) обладает прогностическим и трансформационным потенциалом влияния на когнитивную сферу читателя.

На наш взгляд, романы известного сибирского писателя К.Я. Лагунова «Ордалия» (1970), «Одержимые» (1966–1973), «Больно берег крут» (1972–1978) о жизни и судьбе пионеров освоения нефтяных богатств, несомненно, имеют региональную экологическую ценность и являются культурно значимыми текстами для нефтедобывающего края Сибири.

Тематическое пространство романов основано на описании взаимоотношений первопроходцев нефтегазовой отрасли, которые в сложных климатических и бытовых условиях осваивают новые земли. С одной стороны, ими движут корыстные цели зарабатывания больших

денег «У него буровик – шестьсот рублей в месяц, как минимум. Не всякий профессор столько-то... Рубль, конечно, погоняло испытанный...» [Лагунов, 1982, с. 202]. С другой – это испытание, приключение, так необходимое в жизни каждого мужчины: «Как же не углядела, не угадала она в Гурии бациллы одержимости. В этом бредовом Турмагане все – не дыбом, так кубарем, даже у нее порой замирало сердце от неизъяснимого ощущения взлета. Дивно ли, что за годы турмаганской жизни одержимость проникла в кровь и мозг Гурия» [Лагунов, 1982, с. 31].

О причинах, приведших людей в сибирскую тайгу, автор пишет следующее: «Пресса, радио, телевидение и кино трубили и трубили о сибирском чуде, славили на все лады первопроходцев, а вербовщики сулили баснословные заработки, расписывали красоты дикой природы, и каменщики, маляры, буровики, вышкомонтежники, бетонщики, арматурищики, крановщики, бульдозеристы и еще бог знает кто отовсюду ехали сюда, летели, плыли. Были тут и совсем зеленые желторотики, и уже обдутые, потертые и вовсе поношенные. Одни ехали за биографией, другие – за счастьем, третьи – за рублем, а иные просто потому, что им не сиделось в обжитом тихом гнезде, хотелось покоя, риска, перегрузки» [Лагунов, 1982, с. 44]. Были и те, кто «искал укрытий... от собственных ошибок. От разочарований...» [Лагунов, 1982, с. 39].

Смысловое пространство романов наполнено конфликтами между начальниками и подчиненными, женами и мужьями, родителями и детьми, друзьями и недругами. Благодаря их решению происходит осмысление таких ценностей, как любовь, дружба, долг, супружеская верность, ответственность, самопожертвование, забота об окружающих, о природе. Только долг и дружба помогли героям преодолевать трудности природы: «От лютых холодов крошились стальные зубья экскаваторов, рассыпались бульдозерные резцы, рвали на куски трубы. Но осатанелые люди работали. Крылы непечатно мороз, кляли нестойкую к холодам технику, костерили на чем свет нерадивое начальство, а сами копали траншеи, клали лежневки, тянули электролинии и нефтепроводы. И в этом яростном труде разноплеменная, всевозрастная, одичавшая от бродяжеского быта толпа превращалась в лихую дружную рабочую артель, где все – за одного, а дело – на первом плане» [Лагунов, 1982, с. 11].

Еще один пример для иллюстрации бытовых трудностей: главный герой обустраивает жилье и готовится к приезду жены и сына. «Под жилье себе Бакутин облюбовал новенький серебристобокый металлический балок-вагончик (см. рис. 1. – И.Б. и Е.П.) – два

махоньких, шестиметровых, купе, разделенных узким коридорчиком, где стоял котел парового отопления. В купе слева от входа белела пока единственная на всем Обском Севере газовая плита, сверкал эмалью холодильник, отливал густой зеленью крохотный, крытый пластиком столик, обставленный четырьмя кукольными табуреточками. Тут предполагалось быть и кухне, и столовой, и гостиной. А противоположное купе предназначалось для спальни. К стенам приделаны три спальные полки: две рядом, третья – наверху, для сына. Ее Бакутин сам окантовал металлической сеткой, чтоб малый, заспавшись, не свалился. Между полками – постелями супругов втиснулся квадратный столик. Над ним – круглое зеркало, а еще выше копия «Весны» Платова. Под одним оконцем – электрокамин, под другим – уголок сына». Вот жена Ася с сыном заходят в новый «дом»: «Ася мигом переделалась в легкий нарядный халат, переобулась в туфли-лодочки, поправила прическу и стала еще моложе, еще красивей, а затонувший в грязи балок с деревянной угловатой теснотой вмиг превратился в уютный желанный уголок, где даже гвоздь в стене ласкает и радует взгляд» [Лагунов, 1982, с. 13].

Рис. 1. Балки и домики газовиков Надыма (начало 1970-х годов). Фото из личного архива И. Захаровой.

Удивительно точно подмечает К. Лагунов как мужские, так и чисто женские проблемы: *«Счастье женщины – не только в труде. Не только в борьбе. Ася повидала на своем веку немало подобных “счастливиц”. В шесть утра – подъем, в полночь – отбой. Спозаранку у плиты, марш-бросок в ясли, бег трусцой на завод или в контору. Долгожданное воскресенье на стирку и генуборку. И так изо дня в день. Из месяца в месяц. Из года в год. Как заводная. А муж ворчит на отсутствие общих интересов, на любовную безответность и холодность и все чаще удирает из дому... Спаси, сохрани и помилуй от такого счастья эмансипированной женщины.*

Женщина должна украшать, облагораживать, любить и быть любимой. Да, и работать, конечно. Но в меру. Без перегрузок» [Лагунов, 1982, с. 30].

На страницах романов автору удается доказать читателю, что счастье и человечность в отношениях возможны даже в экстремальных условиях. Описанные им несчастные случаи, аварии, гибель людей и животных только усиливают осознание этого.

Взаимодействие произведений с окружающей действительностью наблюдается в двух планах: 1) актуальность поднимаемой проблематики для наших дней (развитие промышленности, строительство городов, проблемы сохранения экологии, человеческие взаимоотношения, коррупция, отношения между властью и народом, воспитание преемников); 2) прогнозы будущего, реализовавшиеся в настоящее время, на которых мы остановимся подробнее.

Написанные на заре становления нефтегазодобывающей промышленности в регионе, основанные во многом на архивных данных и развертывающиеся в конкретных регионах Тюменской области (в измененных названиях населенных пунктов узнаются реальные топонимы) эти произведения – синтез утопических, фантастических и реалистических образов будущего Сибири. Изначально казавшиеся несбыточными идеи покорения Севера и нефтедобычи в суровых условиях сначала переходят в статус гипотетически возможных, потом находят научное подтверждение, а затем реализуются в жизни.

Автор описывает встречи ученых, рабочих и партийных чиновников, где обсуждались две точки зрения: а) нефть есть, и ее нужно искать; б) бесперспективность поиска нефти на Севере Сибири. Парадоксальность заключалась в том, что власть требовала от ученых точных расчетов по прогнозам нефтедобычи, а когда их получала, не верила цифрам, считая их завышенными, иллюзией, фантастикой, спекуляцией на вере в будущее.

«Сейчас к нам валом валят братья писатели. А три года назад их сюда никакими коврижками было не заманить. В то время наверху в нашу нефть почти никто не верил. Считали – зря тратим деньги и силы. Утопистами, фантастами, а то и пустобрехами клеймили. Десять лет ползали мы по тайге впустую... В шестьдесят первом я был начальником Шанской экспедиции. Приехал к нам представитель Главгеологии. Сунул нос на буровую, посмотрел прогнозную карту и вот тебе окончательный приговор: свертываться, перебазироваться. Мы под приказом расписались, а сами бурим. Мне выговор, а мы бурим. Начальник главка назвал меня хулиганом и предупредил: в трехдневный срок не выполню приказ – снимут с работы, отчислят из системы Главгеологии. А мы опять бурим. В день моего снятия ударил первый фонтан. Да какой! ...» [Лагунов, 1999, с. 64].

С точностью ученого К. Лагунов излагает сложнейшую и уникальную на тот момент идею установки буровой в фантастически тяжелых климатических условиях, а затем ее реализацию, поднимает острые вопросы утилизации попутного газа, ликвидации горящих факелов, бесцельного сжигания нефти нерентабельных скважин, разрушения экосистемы таежных болот, отсутствия технологий дорожного и домостроительства, неустроенности быта. В то время ответа на эти вопросы не было: ученым еще предстояло разработать все технологии и методы нефтегазодобычи и строительства на Севере.

«Надо было немедленно, всеми силами готовить посадочную первую десанту нефтяников в Турмагане, но вместо этого туда выбросили сам десант. У недоношенного и хилого Турмаганского нефтепромыслового управления не было ничего для промышленной добычи нефти, зато в кармане начальника НПУ, коммуниста Бакутина, лежал всеми инстанциями утвержденный план, где кривая добычи ракетой устремилась ввысь и, начав с миллиона тонн в 1965-м, через десять лет должна была достигнуть фантастического рубежа – сто миллионов! А где было взять нужные для такого взлета рабочие руки? Куда поселить владельцев этих рук?» [Лагунов, 1982, с. 23].

С одной стороны, ученые-теоретики, рассуждающие о местах залегания нефти, с другой – геологи, ведущие безуспешные поиски, и буровики, бурящие километры скважин, раз за разом оказывающихся бесперспективными, с третьей – партийные работники из центра, уже спускающие сверху невероятные планы добычи нефти, взятысь реализовать которые без соответствующей инфраструктуры, квалифицированной рабочей силы и, самое главное, скважин с высоким дебитом мог только утопист или фантаст. Так зачастую и

называет в своих романах К. Лагунов нефтяных первопроходцев Сибири, совершающих *«невиданно дерзкий, полужантасический поединок с болотами, тайгой, стужей»*, который окрестили *«чудом XX века»* и о котором *«вскоре загомонил весь мир»* [Лагунов, 1982, с. 22–23]. Труд в жестких условиях тайги, необустроенность быта заставляли людей совершать ежедневные подвиги (работа на постоянно ломающемся оборудовании, доставка жизненно важных грузов на буровую в любых погодных условиях, транспортировка травмированных на производстве и больных), создавали трудности в семейной жизни (отсутствие нормального жилья, садиков для детей, мест отдыха, пристрастие к выпивке /за неимением возможности занять себя чем-то иным/), разрушили брак не одного героя изученных романов.

В ходе обустройства Севера родилась и мысль о сотворении идеального города в болотах близ Мертвого озера. Идея создания города будущего является «бродячим» мотивом, встречающимся в научных и литературных произведениях авторов разных стран и эпох (Л. да Винчи, Т. Мора, Т. Кампанеллы, Ж.-Ж. Руссо, К.-Н. Леду, Р. Брэдбери, А. Грина и др.). Но именно в текстах К.Я. Лагунова это не кажется недостижимой целью, поскольку люди уже совершили невозможное: покорили сибирскую тайгу, нашли нефть.

Славгород, а именно так автор называет в своих романах этот город, должен стать свидетельством признания заслуг, доблести, таланта, где все объединены стремлением к труду, к новым достижениям, к духовному росту. Создание *«блистательного стольного града сибирских нефтяников»* [Лагунов, 1976, с. 388] гармонично вписывалось в общую идею построения светлого коммунистического будущего.

Славгород – не просто расплывчатый иллюзорный образ, а вполне реалистичный, обладающий характерными конкретными чертами, *«огромный, современный город... С нефтехимическим комплексом, электричками, театрами, университетом... К нему стекутся со всех месторождений десятки трубопроводов, и отсюда хлынет поток сибирской нефти. К нему сойдутся тропинки, дороги, авиалинии и речные пути, которые привели нас к нефтяному гиганту. Дорога в Славгород – дорога к нашей очень трудной и дорогой победе. Над тайгой, над маловеерами, над собственными слабостями...»* [Лагунов, 1999, с. 66].

Этот город еще долгое время оставался только мечтой – не было технологий добычи и транспортировки нефти, дорожного и домостроения в условиях вечной или почти вечной мерзлоты. Хотя

стремительная «кавалеристская атака» на недра задавала темп и строительству города: *«Не пройдет и пяти лет, как здесь будет первоклассный и мощнейший в стране нефтепромысел, а на месте Белоярья поднимется город нефтяников. И это болото будет только попискивать под бетоном. А мы с вами приедем к Мертвому озеру на «Волге» по автостраде, а сюда прямо из Москвы полетят и «Ту», и «Илы». Это не фантастика – трезвый расчет. Стране нужна нефть»* [Лагунов, 1976, с. 380].

Многое из того, что на момент выхода романов казалось фантастикой, воплотилось в жизнь: это и нефтяные месторождения, нефте- и газопроводы, нефтеперерабатывающие заводы, а также города-красавцы, отстроенные на севере Тюменской области (Нижневартовск, Сургут, Шаим, Когалым, Новый Уренгой, Муравленко и др.).

Таким образом, наблюдается взаимодействие между сегодняшней реальностью и реальностью, созданной в исследуемых произведениях К. Лагунова, в которых силой воображения писателя нарисовано наше настоящее.

Читателям, живущим в XXI веке, будет интересно и описание облика Тюмени, нефтегазовой столицы региона, в романах К. Лагунова. *«Областной Туровск¹ шестьдесят пятого не имел ни одного современного, красивого, удобного здания. Только в центре, вокруг единственного обихоженого пятачка, выстроились хоть и старомодные, зато добротные здания обкома партии, облисполкома, геологоуправления и пединститута, а в любую сторону от этого пятачка сразу начинались допотопные улочки с неровными шеренгами разномастных домов, покосившихся, вросших в землю, лишь кое-где раздвинутых аляповатыми, неустойчивыми на вид крупнопанельными пятиэтажками. Убожество давно переживших свой век строений дополнялось хлипкими, танцующими под ногами дощатыми тротуарчиками и немощными дорогами. Весной и осенью кривые, узкие улицы тонули в первобытной грязи, летом их окутывала едкая, горячая пыль, а зимой по окна заваливало снегом, который скоро чернел от копти множества труб. Правда, на восточной окраине города ускоренными темпами строились собственные четырехэтажные “Черемушки”, но строились почему-то без ливневой канализации, с узенькими улочками и тропками-тротуарчиками»* [Лагунов, 1982, с. 24]. *«Наружность города в описываемый период мало чем отличалась от дореволюционной. Те же*

¹ Город на реке Тура, то есть, вероятно, областной центр – Тюмень.

разномастные деревянные дома, домики и домишки, с палисадниками, высокими заборами, приворотными скамьями, тесно облепленными малоречивыми древними старухами... Лишь на несколько дней в году природа преображала захолустный городок, и тот становился по-настоящему красивым, романтическим. Это случалось на стыке весны и лета, когда окутывала деревья молодая яркая зелень, а в палисадниках и скверах расцветала сирень, черемуха, яблони...» [Лагунов, 1976, с. 31] (см. рис. 2, 4)

Рис. 2. Главная улица Тюмени – Республики – конца 1970-х начала 1980-х годов. Фото из личного архива О. Гостевой.

Рис. 3. То же место. Тюмень. Наши дни. Фото И. Беляковой, Е. Плахиной.

Сейчас Тюмень приобрела совершенно иной вид (см. рис. 3, 5), и прогресс в сфере благоустройства очевиден.

Рис. 4. Тюмень конца 1970-х – начала 1980-х годов. Вид заречной части города. Фото из личного архива О. Гостевой.

Рис. 5. Тот же вид. Тюмень. Наши дни. Фото И. Беляковой, Е. Плахиной.

Что касается художественных средств исследуемых романов, они разнообразны и включают все основные стилистические приемы: сравнения, эпитеты, олицетворения, метафоры. Красивы описания таежной природы с использованием развернутой метафоры с эпитетами и сравнениями: «...солнце, словно огрузнев, пошло вниз. Тени от деревьев, недавно еще такие густые, растаяли, будто их кто слизнул с земли. Солнечные лучи, не касаясь поляны, заструились верхом, как косой дождь, и воздух стал золотисто-зеленым» [Лагунов, 1976, с. 390]. Однако спокойствие в тайге не может длиться долго, дикая природа остается опасной для человека: «Выкатилась из-под облачка лимонная долька месяца. Под ее холодным, зеленовато-желтым сиянием поляна приняла зловещий вид... И лес – непроницаемо-мрачный и грозный – как будто ожил и бесшумно двинулся к центру поляны, все теснее смыкаясь вокруг одинокой палатки. Казалось, еще миг – и ее вместе с укрывшимся там человеком поглотит тайга» [Лагунов, 1976, с. 391]. «В причудливые волнующие аккорды слетались голоса пробудившейся природы: гул ветра, рокот реки, картавый говорок ручьев, шальные крики птиц, шурушанье неокрепших крыл летучих насекомых» [Лагунов, 1982, с. 4].

Чрезвычайно метафорично описание момента открытия нефти: «Тогда и сибли пробку с кремневой подземной бутылки, в которой миллионы лет корчился нефтяной исполин». Произошло действительно «местоРОЖДЕНИЕ», когда нефть – олицетворяется и превращается в «нефтяного младенца» который, «хрипя и кряхтя от натуги, вылезал и вылезал из подземного плена...» [Лагунов, 1982, с. 23].

Вообще метафора в экологической теории литературы важна с той позиции, что метафорическая концептуализация природных и смежных явлений помогает человеку тоньше почувствовать природу, глубже осознать ее законы и оценить ущерб, наносимый окружающей среде [см., например, Killingsworth, 2006; Chisholm, 2011; Watson, 2014]. Если, согласно К. Лагунову, нефть – младенец, то земля – мать. Такое понимание ведет к совершенно иному ее восприятию, отношению и оценке, чем когда мы концептуализируем землю как нечто у нас под ногами, по чему мы ходим. Когда в сознании человека земля будет ассоциироваться больше с матерью, чем с полом, вероятно, он и ходить и ездить по ней будет осторожней, чтобы не навредить, не будет мусорить, уничтожать все, что на ней растет и в ней содержится. Это идеал, к которому призывают борцы за экологию. Законы и штрафы, конечно, меняют ситуацию, но преобразования, идущие внутри, происходящие в сознании человека, могут гораздо эффективнее корректировать его экологическое поведение.

Все проблемные события и ситуации в романах получают корректную с точки зрения экологического поведения оценку. Это касается осуждения и порицания халатности со стороны начальства, неравного распределения материальных благ между вышестоящими и нижестоящими по рангу, взяточничества, кумовства, эгоизма, выпячивания материального достатка, супружеских измен, подлости, и, конечно же, потребительского отношения в первую очередь к окружающей природе.

Официально разговоры о негативном влиянии нефтегазодобывающей промышленности на природу в 1960–70 годах еще не велись, но в литературных произведениях К.Я. Лагунова проблема не просто обозначена, а получает этическую оценку (см. В.А. Рогачева «про уродливые перекосы в развитии Тюменского нефтегазового комплекса», про «варварское отношение к природе» [Рогачев, 1999, с. 4]).

В романах К.Я. Лагунов рассуждает о сложных взаимоотношениях человека и природы устами своих героев: *«Надо не повелевать, а постигать природу, приспособливаться...»*, но в ответ слышится позиция, которая была на то время основной: *«Человек – царь природы. Цари не приспособливаются»* [Лагунов, 1976, с. 12], а потому, невзирая ни на что, *«замеряй месторождения, клади нефтепроводы, строй комбинаты»* [Лагунов, 1976, с. 18].

Но иногда даже те, кто с остервенением боролся с тайгой, с болотами, с непогодой, задумывались: *«Найти нефть – не все. Нельзя по пути к ней растерять веру в добро и человечность. От нехватки добра скудеют души, хиреют, ссыхаются. Сам добра не вижу, другим – не делаю. Мы должны быть добрыми – к товарищу, к дереву, к зверю, к машине, иначе – временщики, рвачи, браконьеры!»* [Лагунов, 1976, с. 48].

Автор отмечает, что с началом добычи возникло множество экологических вопросов: Как избавиться от горящих нефтяных факелов? Как утилизировать попутный газ? Куда девать нефть с пробных, нерентабельных, скважин, которая попросту сжигалась? Что делать с разрушаемой экосистемой таежных болот? Ответов на эти вопросы не было, ученые только приступали к их поиску, однако выделять на это средства никто не собирался.

В романе «Больно берег крут» один из героев утверждает, что нежелание изменить отношение к природе объясняется нежеланием лишних хлопот, а вовсе не их непониманием: *«У всех горит»* – так, используя риторическую фигуру обобщения, объясняет горящие факела начальник [Лагунов, 1982, с. 81]. Но однажды на буровую

приехала канадская делегация и предложила: *«Вы, мистер Бакутин, могли бы внести реальный вклад в подогрев советско-канадских отношений... Подарите мне вот этот факел. Я поставлю здесь газово-бензиновый завод. Тяжелые фракции через Ледовитый океан самолетами домой. И атмосфера станет чище, и природные богатства пойдут в дело, и положительный дипломатический шаг...»* [Лагунов, 1982, с. 323]. В то время совместные, а тем более в иностранном владении, предприятия не поощрялись, и герой Лагунова, чтобы не ударить в грязь лицом, обещает: *«Приезжайте к нам годика... ну... через три-четыре... Этих факелов не будет, – с запинкой и не очень твердо сказал Бакутин.*

– *Фантастика! – прорвался мистер Стивенсон.*

– *Утопия, – поддержал своего секретаря мистер Старк.*

– *Поживем – увидим, – сердито пробормотал Бакутин»*

[Лагунов, 1982, с. 324].

В ходе анализа художественных произведений К. Лагунова нами было установлено, что этическая система координат, в которой существует смысловое пространство трех проанализированных романов, полностью соответствует современной экологической парадигме восприятия художественного текста. Конфликтное, полное внутренних противоречий состояние героев позволяет им развивать в себе и утверждать такие жизненные ценности, как любовь, дружба, верность, долг, ответственность перед другими и перед природой. Художественные средства трех текстов силой воображения автора концептуализируют жизненный опыт и систему восприятия окружающего мира героев, рисуют картины будущего развития нефтегазовых регионов Сибири, тем самым вступая в диалог с настоящим и приводя к переосмыслению материальных ценностей и утверждению ценностей гуманизма, альтруизма и гармонии.

Поколение людей, в них описываемых, совершенно не похоже на сегодняшнее. Невозможно представить, чтобы в современном обществе потребления нашлись люди, готовые рисковать жизнью в суровых климатических условиях, отказаться от комфорта и материальных благ цивилизации ради покорения неизведанного. Это прошлое уже стало историей, которую можно и нужно изучать по романам К. Лагунова. Проблемы взаимоотношения людей, а также экологические проблемы все еще стоят на повестке дня, делая эти романы актуальными и сегодня.

Литература

- Гарэн Э. Проблемы итальянского Возрождения. М., 1986.
- Леду К.-Н. Архитектура, рассмотренная в отношении к искусству, нравам и законодательству. М., 2003.
- Лотман Ю.М. Семносфера: Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров: Статьи; Исследования; Заметки. М., СПб., 2000.
- Рогачев В.А. На стремнине реки времени: вступительная статья к роману «Ордалия». Тюмень, 1999.
- Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. М., 2002.
- Эпштейн М.Н. Экология мышления: Парадоксы новизны: О литературном развитии XIX–XX веков. М., 1988.
- Code Lorraine. Ecological Thinking: The Politics of Epistemic Location. New York: Oxford UP, 2003.
- Chisholm Dianne. The Art of Ecological Thinking: Literary Ecology. University of Alberta. 2011.
- Killingsworth M.J. Maps and Towers: Metaphors in Studies of Ecological Discourse. 2006.
- Watson E. Love, Loss, and Water: A meditation on a Metaphor. 2014.
- Graves H. Literature as Cultural Ecology: Notes Towards a Functional Theory of Imaginative Texts With Examples from American Literature. Tübingen, 2001.

Источники

- Грин А. Бегущая по волнам. Чебоксары, 1988.
- Лагунов К.Я. Больно берег крут: роман. Свердловск, 1982.
- Лагунов К.Я. Одержимые: роман. Свердловск, 1976.
- Лагунов К.Я. Собрание сочинений: в 3-х тт. Ордалия. Тюмень, 1999. Т. 1
- Мор Т., Кампанелла Т. Утопия: Город Солнца. Сер. Проза великих. М., 2014.
- Bradbury R. Fahrenheit 451. СПб., 2001.

«МИР СОФИИ» Ю. ГОРДЕРА: ОСОБЕННОСТИ РЕЦЕПЦИИ РОМАНА В РОССИИ

В.А. Смирнова

Ключевые слова: рецепция, рецептивная эстетика, горизонт ожидания, постмодернизм, Ю. Гордер,

Keywords: reception, reception aesthetics, horizon of expectation, postmodernism, J. Gaarder

Юстейн Гордер (норв. Jostein Gaarder) – известный современный норвежский писатель и публицист, чьи книги переведены на многие языки и изданы в разных странах мира общим тиражом в десятки миллионов экземпляров. Самым известным произведением Гордера

считается роман «Мир Софии» (норв. «Sofies Verden», 1991). В 1995 году «Мир Софии» был признан самым продаваемым романом в мире: текст был переведен на 60 языков, продано свыше 40 миллионов копий. На основе книги был снят самый дорогой в истории норвежского кинематографа фильм, а также поставлен мюзикл. «Успех книги, по отзывам норвежской критики, был подобен эффекту разорвавшейся бомбы» [Брауде, 2010, с. 473].

Известно, что в ноябре 2015 года в рамках акции «Eine Stadt. Ein Buch»¹, проводимой в Вене с 2002 года, было бесплатно роздано 100 тысяч экземпляров книги Гордера, а продажи в Германии превысили три миллиона копий. В 1997 году роман получил Немецкую молодежную литературную премию, победители которой ежегодно объявляются в рамках проведения Франкфуртской книжной ярмарки. В Германии данная премия, основанная в 1956 году, является самой значимой среди премий, присуждаемых за достижения в области детской и юношеской литературы.

Сам автор объясняет успех книги тем, что в ней поставлены универсальные вопросы, интересующие представителей человечества независимо от их национальной и гендерной принадлежности: «Кто мы?», «Откуда мы?», «Существует ли бог?», «Что такое справедливое общество?» По мнению Гордера, даже в современное непростое время, когда мир борется с глобальным потеплением, финансовым кризисом и джихадом, философия имеет особую значимость. В одном из недавних интервью, ссылаясь на террористические акты в Париже, автор говорит о том, что западный мир встает на защиту своей идентичности и образа жизни, пытается найти в истории философии основные принципы демократических ценностей и институтов².

В центре повествования — норвежская девочка четырнадцати лет София Амунсен, регулярно получающая письма от философа Альберто Нокса, ведущего таким образом Софию по страницам истории философии. В первом письме он предлагает ей ответить на такие жизненные вопросы как, например: «кто ты?», «каково происхождение мира?». В последующих письмах рассматриваются и анализируются труды известных западноевропейских философов — начиная с Сократа, Платона и Аристотеля, и заканчивая Фрейдом и Сартром.

¹ В ходе проведения инициативы «Город. Книга», целью которой является знакомство людей с текстами, представляющими литературную ценность, читательская аудитория до встречи с романом Гордера получила возможность составить себе представление о текстах Джона Ирвинга, Томаса Бойла и Анны Гавальды.

² см. интервью с Ю. Гордером

Для романа, в соответствии с традицией постмодерна, характерно множественное кодирование: текст может быть прочитан как роман-воспитание/становление, как авантюрный/детективный роман и как роман философский. О постмодерне напоминает и сложность нарративной структуры текста: по ходу развития сюжета действующие лица оказываются персонажами другого текста – романа в романе. В ходе повествования мы узнаем, что на самом деле читаем книгу, которую написал майор ООН Альфредо Наг в подарок своей дочери Хильде, главными героями которой и являются девочка София и философ Альберто Нокс. Роман имеет характерную для постмодерна нелинейную структуру, рассчитанную на обман читательского ожидания. Автор проблематизирует традиционные концепции героя, нарратора и автора: персонажи сопротивляются всезнающему автору, пытаются выйти из-под его контроля и обрести власть над собственным нарративом, что им в итоге и удается. В тексте присутствуют два повествовательных пласта: сюжетная линия взаимодействия девочки Софии с учителем философии Альберто Ноксом тесно переплетается с темой девочки Хильды, отец которой на протяжении всего повествования шлет ей открытки, предвещающие собой появление написанной им книги, речь в которой ведется о Софии. Сложность повествовательной структуры усугубляется еще и тем, что персонажи, номинально принадлежащие разным нарративам внутри текста, преодолевают границы между этими нарративами и контактируют друг с другом (София, книгу о которой читает Хильда, видит во сне Хильду, то есть потенциального читателя романа, героем которого она, София, является).

В данной статье будет предпринята попытка рассмотрения текста Гордера с позиций рецептивной эстетики с целью выявления, рассмотрения тенденций в рецепции романа среди читательской аудитории в России и сравнения с ключевыми мотивами западной критики.

Основы рецептивной эстетики (нем. *Rezeptionsästhetik*) можно обнаружить в герменевтических и феноменологических теориях (работы Ф. Шлейермахера, М. Хайдеггера, Г. Гадамера, Э. Гуссерля и Р. Ингардена). Феноменологический метод Гуссерля и герменевтика Хайдеггера легли в основу того, что мы называем теорией рецепции. В этимологии немецкого слова *Rezeptionsästhetik* особый интерес для нас представляет латинская составляющая *receptio* (восприятие). Она отсылает нас к неоплатонической формуле, которую Фома Аквинский сделал основным законом схоластики. Эта формула выглядит следующим образом: *quidquid recipitur ad modum recipientis recipitur* –

то, что рецепируется, рецепируется по образу реципиента. Эта формула имеет значение для нашего исследования, поскольку наиболее важным для нас является вопрос о том, как рецепируют текст романа Гордера в России, кто, по мнению российской критики, является потенциальным читателем данного романа, а также в чем состоит разница в рецепции романа в России и на Западе.

Манифестом рецептивной эстетики стал текст Ханса Роберта Яусса «История литературы как провокация литературоведения» («*Literaturgeschichte als Provokation der Literaturwissenschaft*», 1967). По Яуссу, смена парадигмы заключается в необходимости исследовать *совместную* (курсив мой) работу над текстом, поскольку от этого принципиально зависит реализация произведения искусства. Провокация заключалась в фиксировании истории литературы таким образом, чтобы она, прежде всего, описывала читательские реакции на тексты. Реакции читателя должны быть представлены в зеркале истории их возникновения и изменения в течение различных исторических эпох. Таким образом, поскольку роман вышел в свет сравнительно недавно (1991), наше исследование может послужить началом изучения истории рецепции романа «Мир Софии».

Согласно положениям рецептивной эстетики, в процессе эстетической коммуникации должны принимать участие 3 единицы: автор, художественное произведение и реципиент. В роли реципиента могут выступать читатель, слушатель, критик. Рецептивная эстетика учитывает не только сравнение рецепций в диахронии, но и рассматривает уровень синхронии, на котором она пытается показать эстетическую основу текста и реакцию на нее современного читателя. Таким образом, на первый план выходит читатель, принимающий активное участие в реализации текста. Активную роль читателя и его влияние на текст сформулировал польский писатель Ян Парандовский в своей книге «Алхимия слова» (1951): «читатель, сам того не ведая, является соавтором книги еще задолго до того, как она до него дойдет. <...> Невидимый читатель, хоть и безличный, обладает удостоверением личности, где указаны его вероисповедание, подданство, национальность, происхождение, возраст. Гражданское состояние, имущественный ценз, пол» [Парандовский, 1990, с. 252].

Любой текст может быть интерпретирован и рецептирован разными читателями с помощью различных способов. Не существует общего значения текста, единого заложенного в нем смысла. Каждый текст не только пассивно воспринимается читателем, но активно интерпретируется им в зависимости от культурного и жизненного опыта последнего. Значение текста не является присущим ему по

определению, но дается ему читателем. Смысл текст создается в процессе коммуникации между текстом и читателем. «Для того, кто воспринимает словесно-художественный текст, <...> оптимален синтез глубокого постижения творческой воли автора и собственной (читательской) инициативы» [Хализев, 2002, с. 149].

Текст раскрывает свой потенциал в ходе длительного исследования истории рецепции. Прежде всего необходимо понять, определить, *как* он читался. При этом нужно учитывать не только научные, но и «обывательские» прочтения, поскольку они тоже находятся в диалоге с текстом. В нашем исследовании внимание уделяется читательской рецепции романа «Мир Софии», представленной как в критической литературе, так и в отзывах обычных читателей.

Говоря о рецепции, мы будем оперировать понятием «горизонт ожидания» («Erwartungshorizont»), заимствованном Яуссом у социолога Карла Маннгейма. Суть понятия заключается в том, что каждый текст «предлагает» некий горизонт, на который читатель откликается, основываясь на своем опыте, на литературных знаниях (к примеру, знаниях о мотивах, темах, проблематике). Задача писателя заключается в том, чтобы предложить читателю нечто новое с учетом его горизонта ожидания. «Смысл текста – результат встречи и диалогического взаимодействия жизненного опыта художника, запечатленного в его произведении, с опытом реципиента. Посредником такого диалога выступает художественный текст, а изменения в его понимании зависят от исторического, социально группового и личного жизненного опыта читателя, зрителя, слушателя» [Борев, 2001]. Художественное произведение пробуждает воспоминания о том, что уже было прочитано, приводит читателя в особое эмоциональное состояние и в начале процесса чтения вызывает предвосхищение «середины и конца», которое может оставаться неизменным или модифицироваться.

Роман имеет подзаголовок «Рассказ об истории философии», который, казалось бы, должен был бы определить некоторым образом «горизонт ожидания» читателя. Однако анализ западной критической литературы, посвященной роману, показывает, что исследователи видят в тексте нечто большее, чем учебник по философии.

Завоевав большую популярность западной читательской аудитории, «Мир Софии» не был обделен вниманием критиков. Мы попытаемся выделить основные тенденции восприятия текста норвежского автора в зарубежном литературоведении. Обратимся к нескольким работам, посвященным роману, с целью выявления

характерных особенностей и ключевых моментов, выделяемых западными исследователями в тексте Ю. Гордера.

Характеризуя норвежскую литературу 80-х–90-х годов, норвежский писатель и переводчик Гейр Поллен (статья «Несколько слов о норвежской литературе») выделяет в ней черты, присущие культуре постмодерна: «Отныне литература – металитература, текст – особый универсум, и для феноменов внешнего мира доступ в него возможен лишь в виде знака, конструкции, игры. ... Язык подобен зеркалу, и вот одно отражение накладывается на другое, и эти серии отражений множатся и множатся» [Поллен, 2005]. Здесь Поллен трактует литературу в борхесовских терминах: как игру зеркал, бесконечно умножающих отражение. В связи с этим неудивительно, что большинство западных исследователей отмечают и анализируют в романе «Мир Софии» элементы постмодерна. Так, например, американский исследователь Теодор Циolkовский акцентирует фикциональную природу персонажей, которых на протяжении первой половины романа читатель считает главными действующими лицами в тексте: «София, ее мать, друзья, Альберто Нокс, как выясняется, являются фиктивными персонажами, выдуманного майором Нагом для развлечения и обучения его дочери» [Ziolkowski, 1997, p. 548]. Фикциональную сущность героев отмечает в своей работе и исследователь Наташа О'Хиэр: «случайно оказывается, что София и ее мир являются плодом воображения Альберто Нага» [O'Near, 1996, p. 173].

Среди основных особенностей романа западные критики выделяют также и его интертекстуальность: в мир девочки Софии «время от времени проникают герои из царства литературы: мимо проходит Красная Шапочка, Винни-Пух, Алладин, Алиса из Страны Чудес, Ной из Библии, а также персонажи Диснейленда и сказок братьев Grimm» [Ziolkowski, 1997, p. 548]. Циolkовский видит в романе игру с текстами не только классического детского канона (такими как сказки о Красной Шапочке, Винни Пухе), но и образцами массовой культуры (Диснейленд). Несомненно, в этой неизбирательности/ нонселекции (см. [Ильин, 2001]) в отношении и высокой, и массовой культуры можно найти отголоски постмодерна. Интертекстуальность и элементы игры на самых разных уровнях текста часто становятся объектом анализа в западной критике: «... автор свободно играет с метафорами: например, София встречает Ноя, который, объясняет ей теорию эволюции Дарвина на примере изображения ковчега» [O'Near, 1996, p. 173]. Не остается без внимания и игра автора с читателем и обман читательского ожидания.

Следуя постмодернистской традиции, Циолковский описывает мир, в котором существуют персонажи романа Гордера, как мир текста / текстов. Исследователь подчеркивает зыбкость повествовательных инстанций: персонажи меняют свой статус, переходя из управляемого автором текста в новый мир: «София и Альберто, осознав собственную фикциональность, отвергают контроль отца Хильды над собой, планируют найти выход из текста романа, в который их поместил Альберто Наг» [Ziolkowski, 1997, p. 548]. В конце текста персонаж получает возможность смотреть на своего создателя со стороны: София видит возвращение домой отца Хильды, который, по замыслу Гордера, является автором текста о ней. Западная критика нередко видит основную проблематику романа в самоидентификации героя в мире текста. Действующим лицам каждого пласта текста необходимо осознать, кто они – фиктивные или реальные персонажи. Пытаясь ответить на этот вопрос, герои находят различные способы побега из определенного им автором мира. Их главной целью является существование в той реальности, которую они считают настоящей. Задача читателя – «определить, удастся ли персонажам побег из предназначенной им реальности»¹.

В этой трактовке проблематики романа явно звучит аллюзия на постмодернистскую концепцию «жизнь как текст», сформулированную в известном тезисе Ж. Дерриды о том, что ничто не существует вне текста [Интервью с Жаком Деррида, 1992]. Основная интрига романа, таким образом, заключается в вопросе, может ли герой / человек выйти за пределы текста, имеет ли он какую-либо власть над текстом, определяющим его существование? «Хильда не осознает, что она, вместе с Софией, всего лишь персонаж в истории, созданной с помощью бумаги и чернил. Может ли она действительно совершить побег из текста или сама реальность – это всего лишь другой текст?»².

Трактую текст как пример постмодернистского эксперимента, западные исследователи отмечают и амбивалентный, открытый финал романа, который стимулирует читателя на поиск собственных ответов на вопросы, поставленные в тексте: «<...> Гордер призывает нас задавать вопросы самим себе и реальности» [O’Hear, 1996, p. 173]. Так как книга проблематизирует грань между реальностью и выдуманным миром, то читателю предстоит самому разобраться, где реальность, а где вымысел.

¹ См.: Philosophy blog. Sophie`s world and postmodernism. [Электронный ресурс]. URL: <https://jhbakerpianist.wordpress.com/page/2/>

² См.: Philosophy blog. Sophie`s world and postmodernism. [Электронный ресурс]. URL: <https://jhbakerpianist.wordpress.com/page/2/>

В России роман был впервые опубликован в 1997 году, то есть спустя шесть лет после выхода оригинала. Перевод был выполнен Татьяной Доброницкой; после этого текст неоднократно переиздавался. Последнее издание вышло в 2015 году в издательстве «Амфора». В России роман не приобрел такой популярности, как в Европе, и не стал настольной книгой для детей и их родителей. По мнению Н. Фрейман, данный факт обусловлен в значительной степени некачественным изданием романа: «К сожалению, далеко не всегда оформление книг соответствует содержанию, что нередко негативно сказывается на читательском восприятии. В этом смысле показателен пример с изданием книг Юстейна Гордера – одного из самых популярных норвежских авторов последних лет» [Фрейман, 2011, с. 33]. Фрейман выделяет следующие факторы, сформировавшие небольшой интерес читательской аудитории в России к тексту романа: безвкусное оформление, а также навязчивая и примитивная аннотация на обложке, изобилующая кричащими фразами. В связи с этим Фрейман формулирует проблему недостаточного интереса российского читателя по отношению к тексту Гордера. «После появления на российском книжном рынке “Мира Софии” в таком варианте Гордера стали воспринимать как представителя легиона авторов массовой литературы, работающего по шаблону» [Фрейман, 2011, с. 34]. По мнению исследователя, издание романа в издательстве «Амфора» выглядит более привлекательно, но также не лишено ряда недостатков: «<...> на обороте обложки почему-то напечатан довольно нелепый призыв: “Роман об истории философии. Обращаться с крайней осторожностью!”» [Фрейман, 2011, с. 34].

Там, где западная критика склонна видеть постмодернистскую игру с читателем, российские исследователи зачастую действительно видят в романе популярную версию истории философии.

Исследователь Юрий Муравьев, в отличие от своих западных коллег, подчеркивает в своей рецензии на роман «Мир Софии» простоту замысла романа, сводя его к незатейливому, но эффективному воспитательному ходу, постоянно используемому и показавшему свою эффективность в педагогической практике: «уже давно все преподаватели философии из числа тех, кто поумнее, пользуются этим прекрасным методом: они излагают историю человеческой мудрости, представляя человеческую философскую мысль как серию ответов на последовательно, но всякий раз заново возникающие умные вопросы о мире и его познании» [Муравьев, 2006]. В столь же традиционном ключе трактуется в российской

критике и жанровая принадлежность текста, в котором присутствуют все «элементы приключенческого жанра: таинственные письма, адресованные юной героине; загадочный собеседник, рассказывающий ей о важнейших философских теориях; <...> путешествия во времени и пространстве; неожиданные повороты событий» [Фрейман, 2011, с. 34].

Предпочитая рассматривать текст Гордера как учебник по философии, российские исследователи акцентируют простоту и доступность изложения материала в романе. В отличие от западных критиков, которые видят в романе проявление постмодернистской эпистемологической неуверенности, амбивалентность, многозначность, Муравьев отмечает доступность и понятность книги. Способ подачи основных философских концепций в изложении Гордера противопоставлен усилиям современных философов, которые, обучая детей и взрослых тому, что такое философия для детей, «высасывают из пальца игровые приемы и сюжеты для тренинга» [Муравьев, 2006]. Российский исследователь подчеркивает, что Гордер, будучи веселым и изобретательным автором, «не вымучивает свои сюжеты, от начала до конца “бытийствует” в детской психологии <...> и избегает лукавого мудрствования» [Муравьев, 2006].

Рецензия Муравьева имеет название «Веселая наука», что является аллюзией на «Веселую науку» (1882) Ницше. Исследователь подчеркивает тем самым доступность книги для детей и подростков, понятное изложение материала, который не принято считать легким для восприятия: «нашего читателя остается только поздравить с тем, что вместо отечественной философии для детей, мечущейся между сюсюкающей сентиментальностью и скулосворачивающей скукой, он получает теперь эту книжку, которая даже ребенка убедит в справедливости по отношению к философии ницшеанской формулы – да, действительно, “веселая наука”!» [Муравьев, 2006]. В тексте рецензии Муравьева также обращают на себя внимание эпитеты «последовательный», «логичный»: «Мудрость людей — это не результат мгновенных гениальных озарений отдельных персонажей: она есть следствие логического ряда открытий, которые человечество делает в результате реализации очередных шагов в своем последовательном прогрессивном философском развитии» [Муравьев, 2006]. Данные эпитеты характеризуют линейность (с точки зрения Муравьева) замысла Гордера, что контрастирует с западными постмодернистскими трактовками, выделяющими сложность, недосказанность, нелогичность сюжетных ходов.

Трактуя роман в традиционном ключе, российская критика хочет видеть в тексте пример романа-воспитания, акцентируя образовательные элементы в тексте. Исследователь Нина Фрейман видит задачу книги в том, чтобы «привлечь внимание и маленьких, и взрослых читателей, повлиять на мировоззрение одних, смягчить и навести на размышления других» [Фрейман, 2011, с. 34]. Таким образом, российская критика акцентирует просветительский пафос романа, интерпретируя его не в терминах культуры постмодерна, а в хорошо знакомых по классической литературе 18–19-го века категориях.

Даже если в некоторых критических работах появляются намеки на эстетику постмодерна, то сама логика российских рецензий ведет нас к совершенно противоположным, традиционным трактовкам романа. Исследователь Коровин, отмечая постмодернистскую зыбкость текста, заканчивает свои размышления по поводу романа словом Бог, причем пишет его с большой буквы, тем самым признавая в нем то трансцендентальное означаемое, которое постмодернизм ставит под сомнение: «“Мир Софии” стал не только новым этапом развития литературы для детей, но и фактически оказался новаторским по отношению к самому жанру романа. София, постигая философию, приходит к пониманию того, что она не существует в реальности, а является только персонажем книги о философии, которую пишет отец для своей дочери Хильды. Может ли сама София смириться с таким положением или она имеет право на самостоятельные действия, может ли она выйти из под контроля творца? Вот вопрос, которым задается каждый думающий человек, осознавая свои взаимоотношения с Богом» [Коровин, 2007, с. 147]. Исследователь Нина Фрейман, хоть и упоминает присутствие элементов интертекстуальности в тексте Гордера («присущая модернистской литературе интертекстуальность»), хочет видеть имя норвежского автора «романа о философии» в одной парадигме «с именами классиков детской и взрослой литературы не только в Норвегии и других европейских государствах, но и в нашей стране» [Фрейман, 2011, с. 34].

В заключение хочется упомянуть и отзывы российских читателей, оставленные на различных интернет-сайтах, посвященных анализу и обсуждению художественных текстов. Авторы этих рецензий, являясь непрофессиональными критиками, подтверждают отмеченные нами выше тенденции. Эти авторы ссылаются на простоту и доступность формы и содержания романа: «В доступной форме автор рассказывает о шагах истории мысли и о “вечных вопросах”, занимающих человека. <...> Поэтому книгу можно смело рекомендовать всем, кто, в целом не задумываясь особо о смысле жизни, чувствует странное беспокойство

или неудовлетворенность»¹. Авторская стратегия Гордера трактуется как весьма незамысловатая: «Схема овладения молодежной аудиторией проста: нужно немного продемонстрировать знание подростковых проблем и подпустить иронии в адрес родителей как таковых» [Новикова, URL]. Там, где западная критика видит неоднозначность и амбивалентность, российские читатели усматривают абсолютную простоту: «Просто, как карандашный набросок. <...> все лишние детали отсеются, и останется ясный лаконичный рисунок»².

Находят читатели и просветительский пафос в романе: «Норвежский идеалист <...> хотел бы своей книгой способствовать всеобщему просвещению» [Новикова, URL]. Рассматривая текст как «роман о философии», российский интернет-рецензент призывает читателя не пугаться и отмечает веселый и популярный характер данного философского экскурса, подтверждающего, что «философия – отнюдь не абстрактная занудная наука»³.

В большинстве своем российская читательская аудитория положительно отзывается о романе, видя в нем в первую очередь произведение детской / подростковой литературы. При этом большинство отзывов оставлено взрослыми людьми, которые сожалеют о том, что подобная книга не встретила им в подростковом возрасте.

Таким образом, в то время как западные исследователи приходят к выводу о том, что роман есть нечто большее, чем «роман об истории философии», отечественный читатель отдает явное предпочтение именно философскому прочтению романа в ущерб остальным кодировкам текста. В российских рецензиях ссылки на постмодерн практически исчезают, акцент делается на простоте, доступности, традиционности и воспитательном значении. Российский читатель строит свой горизонт ожидания на образцах литературы прошлых веков и акцентирует в книге соответствующие его ожиданию особенности.

Литература

- Борев Ю.Б. Художественное мышление XX в., архетипическое и театр. [Электронный ресурс]. URL: www.independent-academy.net
Брауде Л.Ю. Юстейн Гордер. В вечном поиске. СПб., 2010.
Ильин И.П. Постмодернизм. Словарь терминов. М., 2001.

¹ См.: Мир Софии. Отзывы. [Электронный ресурс]. URL: <https://ozonru.com/context/detail/id/19894332/>

² См.: Клуб любителей книг. [Электронный ресурс]. URL: <http://bookmix.ru/review.phtml?rid=28769>

³ См.: Рецензии и отзывы на книгу «Мир Софии: Роман об истории философии». [Электронный ресурс]. <http://www.labyrinth.ru/reviews/goods/175398/>

- Интервью с Жаком Деррида // Мировое древо. Вып. 1. М., 1992.
- Коровин А.В. Современная скандинавская литература // Современная Европа. 2007. Вып. 3.
- Муравьев Ю. Веселая наука. [Электронный ресурс]. URL: www.scepsis.net
- Новикова Л. Культура. Книги за неделю. [Электронный ресурс]. URL: www.kommersant.ru
- Парандовский Я. Алхимия слова. М., 1990.
- Поллен Г. Несколько слов о норвежской литературе: этапы становления норвежского литературного творчества // Иностранная литература, М., 2005. № 11.
- Фрейман Н.Г. Издание современной норвежской литературы в России на примере произведений Юстейна Гордера и Эрленда Лу // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 344.
- Хализев В.Е. Теория литературы. М., 2002.
- Яусс Х.Р. История литературы как провокация литературоведения // Новое литературное обозрение. М., 1995. № 12.
- Hear N. Booknotes // Philosophy. 1996. Vol. 71. № 275.
- «Sofies Welt» wird als Wiener Gratisbuch verteilt. [Электронный ресурс]. URL: www.wien.orf.at
- Ziolkowski Th. Philosophy into fiction // The American Scholar. 1997. Vol. 66. № 4.

Источники

Gaarder J. «Sofies Verden», 1991

ПЕСЕННЫЙ ФОЛЬКЛОР ПРИАМУРЬЯ В ЗАПИСЯХ М.К. АЗАДОВСКОГО

Л.Е. Фетисова

Ключевые слова: М.К. Азадовский, Приамурье, песенный фольклор, региональная традиция.

Keywords: M.K. Azadovskiy, Priamurye, folk songs, regional tradition.

Становление дальневосточной фольклористики как полноценной составляющей отечественной науки связано с деятельностью М.К. Азадовского, литературоведа, этнографа, фольклориста, искусствоведа и библиографа. Полевые материалы и наблюдения исследователя получили высокую оценку специалистов, занимавшихся собиранием и изучением русского народного творчества на юге российского Дальнего Востока. Объективный анализ результатов его Амурской экспедиции содержит публикация С.И. Красноштанова,

вышедшая в 1972 году [Красноштанов, 1972, с. 88–103]. Однако надо признать, что фольклорно-этнографические материалы М.К. Азадовского до сих пор не вошли в научный оборот в полном объеме. Цель данной статьи – дать характеристику научного наследия М.К. Азадовского, связанного с исследованием народно-бытовой культуры старожильского населения Приамурья, показать значимость этого периода его деятельности для развития дальневосточной фольклористики.

Марк Константинович Азадовский (1888–1954) родился в Иркутске в семье чиновника горного ведомства. В 1913 году окончил Санкт–Петербургский университет. Среди его учителей были такие известные российские ученые, как акад. А.А. Шахматов, профессор И.А. Шляпкин и С.А. Венгеров. По окончании курса М.К. Азадовский был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. Научную работу он начал еще студентом, принимая участие в фольклорно–этнографических экспедициях Общества изучения Сибири. С 1916 года входил в состав редколлегии журнала «Живая старина». Преподавал в Читинском институте народного образования, Томском, Иркутском, Ленинградском университетах; руководил Восточно–Сибирским отделением Русского географического общества; был инициатором создания фольклорно–этнографического журнала «Сибирская живая старина» [Жирмунский, 1958, с. 3–18].

Научное наследие М.К. Азадовского связано с широким кругом проблем отечественной филологии. Его перу принадлежат труды о русском фольклоре, о писателях–декабристах, о Пушкине, Лермонтове, Тургеневе и других классиках русской литературы. Фундаментальная обобщающая монография в 2–х томах, посвященная истории русской фольклористики, увидела свет уже после смерти автора. В ряду его научных интересов особое место занимало собирание и изучение дальневосточного фольклора. Этот интерес был отнюдь не случайным: отец М.К. Азадовского, Константин Иннокентьевич, в начале XX века работал в Хабаровске и принимал активное участие в культурной жизни города [Андриец, 2014, с. 220].

Летом 1913 года, еще будучи студентом филологического факультета, М.К. Азадовский по собственному почину и на личные средства обследовал казачьи поселения от станицы Радде до Хабаровска. Зимой 1914 года он повторил поездку уже по поручению Отделения русского языка и словесности Академии наук [Азадовский, 1914б]. Основной целью экспедиции являлся сбор местного фольклора, но попутно удалось записать около 2000 диалектных слов. Эти

материалы хранятся в картотеке Словаря русских народных говоров в Санкт-Петербурге [Кирпикова, 2010, с. 66].

Собирая фольклорный материал, М.К. Азадовский за два полевых сезона записал около 1500 текстов, среди них 2 былины целиком и несколько фрагментов, около 50 заговоров, несколько десятков похоронных причитаний, более 1000 различных песен (в том числе около 90 свадебных). К сожалению, от рукописного наследия ученого осталась лишь малая часть: его полевые дневники погибли в 1918–1919 годах. Уцелевшие материалы были переданы в рукописные отделы Государственной библиотеки им. В.И. Ленина в Москве (ныне – Российская государственная библиотека), Института русской литературы (Пушкинского дома) в Санкт-Петербурге, а также в Архив РАН (СПб.) [Жирмунский, 1958, с. 4]. Экспедиционные материалы частично были использованы самим собирателем при написании статей, посвященных отдельным фольклорным жанрам: заговору, частушке, исторической песне, но большинство сохранившихся текстов остается достоянием архивов.

Анализ рукописного наследия М.К. Азадовского показал, что серьезное внимание он уделил семейно-обрядовому фольклору, восходящему к традициям старожильского населения Сибири. По его мнению, на новом месте произошло разрушение былой цельности свадебного комплекса. М.К. Азадовский отметил стяжение ритуалов предсвадебного периода, сокращение «слезных причитаний», замену ряда магических действий игровыми. Исследователь с сожалением констатировал, что если и «правят свадьбу по старинке», то выражается это лишь в организации свадебного поезда, в приготовлении ритуальных блюд, в бытовании отдельных обрядовых действий, например «косокращения». Старинные девичники, продолжавшиеся неделями, поездки на кладбище с приглашением покойных родителей на «сиротскую свадьбу» и многое другое практически исчезли [Архив РАН, л. 15].

Тем не менее, в материалах М.К. Азадовского находим и причитания невесты, и песни, обращенные последовательно ко всем членам семьи, и величание всех участников обряда: *«Уж вы, улицы, метитесь»*, *«Уж вы дайте путь-дороженьку»*, *«Красно солнышко на восходе»*, *«Петухи вы ранни певчие»*, *«Вы сборы, вы сборы невестины»* и другие. Давая характеристику свадебного репертуара, ученый подчеркивал, что песни, являющиеся вариантами родственного забайкальского фольклора, поражают своей художественностью и глубиной чувства.

В сватовстве участвовали родители юноши и девушки, сваты, иногда сам будущий жених. Центральной фигурой была сваха: «*Пришла я к вам, сватушко, просвататца з добрым делом, вашу дочку за своего сынка. Подумайте да роднитца будем*» [Архив РАН, л. 15]. Когда родители давали согласие, накрывали стол с выпивкой от той и другой стороны. Если молодые люди не были знакомы, устраивались смотрины. Нередкими были случаи, когда решение принималось главой семьи единолично: «*Запрягаю я лошадь, а он [сын] дома, работат. Не знат ишо, каку ему невесту сватать буду. Я то уш по породе поишшу*» [Архив РАН, л. 6]. В казачьей среде женить сына старались до выхода на службу, чтобы в семье оставалась лишняя работница.

Обряд «*зарученья*» являлся своеобразным закреплением договора о браке. Иногда жених и невеста обменивались кольцами и подарками при зажженных свечах, с молитвой, сопровождая все действия с носовым платком: один конец платка держал отец, другой – мать, третий и четвертый – молодые. За «*зарученьем*» следовал «*девишник*», участников которого созывали «*зваты*» – подружки невесты, а на свадьбу гостей приглашал мальчик верхом на коне. Данный обычай можно отметить как сословно окрашенный элемент казачьей культуры.

Комплекс обрядов, посвященных прощанию невесты с прежней жизнью, родителями и отчим домом, длился от нескольких дней до нескольких недель, необходимых для приготовления к свадьбе. Приданое помогали готовить подруги. Одним из значимых эпизодов девичника было ритуальное мытье невесты в бане, которое обычно совершалось в субботу. Сопровождая подругу в баню, девушки пели:

*Уж вы, улицы, метитесь,
Переулочки, скребитесь,
Городами становитесь,
Городами с пригородышами,
Теремами с притеремышами.
Хоробер едет жених-господин,
На добром на батюшковом коне...* [Архив РАН, л. 28].

Песни следующего эпизода девичника – расплетания косы и «*раздавания красоты*» – имели печальную тональность. Присутствующие, которых приглашали соответствующими песнями, поочередно участвовали в этом действе. Затем так же выкликалась мать и другие родственники. Когда коса была расплетена, невеста раздавала ленты подругам.

В день венчания в доме жениха готовился свадебный поезд. Каждый из поезжан имел свои обязанности. Главная роль принадлежала «обручнику», или дружке. Он руководил свадебным поездом, а затем – свадебным застольем. Кроме того в его обязанности входило отправление магических действий, носивших осторожный характер, а также выкуп девичьей косы. Лишь после этого жених со свитой получал невесту и отправлялся в церковь.

После венчания новобрачную «*окручивали*»: сваха заплетала ей волосы в две косы и повязывала голову платком. Затем начинался свадебный пир, так называемые «*хмельные столы*». На следующий день застолье продолжалось («*похмельные столы*»). Как правило, завершалась свадьба скромным «*чаевым столом*». Песни, звучавшие в доме жениха, по эмоциональному настрою были противоположны печальным песням, исполнявшимся в доме невесты. Здесь царил приподнятая праздничная атмосфера. Все восхваляли молодого:

*То сидит наш князь молодой,
Светит над ним Матерь Божья,
Батюшкино благословение,
Матушкина молитва свята* [Архив РАН, л. 28].

Экспедиционные материалы свидетельствуют о том, что свадебная обрядность старожилов Приамурья и в начале XX века отличалась свойственной севернорусской традиции «прощальной» направленностью стержневых ритуалов и соотнесенностью главных элементов обряда с территорией жениха [Этнография..., 1987, с. 405]. Записи М.К. Азадовского позволили Г.Г. Ермак, изучавшей семейный быт уссурийских казаков, говорить о последующем сохранении приамурских традиций в фольклоре старожилов-уссурийцев [Ермак, 2004, с. 81].

Большую ценность представляет информация М.К. Азадовского о такой своеобразной сфере семейной обрядности, как похоронно-поминальная. О бытовании причитаний сообщали многие наблюдатели, однако плачей, по сравнению с другими жанрами, в собраниях фольклористов немного, так как осуществлять запись в момент отправления обряда затруднительно по причинам этического порядка. К сожалению, среди утраченных материалов М.К. Азадовского были и тексты причитаний. Единственный сохранившийся образец, записанный на фонограф, был передан исследователем в Славянский отдел библиотеки Академии наук. По просьбе собирателя казачка Шестакова с хутора Кукелевского

Михайло-Семеновской станицы Амурской области воспроизвела слышанный ранее от соседки плач по малолетнему сыну:

*Уж как же эта беда случилася,
Уж ты, милой мой сыночек,
Уж я думала, ты будешь мне заменочка,
Уж я думала, ты будешь мне покликаночка,
Уж я думала, ты будешь мне порастушечка,
Уж я думала, ты будешь мне посылочка,
Уж я думала, ты будешь мне помочушка...*

[Русский семейно-обрядовый фольклор..., 2002, с. 365].

Исполнительница оценила прежде всего поэтический дар вопленицы: *«Так причитывала, что я и не слыхивала. Чего только не перебрала – и все так складно было»*. В связи с этим собиратель неоднократно и от других лиц, как на Амуре, так и на Лене» [Русский семейно-обрядовый фольклор..., 2002, с. 323]. Впервые текст был опубликован в сборнике «Ленские причитания» в 1922 году и благодаря этому вошел в научный оборот.

Среди сохранившихся материалов М.К. Азадовского специального внимания заслуживает историческая песня, посвященная второму сплаву по Амуру войск и грузов, когда небольшому отряду казаков во главе с есаулом П.П. Пузино удалось предотвратить высадку английского десанта в заливе Де-Кастри. Осенью 1855 года корабли англо-французской эскадры совершили нападение на Де-Кастри и Аян, но атаки были успешно отбиты, что и послужило основанием для рождения соответствующего героико-эпического сюжета. По данным военных историков, эта неудача стала темой оживленных прений в английском и французском парламентах. Особенно были обескуражены англичане, считавшие себя лучшими моряками в мире. Резким нападкам подверглось поведение адмирала Стерлинга и командора Эллиота, не сумевших объективно оценить возможности защитников Де-Кастри. Героико-эпический образ командира Амурского пешего казачьего полубатальона П.П. Пузино был создан в строгом соответствии с требованиями жанра:

*Перед зводом-то отец,
Пузинов наш молодец...*
[Азадовский, 1916, с. 170].

«Песнь о переселении...» называлась «амурской» и часто исполнялась пожилыми казаками за работой или на гулянье. Скорее всего, «казачья эпопея» (определение М.К. Азадовского) создавалась

поэтапно, возможно, даже разными авторами. Некоторые эпизоды явно представляют собой поздние вставки и не соответствуют историческим фактам, например, упоминание о «взятии» Айгуня:

*Муравьева дожидали
И трактату получали,
Мы трактату получали,
Айгунь город-то мы взяли...*
[Азадовский, 1916, с. 167].

По-видимому, эти строки родились под влиянием представлений новейшего времени об участии казаков в последующих победоносных военных походах. Можно утверждать, что это произведение – один из последних образцов русской исторической песни.

С сожалением приходится признавать, что восточные регионы России рассматривались в прошлом и нередко рассматриваются до сих пор исключительно как колонизируемая окраина, культурное пространство которой не может иметь самостоятельной ценности. Такое отношение можно видеть и в научном сообществе, в частности, среди фольклористов, готовивших четырехтомное издание исторических песен. В завершающем томе, по мнению его составителей, «представлены все основные сюжеты, связанные с различными событиями русской истории первой половины XIX века» [Исторические песни..., 1973, с. 5], однако в раздел, посвященный Восточной кампании, «Песнь о переселении на Амур» не была включена.

Необрядовый репертуар в материалах М.К. Азадовского был представлен разнообразием песенной лирики. В 1913 году он записал около 100 исторических, разбойничьих, военных песен и более 200 собственно лирических – «проголосных», плясовых, игровых. Тексты большинства из них не сохранились, но список, составленный по первым песенным строкам, дает представление о жанровом составе необрядовой лирики. Можно заметить, что молодежные хороводы-«игранчики», генетически связанные с сибирской традицией, имели в Приамурье особенное распространение. Это наблюдение впоследствии подтвердил Л.Е. Элиасов, руководитель фольклорной экспедиции 1968 года: «В Сибири, пожалуй, нет ни одного района, где бы бытовало столько песен этого жанра» [Элиасов, 1970, с. 362].

В записях М.К. Азадовского находим и тексты заговоров. Этот речитативный жанр мало представлен в материалах дальневосточных фольклористов в силу особой закрытости сферы его бытования. Ученому удалось зафиксировать достаточно широкую область

использования заговорных формул. В начале XX века самый большой удельный вес приходился на «медицинские» заговоры: от лихорадки, от грудных болезней, от младенческого испуга, от «хомута» (болезни мочевых и половых органов), для остановки кровотечения. Последнее было весьма актуально для воинского сословия, которому сопутствовали ранения в ходе боевых действий. По этой причине широкое распространение получили простейшие заговорные формулы, имевшие древнее происхождение и не требовавшие специальных знаний. Один из таких заговоров был записан М.К. Азадовским в станице Михайло-Семеновской. *«Ездит царь стар, под им конь карь, по жылам кроф стань, на пол ни капь. (При этом нужно плюнуть в кровь)»* [Азадовский, 1914а, с. 7]. Большой интерес вызывают заговоры, возникшие непосредственно в казачьей среде и предназначенные для предохранения воина от ранения и для защиты его оружия от порчи (примечательно, что речь идет преимущественно об огнестрельном оружии). Это свидетельствует о продуктивности жанра, о его способности откликаться на новые реалии.

Вполне традиционными надо считать хозяйственные заговоры, в частности, от причинения вреда посевам и от болезней скота. В данной сфере наблюдается прямая связь с крестьянской культурой. В начале большинства заговоров находим преамбулу, обычно используемую знахарями как свидетельство их принадлежности к православной вере: *«Стану я, раб божий..., благословясь, пойду, перекрестясь...»* Наряду с этим встречаем устойчивые формулы, восходящие к дохристианским верованиям; это, в частности, зачины так называемых «присушек» и «отсушек». Один из текстов прямо увязан с восточным регионом: *«Как у реки Омуру...»* [Азадовский, 1914а, с. 6]. Зачин другого заговора указывает на то, что языческий характер действий ясно осознавался пользователями: *«Стану не благословясь, пойду не перекрестясь...»* [Азадовский, 1914а, с. 6]. Подобная информация, полученная из достоверного источника, дает объективное представление о повседневной жизни дальневосточников в начале XX столетия.

Характеризуя научное наследие М.К. Азадовского, нельзя обойти его собрание частушек. Более 500 текстов хранятся в архиве Института русской литературы в Санкт-Петербурге. Эти материалы убедительно свидетельствуют о том, что дальневосточная традиция обладает определенной самостоятельностью по отношению к европейской и в то же время, являясь ее естественным продолжением, имеет много общих с ней черт. Записи М.К. Азадовского подтверждают мнение тех ученых, которые являются сторонниками теории позднего формирования жанра частушки. Новая песенная форма была

востребована временем, ее появление было подготовлено всем ходом предшествующего развития русского фольклора, который с XIX века находился в тесном взаимодействии с литературным творчеством профессионалов, что вызвало резкие изменения внутри ранее стабильной поэтической системы народной песенности. Этот процесс Б.Н. Путилов назвал «перерывом постепенности в фольклоре», который, по мнению ученого, «обозначает исторические рубежи в его развитии и, очевидно, связан с перерывами постепенности в истории этносов, с коренными переменами в социальной, бытовой, культурной жизни и в сознании коллектива» [Путилов, 1976, с. 190].

Исследования С.Г. Лазутина убедительно показали, что характерная для частушки форма четверостишия родилась не сразу; ее становлению предшествовало бытование аморфных многострочников, генетически связанных с долгой песней. В европейской части страны этот процесс проходил в середине XIX века [Лазутин, 1960]. Именно в то время началось целенаправленное освоение Приамурья, которое сопровождалось «перерывом постепенности» в естественном течении культурных процессов. В результате в начале XX века на восточной окраине империи М.К. Азадовский зафиксировал явления, ставшие историей для территории метрополии. В коллекции собирателя наряду с классическим катреном находим трех-, пяти- и даже семистрочные куплеты. Однако, по-видимому, нечетное число строк в строфе уже воспринималось как некий художественный изъян, поэтому исполнители растягивали тексты путем повтора одной из строк:

*Сонцо закатаетца,
Мать с отцом ругаетца.
Не ругайся, мать с отцом,
Не расстанусь с молодыцом,
Не расстанусь с молодыцом,
Обручилась с ним кольцом*
[Фетисова, 1982, л. 104].

По словам наблюдателя, название «частушка» на Амуре практически не встречалось, монострофические песни-припевки там чаще всего называли «пароходными прибаутками» [Азадовский, 1913], что было связано с особым значением для края пароходного сообщения:

*Пароходы зимовали,
С парохотским зналася,
Пароходы убежали,
Сиротой осталася...* [Фетисова, 1982, л. 103]

Собранные М.К. Азадовским частушки уже в наши дни дали возможность воссоздать историю распространения этого жанра на юге Дальнего Востока России и показать специфику региональной частушечной традиции [Фетисова, 1982].

Таким образом, анализ экспедиционных записей М.К. Азадовского показал правомерность тезиса, что именно этот ученый положил начало серьезным исследованиям русского фольклора южной части российского Дальнего Востока. Его материалы и наблюдения, а также последующие публикации свидетельствуют о том, что к началу XX века в Приамурье сложилась своеобразная устно-поэтическая традиция, не только впитавшая материнский фольклор первопоселенцев, но и получившая дальнейшее развитие на основе местных реалий. Данное положение наиболее убедительно подтверждается, во-первых, наличием разных вариантов исторической песни о защите залива Де-Кастри от англо-французской эскадры в 1855 году, и, во-вторых, оригинальностью текстов амурских частушек. Утрата значительной части коллекции М.К. Азадовского, несомненно, является невосполнимой потерей для науки, но и сохранившиеся материалы по-прежнему остаются важнейшим источником, позволяющим оценить самобытность фольклорной культуры региона, а также осознать ее значение для стабилизации общественных и семейных отношений на далекой окраине в начальный период ее освоения.

Литература

- Азадовский М.К. Амурская «частушка» // Приамурье. Хабаровск, 1913.
Азадовский М.К. Заговоры амурских казаков // Живая старина. Петроград, 1914а. Вып. 3–4.
Азадовский М.К. Отчет о поездке по Амуру // Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Петроград, 1914б.
Азадовский М.К. Песнь о переселении на Амур // Сиб. архив. Минусинск, 1916. № 3–4.
Андреев Г.А. История культурной жизни городов юга Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX века). Владивосток, 2014.
Ермак Г.Г. Семейный и хозяйственный быт казаков юга Дальнего Востока России. Вторая половина XIX – начало XX века. Владивосток, 2004.
Жирмунский В.М. М.К. Азадовский: биографический очерк // Азадовский М.К. История русской фольклористики. М., 1958. Т. 1.
Исторические песни XIX века. Л., 1973.
Кирпикова Л.В. Лингвистическое источниковедение Приамурья. Марк Азадовский // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. Благовещенск. 2010. Вып. 8.
Красноштанов С.И. Амурская экспедиция М.К. Азадовского // Вопросы русской, советской и зарубежной литературы. Хабаровск, 1972. Т. 1.

Лазутин С.Г. Русская частушка: вопросы происхождения и формирования жанра. Воронеж, 1960.

Путилов Б.Н. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. Л., 1976.

Русский семейно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока. Свадебная поэзия. Похоронная причетъ. Новосибирск, 2002.

Фетисова Л.Е. Дальневосточная частушка и некоторые проблемы истории и поэтики жанра. Владивосток, 1982.

Элиасов Л.Е. Амурский фольклор. Благовещенск, 1970.

Этнография восточных славян: Историко-этнографические очерки. М., 1987.

Источники

Архив РАН (СПб.). Ф. 9. Оп. 1. Д. 993.

ЛИ ЦИНЧЖАО: ПОЭЗИЯ И ГЕНДЕР В СРЕДНЕВЕКОВОМ КИТАЕ

Ю.Г. Смертин

Ключевые слова: Китай; эпоха Сун, поэзия-цы, Ли Цинчжао, лирика, гендер.

Keywords: China, Song era, Ci-poetry, Li Qindzhao, lyrics, gender.

Ли Цинчжао (1084–ок.1155) является единственной женщиной-поэтом, известной всем почитателям традиционной китайской поэзии. В императорском Китае были и другие поэтессы, но их творчество известно только узкому кругу специалистов, а лирические стихи Ли Цинчжао высоко ценились при ее жизни и цитируются до сих пор.

Поэтическое творчество Ли Цинчжао невозможно изучать в отрыве от исторического, социального и культурного контекста эпохи. Но прежде нужно сказать о месте поэзии в духовной жизни китайского общества. В классической поэзии Китая сосредоточивались и философия, и этика, и политика, и многое другое; она была фокусом культуры. Поэты были мыслящим слоем общества, или, точнее, этот слой состоял из поэтов разной степени одаренности. Это было связано не только с тем, что стихосложение входило в государственный экзамен для занятия чиновничьей должности, но и с общим для китайских интеллектуалов всех времен поэтическим восприятием природы и человека как части

космического бытия. В Китае было принято считать, что моральные качества поэта заключены в его стихах. Отсюда феноменальная общественная значимость стихотворца, воспринимавшегося как олицетворенная совесть нации, и удивительная популярность классической поэзии, многообразие ее функций. Перефразируя слова Е. Евтушенко, можно сказать, что поэт в Китае – больше, чем поэт.

Китайская поэзия – это прежде всего стихотворчество в жанре *ши*, который был призван отображать высокие помыслы и добродетельные черты идеальной конфуцианской личности. Традиционно считалось, что у истоков этого жанра стоял сам Конфуций, поэтому поэзия-*ши* была престижной сферой духовной жизни общества.

Здесь следует пояснить, что понимали под поэзией Конфуций и его последователи. Для западной традиции поэтический текст неотделим от автора, его мировоззрения, психического склада, жизненного опыта и, конечно, его эмоций. Все это делает поэтическое творчество личностным, интимным актом. Не так в конфуцианской традиции, где поэзия предназначалась для пропаганды морально-этической доктрины, исправления общественных пороков и поучения властей. Такое важное дело нельзя было вверять рефлексирующей, чувственной личности, пытающейся выразить в стихах свой внутренний мир. Благородный муж должен быть постоянно сдержан и, согласно ритуалу-*ли*, идти «серединным путем». Это означало на практике подавление эмоций, главная опасность которых состояла в том, что они не были подконтрольны рассудку и относились к области животных инстинктов человека. Исследуя эту проблему, М.Е. Кравцова приходит к выводу, что поэзия-*ши* в том виде, в каком она осмысливалась конфуцианской доктриной, была лишена индивидуального начала [Кравцова, 2004, с. 328–329]. Высокая цель стихотворного послания миру определяла и его облик; *ши* – это немногословное стихотворение со строго установленной формой (оно состоит из строк одной длины в 5 или 7 иероглифов).

Но в эпоху Тан (618–907) возник новый жанр классической поэзии – *цы*. Это было связано с возросшим интересом к человеческой личности и ее интимным переживаниям, эмоциональным порывам. Господствующим оставалось конфуцианское отношение к любви и ее проявлениям: эта сфера жизни не заслуживала внимания образованного человека, а тем более поэтического воспевания, поскольку рассматривалась как удовлетворение естественных потребностей. В «Ли цзи» («Записках

о ритуалах») сказано: «Утоление жажды, принятие пищи, чувства между мужчиной и женщиной – в этом проявляются главные желания людей» [Ли цзи, URL]. Однако определенный кризис конфуцианской морали в позднетанский период привел к появлению у части городского общества убеждения в том, что стремление к личному счастью, любовным переживаниям – законное и уважаемое право человека. В поэзии это нашло отражение в новом жанре – песенной лирике, или *цы*. Поначалу это были любовные стихи, написанные на определенную мелодию для песенного исполнения под аккомпанемент музыкальных инструментов. Число иероглифов в строке, количество строк, ритм произведения зависели от музыкальной мелодии. Таких классических мелодий, послуживших основой для создания *цы*, насчитывается более шестисот. Композиции *цы* исполнялись в основном на банкетах с участием женщин, и поэтому песенная лирика ассоциировалась с женщинами-развлекательницами и женским голосом [Women Writers..., 1999, p. 13]. Постепенно *цы* становились все более популярными, и в X веке, после распада Танской империи (в период Пяти династий, 907–960) многие поэты обращаются к новому жанру и превращают его в самостоятельный вид художественного творчества.

Большинство *цы* состоят из двух или более частей (строф). В отличие от *ши*, в *цы* каждая строфа несет самостоятельную смысловую нагрузку и может выступать по законченности мысли в качестве отдельного стихотворения. *Цы*, как правило, рифмуются, и это придает им особую выразительность и музыкальность. В некоторых случаях стихи-*цы* могут иметь название, выражающее некоторую идею содержания. Такие названия могли быть даны самими поэтами или позднее добавлены комментаторами. *Цы* могут и не иметь названия. И еще одна особенность этой поэзии: в каждом *цы* непременно присутствует его создатель, т. е. автор. Он активный участник всего того, о чем повествует, причем повествование, за редким исключением, ведется от первого лица. Многие великие поэты танского Китая – Ли Бо, Бо Цзюйи и другие – пробовали кисть в жанре *цы*.

В следующую эпоху, Сун, (960–1279) в Китае происходит полное обновление интеллектуальной жизни, что во многом было связано с социальными и экономическими переменами, и, прежде всего, с увеличением числа состоятельных семей и ростом городов. Сунская эпоха, возможно, лучше, чем другие, демонстрирует тесную связь между искусством и литературой, с одной стороны, и

социальной обстановкой, с другой. Ранее танская аристократия основным своим занятием считала военное дело, а свободное время проводила в азартных, динамичных занятиях – игре в конное поло, верховой езде, охоте. Правящий класс эпохи Сун состоял из богатых и образованных семей, живших в городах на доходы от поместий. Эти люди презирали физические усилия и соответствующие им занятия и развлечения. Высшие слои привлекали интеллектуальные, созерцательные стороны искусства и литературы. С сунского времени и на многие века вперед занятием образованных кругов были высокая литература, живопись, каллиграфия, коллекционирование книг и произведений искусства, конструирование садов и т.п.

Разумеется, все эти глубокие перемены в обществе и его сознании не могли не отразиться на поэтическом творчестве. Поэтические темы и образы остались в основном прежними: встречи и расставания друзей, служба в чужом краю, размышления о быстротечности жизни, природа в ее сезонном круговороте. А вот в жанровом отношении появляется большее разнообразие, в основном за счет жанра *цы*, который становится самостоятельным и важным видом художественного творчества. Сунские поэты смело разрушили границы *цы*, они увидели в нем форму, подходящую не только для высказывания интимных чувств, но и для выражения глубоких философских идей.

Создание стихов в сунский период, как, впрочем, и ранее, было занятием образованных мужчин, рассматривавших свое творчество как средство воздействия на правителей и равных себе. Считалось, что женщины, создания более эмоциональные, неизбежно портили поэзию излишней чувственностью и снижали ее назидательный уровень. Однако Ли Цинчжао своим творчеством сумела занять собственное место в мужской литературной традиции. Ее лирика связана с традиционными темами китайской поэзии – любовью, грустью, ностальгией и одиночеством, но она раскрывает их с необычайной тонкостью и удивительной глубиной.

Ли Цинчжао, известная также под псевдонимом Иань Цзюйши, родилась в 1084 году в городе Миншуй (ныне Чжанцюй, пров. Шаньдун) в семье крупного чиновника. Ее отец, Ли Гэфэй, был членом Императорской Академии, известным писателем, входил во влиятельный литературный кружок, возглавлявшийся великим поэтом Су Ши (1036–1101). Мать происходила из знатной семьи и тоже не была чужда литературному творчеству. Она рано

умерла, но Цинчжао была окружена заботой и любовью отца, бабушки, двух дядей и их жен.

В те времена девушки не получали систематического образования, их ограждали от чтения книг, дабы не отвлекать от процесса воспитания женских добродетелей. Но юной Цинчжао позволялось много читать, изучать историю, заниматься каллиграфией, живописью, музыкой, и она получила прекрасное домашнее образование. Ее знания были настолько глубокими, что отец говаривал: «Если бы моя дочь была мальчиком, она легко бы сдала государственный экзамен на чиновничью должность» [Li Qingzhao: Beauty of Sorrow, URL]. Аналитический ум сочетался у нее с романтическим отношением к жизни. Она любила бродить по окрестностям города, наблюдая за вечно изменяющейся природой, а свои ощущения доверяла стихам, по-девичьи наивным, но уже талантливым. Когда Ли Цинчжао было 15 лет, она отправилась вместе с отцом в столицу Бяньцзин (ныне Кайфэн), где познакомилась с учеными и литераторами отцовского кружка. Под влиянием этих выдающихся людей она начала писать «взрослые» стихи, и вскоре приобрела репутацию оригинального и искреннего поэта.

Счастливое воспоминание

Спустившись вниз с моста,

Она поглаживает томно свои руки.

Тонкое платье напитано легкой испариной –

Так нежный цветок дрожит от упавшей росы.

Следя украдкой за незнакомцем, смущается.

Ведь на ногах ее одни носки,

И шпилька золотая потерялась.

Вот, наконец, и дом, к воротам прислонившись,

Она вновь смотрит незнакомцу вслед

И фыркает, как будто сливу кислую разгрызла

[Wang, 1989, p. 3] (здесь и далее перевод автора. –

Ю.С.).

В 18 лет Ли Цинчжао вышла замуж за Чжао Минчэна (1081–1129), сына министра и ученика Императорской Академии. Брак, как это было принято, организовали родители жениха и невесты, однако молодые были счастливы. Чжао Минчэн был страстным собирателем антиквариата, древних книг, каллиграфических свитков, старинной бронзы и других предметов искусства [Духовная культура Китая, 2008, с. 333]. Этим увлеклась и Ли

Цинчжао. Позже она вспоминала: «Через два года после свадьбы он (Чжао Минчэн) получил должность, но мы жили на рисе и овощах и одевались в простые одежды. <...> Все жалование он тратил на научные исследования <...> Он отправлялся в самые отдаленные места, по бездорожью, дабы удовлетворить свой интерес к древним текстам и необычным рукописным шрифтам. <...> Когда он покупал каллиграфические и живописные свитки, кубок или треножник, мы неторопливо и детально все это изучали, подмечая малейшие повреждения. Так продолжалось до тех пор, пока не догорала последняя свеча» [Li Qingzhao's Epilogue..., 1996, p. 592]. По отзывам современников, супруги собрали одну из самых значительных частных коллекций китайских артефактов того времени. Общей была и любовь к поэзии, они наслаждались древними шедеврами, устраивали поэтические состязания, соревнуясь в умении слагать экспромтом стихи на заданные рифмы. В своих воспоминаниях Ли описывает эти интеллектуальные игры и сопутствующую им атмосферу: «Всякий раз в случае выигрыша я поднимала чашку с чаем и смеялась так сильно, что чай проливался мне на колени <...> Я была рада стареть в таком мире» [Li Qingzhao's Epilogue..., 1996, p. 592–593].

Стихи-цы Ли Цинчжао становятся спокойнее и утонченнее, от них веет ощущением супружеского счастья и умиротворения. Но огорчали частые отъезды мужа по служебным делам. Считается, что после одного из расставаний она написала свое известное стихотворение.

Одиночество

*Дождь подгоняет опадающие лепестки,
Весна уже уходит...
Люблю я эту пору,
Но в сердце поселилась боль.
Печальных мыслей рой покоя не дает,
И в спальне только одиночество меня встречает.*

*Никак я не могу унынье побороть.
Хожу по балюстраде, вдаль смотрю –
Где он, единственный, что дорог мне навеки?
Но не видать дороги, по которой он придет.
Высокая трава простерлась до небес
[Wang, 1989, p. 95].*

Ли Цинчжао, по отзывам современников, была красивой женщиной, осознававшей собственное обаяние. Часто она

сравнивает себя с тем или иным цветком, а описанные ей красоты поздней весны становятся символом ее собственной уходящей красоты, ждущей признания любимого мужа.

Цветы магнолии

У продавца цветов купила

Весны знамение – едва раскрывшееся чудо,

Обрызганное сплошь слезинками,

Хранящее еще следы

Рассветных облаков и утренней росы.

Чтобы любимый не подумал

Что я не так прекрасна, как цветок

Его наискосок вставляю в облако своих волос

И спрашиваю, кто из нас красивее –

Цветок или я? [Wang, 1989. p. 27]

Однако счастливые дни вскоре закончились, во многом из-за обострения политических разногласий между отцом Ли Цинчжао и ее тестем Чжао Тинчжи. Этот конфликт имел давнюю историю. В начале правления император Шэньцзун (прав. 1067–1085) решил провести в жизнь реформы, предлагавшиеся ученым и, кстати, видным поэтом Ван Аньши (1021–1086), целью которых было создание сильного государства, которое могло бы противостоять северным «варварам», захватившим часть китайской территории. Так называемые Новые законы предусматривали государственное регулирование торговли, производства, денежного обращения, при этом всячески ущемлялось частное предпринимательство. Крестьянам предоставлялся ряд льгот, а богатые люди впервые облагались налогами. Эту политику на государственном уровне теперь проводил Ван Аньши, назначенный главным министром, а его единомышленники заняли важные посты в правительстве. Радикальные новации затронули все институты общества и вызвали болезненную реакцию значительной его части.

После смерти Шэньцзуна бабушка нового малолетнего монарха, императрица Гао, отменила «Новые законы» и отправила в отставку всех реформаторов. На ключевые должности были назначены консервативные чиновники, в том числе и отец Ли Цинчжао, занявший важный пост заместителя руководителя Ведомства ритуалов. Однако после кончины императрицы Гао в 1093 году новый император Чжэцзун восстановил законы, предложенные Ван Аньши, и подверг гонениям членов консервативной партии. Эта политика продолжалась и в правление императора Хуэйцзуна (прав. 1100–1125).

Примерно через год после свадьбы отцу Ли Цинчжао, как и другим противникам реформ, было запрещено служить в столице, а затем он был и вовсе уволен с государственной службы. В свою очередь, отец мужа Ли Цинчжао быстро продвигался по служебной лестнице [Dictionary of the World Biography..., 1998, p. 588–589]. В 1103 году был издан указ, запрещающий детям опальных чиновников оставаться в столице, и Ли Цинчжао была вынуждена вернуться в Шаньдун, где прожила два года. В этот период она иногда посещала мужа, который занимал высокий пост в столице. Но политическая ситуация и разлад между семьями повлиял, видимо, и на их чувства. Чжао Минчэн был холоден во время нечастых визитов, а затем и после, когда указ был отменен, и Ли Цинчжао вернулась в столицу. О ревности не могло быть и речи, поскольку проявление такого низкого чувства было нарушением гендерной роли и могло послужить поводом для развода. Но боль доверялась стихам.

В 1107 году политическая ситуация вновь изменилась. Семья Чжао Тинчжи попала в опалу и, как следствие, Чжао Минчэна уволили с должности, и он был вынужден покинуть столицу. Супруги поселились в городе Цинчжоу (провинция Шаньдун), где прожили следующие 10 лет. Спокойная, хотя и скромная жизнь вновь сблизила их и оживила взаимные чувства. Каждый день после обеда они вместе читали или забавлялись придуманными играми, соревнуясь в способностях цитировать наизусть классические тексты [Biographical Dictionary..., 2014, p. 217]. В это время Ли Цинчжао написала эссе «Наброски о цы» («*Лунь цы*»), которое считается шедевром литературной критики. В нем она определяет разницу между жанрами *цы* и *ши*. Главное отличие, по ее мнению, состоит в том, что *ши* выражает волю, а *цы* передает чувства. В первой части этого утверждения Ли обращается к известной формуле «*ши янь чжи*» («стихи говорят о воле»), авторство которой приписывается одному из легендарных первоуправителей Поднебесной империи Шуню. Вторая же часть впервые в китайской литературной критике прямо говорит о смысле поэзии-*цы*. Ли комментирует и иногда весьма критично оценивает творчество своих предшественников в этом лирическом жанре, что выглядело весьма смело со стороны женщины. Она критиковала известных поэтов – Ли Юна (984–1053), Оуян Сю (1007–1072) и Су Ши за то, что их *цы*, «хотя и записаны строками разной длины, часто не гармонируют с мелодией» [Hetherington]. В 1117 году политическое соперничество между двумя конфликтующими фракциями утихло, но для Ли Цинчжао начался тяжелый период в жизни: муж вновь охладил к ней, к тому же и оставил ее,

отправившись на новое место назначения. Следующее стихотворение, видимо, написано перед отъездом Чжао Минчэна, и в нем она выражает что-то более глубокое и мучительное, чем просто горечь расставания.

Отчаяние (На мелодию «Осенняя печаль»)

*Ищу, разыскиваю,
 Разыскиваю, вновь ищу.
 Но результат один –
 Тоска, печаль
 И боль не проходящая!
 Всегда, как только ты почувствуешь тепло,
 Вновь холодом обдаст невыносимым.
 Такое время трудное пришло.
 Вина безвкусного здесь не помогут две-три чаши –
 Вечерний сильный ветер их преодолеет.
 Я слышу крик гусей – воспоминанья прошлого несут
 они на крыльях...
 И вдруг становится мне совершенно ясно,
 Что раньше я уже встречалась с ними.
 Златые хризантемы начинают отцветать,
 Их падающие лепестки подхватывает ветер.
 Кто соберет их? И лежат они печально,
 Увявшие и никому не нужные уже.
 А мне лишь остается у окна стоять
 Как долгод этот день, когда же сумерки наступят?!
 Листы магнолии дрожат под дождиком вечерним:
 Кап-кап, кап-кап – доносится из полумрака.
 Чтоб передать всю грусть мою
 От этой сцены,
 Не надо много слов. Оно одно – печаль
 [Wang, 1989, p. 109].*

Впереди были совсем тяжелые времена. В 1127 году племена чжурчжэней, пришедших с северо-востока, захватили столицу, император попал в плен, а на завоеванных землях Северного и Центрального Китая было создано чжурчжэньское государство Цзинь. Двор, аристократия, большинство чиновников ушли на юг, за Янцзы, где династия была воссоздана, и образовалось государство со столицей в Линьане (ныне Ханчжоу), получившее в истории название Южно-Сунская империя. Оно было вынуждено ежегодно выплачивать тяжелую дань варварам.

Ли Цинчжао вместе с мужем отправилась на юг. Пришлось оставить большую часть коллекции, в первую очередь тяжелые и громоздкие предметы искусства, и взять только самые ценные книги, которые поместились на 15 возов. За время тяжелого путешествия многое было утеряно. Жизнь в чужом краю налаживалась с трудом. Муж получил назначение на скромную должность в столице, но вскоре был вынужден оставить ее. Супруги переселились в Чиян. Летом 1129 года южносунский император призвал Чжао Минчэна для личной аудиенции перед назначением на ответственный пост в Хучжоу. Вскоре Ли Цинчжао получила письмо, в котором муж сообщал, что тяжело заболел. Ли поспешила увидеться с ним, 160 км она проплыла на нанятой лодке и застала мужа уже на смертном одре [Hansen, Curtis, 2010, p. 334].

Кончается весна

Стих ветер наконец,

Цветы уже увяли,

И лишь в грязи

Остался аромат опавших лепестков.

Сгустились сумерки. Нет настроения прическу делать.

Мир неизменен, но потеряно в нем все.

Его уж больше,

И слезы не дают словам прорваться.

Я слышала, что воды Шуанси еще хранят

Дыхание весны.

Как я люблю прогулки по реке

На легкой лодочке.

Но только вот боюсь, что ныне моя лодка

Не сможет выдержать

Такой печали груз [Wang, 1989, p. 117].

Ли Цинчжао осталась совсем одна. Родители давно умерли, детей не было, как и средств к существованию. Всю оставшуюся жизнь она была вынуждена переезжать с места на место в поисках лучшей доли, пока не осела в южносунской столице Ханчжоу. В 1132 году Ли тяжело заболела. В этот критический момент к ней приехал бывший однокашник мужа по Императорской Академии Чжан Жучжоу и предложил выйти за него замуж. Ли было 49 лет, она находилась в беспомощном состоянии, и потому согласилась, что было не в традициях конфуцианской морали, поскольку повторный брак вдовы рассматривался общественным мнением как верх неприличия. В последующие века этот факт биографии отрицался многими

китайскими учеными или расценивался как клевета, но последние изыскания, основанные на письмах и прозе Ли Цинчжао, подтвердили это [Egan, 2014]. Вскоре Ли поняла что новый муж проявлял интерес не к ней, а к ее коллекции антиквариата. Обнаружив, что многое было потеряно или украдено в ходе странствий, он стал попросту игнорировать ее. К тому же Ли выяснила, что Чжан Жучжоу не честно сдал государственный экзамен на чиновничью должность. Движимая чувствами справедливости и обиды, она сообщила об этом властям и подала на развод [Ward, 2008, p. 140]. Это был опрометчивый шаг, так как по сунскому законодательству жена не имела права доносить на мужа, а если такое случалось, ее приговаривали к двум годам тюрьмы. Так Ли Цинчжао оказалась в заточении, которое продлилось, правда, не долго. Ее друг и высокопоставленный чиновник Цы Чунли сумел добиться императорского помилования, и через несколько дней она была освобождена.

Очень мало известно о последних годах жизни Ли Цинчжао, как и времени ее смерти, но принято считать, что она умерла в возрасте 71 года. Стихи, которые она писала в последний период жизни, наполнены воспоминаниями о любимом муже и северной родине.

Праздник фонарей (На мелодию «Радость вечного союза»)

Закатное солнце – как прудик из жидкого золота.

Вечерняя тучка – как чистый нефритовый диск.

И где ты сейчас? О тебе лишь всегда мои мысли.

Далекая флейта выводит мелодию «Падают сливы цветы».

Прекрасна весна, но как долго продлится она?

Тепло и солнечно сегодня, в Праздник фонарей,

Но может это лишь прелюдия

К дождю и ветру?

Друзья старинные по винным развлечениям и стихам

За мной благоуханные кареты присылают,

Но отклоняю все их приглашенья.

Приятны мне воспоминанья о столице старой

Молоденькие девушки, забот не зная,

Так были радостны в тот Праздник фонарей.

У них из перьев зимородка шляпки,

В прически их золотые нити вплетены.

Они соперничали меж собой в очаровании.

Мою прическу нынче раздувает ветер и холодны как лед виски.

Боюсь из дома выходить в весенний вечер.

Уж лучше посижу за ширмой я

И буду слушать смех и разговоры

Идущих мимо молодых людей [Wang, 1989, p. 107].

Поэт Лю Чэньвэн, живший почти через век после Ли Цинчжао, в последние годы сунской династии, также тяжело переживал утрату Северного Китая и страдания народа под игом чжурчжэней. Он написал стихотворение в подражание Ли под названием «На мелодию “Радость вечного союза”». Во вступлении к нему он написал: «Прошло три года с тех пор, как я впервые прочитал стихотворение И Ань на мелодию “Радость вечного союза”, и с тех постоянно перечитываю его. Я написал свое, используя ее рифмы; оно конечно гораздо хуже с точки зрения поэтического языка и стиля. Но оно тем не менее проникнуто печалью даже больше» [Wang, 1989, p. VII]. Это говорит о том, что стихи Ли Цинчжао, особенно написанные в ее последние годы, обладали важным социальным значением и оказывали влияние на общественные настроения.

Ли Цинчжао написала несколько книжек (цзюаней) лирики, объединенных в сборник «*Шуюй цы*». Известный знаток китайской поэзии М. И. Басманов перевел на русский язык это название как «Строфы из граненой яшмы» [Ли Цин-чжао. Строфы..., 1970], что, на наш взгляд, не совсем корректно. Во-первых, китайской традиции обработки камней было несвойственно огранять их, дабы не разрушать их естественный, природный облик. Во-вторых, *шуюй* (漱玉 – промытый, или чистый нефрит) – это название родника, находившегося возле дома Ли Цинчжао в Цзинане (пров. Шаньдун). Вода из него падала на всегда чистый камень, радовавший свежими красками. Говорят, что в молодости она любила умываться этой ключевой водой. Родник существует и сегодня, привлекая многочисленных туристов [Best Chinese Poetess..., URL]. Точнее можно перевести название сборника как «Стихи из источника чистого нефрита».

В сборнике содержится большинство стихотворений, написанных в северосунский и южносунский периоды ее творчества. Но до нас дошли около 80 стихотворений, из которых 43 с уверенностью приписываются Ли Цинчжао [Wang, 1989, p. XII], а остальные в течение нескольких веков являются предметом споров относительно авторства. Р.Иган, разрушивший многие мифы относительно жизни и творчества Ли Цинчжао, провел тщательный анализ стихов поэтессы и пришел к выводу, что только для 36 цы достаточно надежно можно установить ее авторство [Egan, 2014,

р. 96–97]. Но все согласны, что даже это малое количество наилучшим образом выражает ее поэтический гений.

Несомненным вкладом Ли Цинчжао в развитие китайской поэзии стало создание собственного стиля («стиля Иань»), отличающегося сдержанностью и элегантностью и оказавшего глубокое влияние на многих современных ей и более поздних известных поэтов. Заслугой Ли считается внедрение в высокую поэзию разговорного языка. Ее предшественники и современники часто использовали в стихах витиеватые выражения, обращения к историческому прецеденту, сложные параллелизмы, аллюзии и прочие приемы, характерные для классической поэзии. Своим творчеством она облагородила повседневную разговорную речь, сделав ее частью высокой литературы.

Ли Цинчжао ценится на родине за гражданскую лирику, наполненную любовью к большой и малой родине; эти стихи были популярны среди патриотически настроенных людей всех следующих поколений. Она своими стихами и всей жизнью бросила вызов освященной традицией гендерным отношениям, не позволявшим женщине, тем более из высших слоев, открыто заявлять о своих интимных чувствах и мыслях. Ли Цинчжао писала о своих переживаниях, но они имели универсальный характер. Поэт не вторгается собственной персоной в изображаемую сцену; место субъекта в ней свободно, и легко может быть занято читателем.

Современные китайцы хорошо знают творчество Ли Цинчжао, ее имя стоит в одном ряду с такими гениальными поэтами как Ли Бо, Ду Фу, Бо Цзюйи. В г. Цзюйши (провинция Сычуань) никогда не пустует посвященный ей мемориальный зал. Получила она и международное признание. Многочисленные переводы ее произведений на иностранные языки познакомили мир с духовным универсумом средневекового Китая, оказавшегося уникальным, но все же понятным для современных людей феноменом.

Литература

- Духовная культура Китая: энциклопедия. Литература и письменность. М., 2008. Т. 3.
 Кравцова М.Е. История искусства Китая. СПб., 2004.
 Biographical Dictionary of Chinese Women. N. Y., 2014.
 Dictionary of the World Biography: the Middle Ages. Vol. 2. N. Y., 1998.
 Egan R. The Burden of Female Talent: the Poet Li Qingzhao and Her History in China. Cambridge, 2014.
 Hansen V., Curtis K.R. Voyages in World History. Vol. 1. To 1600. Boston, 2010.
 Netherington W. Comprehensive Exams – Major Field Response (ci lineage from Tang to Qing). [Электронный ресурс]. URL: www.academia.edu

Wang Jaosheng. The Complete Ci-poems of Li Qingzhao: A New English Translation with the Original Texts in Chinese Calligraphy. // Sino-Platonic Papers. Philadelphia, 1989. № 13

Ward J.E. Li Qingzhao. Homage to. [n.p.], 2008.

Women Writers of Traditional China. An Anthology of Poetry and Criticism. Stanford, 1999.

Источники

Ли цзи. [Электронный ресурс]. URL: www.srph.ru

Ли Цин-чжао. Стифы из граненой яшмы. М., 1970.

Best Chinese Poetess: Li Qingzhao. [Электронный ресурс].

URL: www.chinesetolerant.com

Li Qingzhao: Beauty of Sorrow. [Электронный ресурс]. URL: www.womenofchina.cn.

Li Qingzhao's Epilogue to Records on Metal and Stone. N. Y., 1996.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

РУССКИЕ ЭТИКЕТНЫЕ ОБРАЩЕНИЯ С ХРИСТИАНСКОЙ СЕМАТИКОЙ

А.А. Балакай

Ключевые слова: русский речевой этикет, этикетные обращения.

Keywords: Russian speech etiquette, etiquette address forms.

Несмотря на длительную историю изучения, обращения по-прежнему продолжают привлекать внимание исследователей. Суждения ученых о семантике и грамматике обращений существенно разнятся, что в немалой степени обусловлено двойственной природой, внутренней противоречивостью, семантическим синкретизмом, неоднородностью обращений, а также разными подходами к их изучению. В то же время в системе речевого этикета обращения занимают важное место. Они помогают устанавливать и поддерживать речевой контакт с собеседником, регулировать представления о ролевых и статусных позициях коммуникантов, их социальных и личных взаимоотношениях, о ситуации общения в целом. Поскольку единицы речевого этикета употребляются главным образом с целью установления и поддержания вежливых, доброжелательных или официальных отношений между собеседниками, то не всякое обращение можно считать этикетным. Под этикетными обращениями понимаем слова и устойчивые словесные формулы, обладающие синтаксически обусловленными и ситуативно связанными, нередко идиоматичными значениями, узуально употребляемые в общении с целью призыва адресата (собеседника), установления или поддержания с ним речевого контакта в эмоционально положительной (вежливой, доброжелательной) или официальной тональности в соответствии с коммуникативной ситуацией. Выбор и употребление форм обращений

в соответствии с речевой ситуацией является показателем коммуникативной компетентности человека. Выявить закономерности функционирования обращений в речевом общении позволяет коммуникативно-прагматический подход. Он дает представление о социостилистических свойствах обращений, содействует коммуникативной компетенции изучающего язык.

Предметом исследования в настоящей статье является относительно небольшая, малоизученная группа этикетных обращений – обращения с христианской семантикой, которые рассматриваются с точки зрения коммуникативно-прагматического подхода. Изложение и интерпретация языковых фактов опирается на данные толковых, исторических, этимологических словарей, а также словаря русского речевого этикета.

В русском речевом этикете есть слова и устойчивые выражения, прямо или опосредованно связанные с религиозным мировоззрением, которое во многом определяло традиционный обиход и культуру русского народа.

Фразеологизированное обращение *мой ангел* (*ангел мой*) является калькой с французского *mon ange* и первоначально употреблялось в светской речи на французский манер: *Старушки с плачем обнялись, И восклицанья полились. «Княжна, mon ange!» – «Pachette!» – «Алина!» – «Кто б мог подумать?» – «Как давно!» – «Надолго ль?» – «Милая! Кузина!»*¹ (А.С. Пушкин. Евгений Онегин). В православном мировоззрении образ ангела является одним из ключевых, значимых. Согласно христианскому вероучению, ангелы – это сотворенные Богом духовные, бестелесные и бессмертные существа, одаренные волей, совершенным разумом, нравственной чистотой и могуществом. Ангелы могут принимать телесный вид, когда являются людям, чтобы исполнить или возвестить волю Бога. Ангел-хранитель – данный от Бога каждому христианину при крещении ангел, который невидимо охраняет человека от бед и напастей, предостерегает от грехов и направляет на добрые дела. Не случайно обращение *мой ангел* (*ангел мой*) сопровождается неизменно ласковой коннотацией, и употребляется оно преимущественно по отношению к близкому, любимому человеку, равному или младшему по возрасту, положению, чаще к женщине, девушке или ребенку: *Бабушка заговорила трогательным, нежным голосом: «Поди сюда, мой дружок, подойди, мой ангел»* (Л.Н. Толстой. Детство).

¹ Здесь и далее иллюстративный материал приводится по «Словарию русского речевого этикета» [Балакай, 2007].

В некоторых ситуациях обращение *ангел мой* (*мой ангел*) может приобретать ласково-снисходительный или иронический оттенок, теряя при этом прагматический компонент близости, но сохраняя отношения «старший – младшему»: [*Соленый (Тузенбаху):*] *Через двадцать пять лет вас уже не будет на свете, слава богу. Года через два – три вы умрете от кондрашки, или я вспылю и всажу вам пулю в лоб, ангел мой* (А.П. Чехов. Три сестры).

В возвышенной или поэтической речи встречается также этикетная формула «ангел + род. падеж существительного»: [*Хлестаков:*] *Прощайте, Антон Антонович!.. Очень обязан за ваше гостеприимство!.. Прощайте, Анна Андреевна!.. <...> Прощайте, ангел души моей Марья Антоновна!* (Н.В. Гоголь. Ревизор).

Дополнительное субъективно-оценочное значение передается и диминутивными формами: *ангеленок, ангелок, ангелочек, ангелушка, ангельчик*, в областной речи также *ангелюточка*. Например: *Однако же в воображении моем так и засветила ваша улыбочка, ангельчик, ваша добренькая, приветливая улыбочка; и в сердце моем было точно такое ощущение, как тогда, как я поцеловал вас, Варенька, – помните ли, ангельчик?* (Ф.М. Достоевский. Бедные люди).

Обращения *крещеный, крестный, крестовый, христовый* объединяются в одну группу по своей грамматической структуре – довольно многочисленной в русском речевом этикете – обращений в форме субстантивированных прилагательных (как *милый, любимый, золотой, уважаемый, почтенный* и т.п.). Подобные обращения образованы, вероятно, в результате эллипсиса составных (чаще двухкомпонентных) формул вежливого, почтительного или ласкового обращения: *милый человек, уважаемый господин (товарищ, Иван Петрович), почтенный господин, любезный друг* и т.п., в которых прилагательное несет основное оценочное, прагматическое (в данном случае этикетно-комплиментарное) значение. Тем не менее обращение типа *уважаемый* не является вариантом обращения *уважаемый господин (товарищ, Иван Петрович)*. Это разные обращения. У однокомпонентных обращений в форме субстантивированных прилагательных, хоть и сохраняется оттенок вежливости, но степень вежливости по сравнению с многокомпонентной формулой снижается. Однокомпонентные обращения в форме субстантивированных прилагательных относятся в большинстве своем к разговорной речи и просторечию и в зависимости от ситуации могут иметь различные коннотации – от обиходно-бытовой до фамильярной.

Обращение *крещеный* относится к числу устаревших. Так обычно пожилой крестьянин доброжелательно обращался к незнакомому

человеку. Восходит это обращение к двухкомпонентной формуле *крещеный человек*. Например: *Игуменья лежала в другой комнате на деревянной кровати. Та же послушница пригласила гостей к самой. – Кто там, крещеный человек? – спрашивал старушечий брюзжащий голос. – Никак ты, попадьё?* (Д.Н. Мамин-Сибиряк. Охонины брови). Более употребительно во множественном числе к окружающим, знакомым и незнакомым людям: *крещеные* или *мир крещеный*: *Вечером народ соберется, я сказываю. Мужиков людно сидит, торопиться некуда, кабаков нет. Вечера не хватит – ночи прихватим... Далё один по одному засыпать начнут. Я спрошу: «Спите, крещеные?» – «Не спим, живем! Далё говори...»* (Б. Шергин. Двинская земля).

По ситуативной семантике и прагматике обращения *крещеный*, *крещеные*, *мир крещеный* синонимичны обращениям *православный*, *православные*, *мир православный*. Подобные обращения к окружающим, мирянам бытовали в дореволюционной России, преимущественно среди крестьян: *«Православные! – крикнул ободренный Филипп, все более и более воодушевляясь, – выходи, братцы, кто к управителю поедет!»* (Д. Григорович. Пахатник и бархатник). [Никита:] *Мир православный! Виноват я, каяться хочу.* (Л.Н. Толстой. Власть тьмы). Следует отметить, что обращения к женщине *крещеная* или *православная* в словарях не отмечено. По-видимому, таких обращений не существовало.

Обращение *крестный* и сегодня еще употребляется по отношению к крестному отцу; *крестная* – к крестной матери: *«Кресна, ты куда полотенце положила, че-то найти не могу»* (Разговорная речь, 1996). Восходят эти обращения к составным наименованиям *крестный отец*, *крестная мать*, а также к устаревшим учтивым обращениям *папа кресный*, *мама кресна(я)*, *крестный папенька*, *крестная маменька*. Например: *У церковных ворот пересек мне дорожку маленький семинаристик, в длинном нанковом зеленом сюртучке. «Здравствуйте, папенька крестный», – проговорил он. Когда я его крестил, – совершенно не помню. «Здравствуй, милый! Ты чей?» – «Отца дьякона, папенька крестный», – отвечал он* (А. Писемский. Плотничья артель).

Есть в русском речевом этикете и обращение к крестным детям: *крестник* (*крестничек*) – обращение к крестному сыну, *крестница* – обращение к крестной дочери: *Володька Рыжий, крестный, которому было по пути, пошел рядом с Захаром и на повороте <...> придержал Захара за плечо. – Знаешь, Захарка, Поливанов обхаживает тебя, смотри, крестничек, не зацепись за эту кошку-*

то. Крючья наострены до блеска, вмиг пронзят. (П. Проскурин. Судьба).

Как известно, крестный отец и крестная мать – это восприемники ребенка от купели, которые, по христианским канонам, духовно опекают крестника или крестницу, а в случае, если дети рано осиротеют, берут на себя и материальную заботу о них. Для родителей крестника или крестницы и по отношению друг к другу крестные являются кумовьями: *Ксения подошла к комоду, достала платок. «Вот, смотри, кум, какой гостинец мне. <...> Не забыл меня сынок. Помнил, так что ты зря на него...» – «А я ничего, кума. Так, к слову пришлось...»* (С. Воронин. Проездом).

Впрочем, детей в старой России рождалось много, крестили всех, и кумовство было так широко распространено, что, случалось, все взрослые жители села приходились друг другу кумовьями. В.И. Даль приводит поговорки: «Четыре двора, а в каждом дворе кум да кума». «Были бы родины, а крестины будут». Не случайно, по-видимому, встречаются в крестьянском обиходе доброжелательные обращения *кум, кума* и в адрес односельчанина, соседа, приятеля – таким образом, происходит расширение прагматического значения этих обращений: *«Давай-ка присядем на канаве, Карпушка, да покалякаем. Можя, соврешь что-либо. Без твоей брехни прямо как без курева, ей-богу. Соври, голубок», – смиренно попросил Илья Спиридонович. «Неколи мне, кум, – он всех затонских мужиков именовал кумовьями, – тороплюсь»* (М. Алексеев. Вишневый омут).

Обращения *крестовый, крестовая* восходят к словосочетаниям *крестовый брат, крестовая сестра* и связаны с бытовавшим в старой России обычаем побратимства, когда парни или мужчины в знак братской дружбы и верности обменивались нательными крестами. То же делали девушки и женщины. После обмена крестами назывались *крестовыми* (или *названными*) *братьями* и *сестрами*, или просто *крестовыми*. Однако не следует путать это обращение с жаргонным обращением карточных гадалок, в речи которых *крестовый, крестовая* (от названия карточной масти *крести*) употребляется по отношению к брүнетам, брүнеткам.

Иногда обращение *крестовый* адресовалось собеседнику метафорически, как ласковое, дружеское обращение. – *Ну полно, Петро! полно, крестовый, ругаться-то грех!* (Словарь русских народных говоров). *Мы, крестовая, с тобой Буйные головушки, Попадай ко мне в снохи, А я к тебе в золовушки* (Частушка). В этом значении *крестовый, крестовая* сближаются с обращениями *христовый, христовая*.

Обращения *христовый, христовая, христовые* (*христовенький; -ая; -ие*), а также производное *христовушка* восходят к просторечному и областному ласково-вежливому *христов человек* – милый, добрый человек: «Христов-человек, милосердный, добрый»; христовушка – «милый, сердечный, болезный, дорогой мой» (В.И. Даль). *На бабу-странницу они наткнулись с молодым парнишкой-шофером <...> неожиданно-негаданно. Вмиг догнали, дали тормоза. «Садись, старая!» – «Спасибо, родимые. Своим ходом пойду». – «Садись, говорят. Кто теперь пешком ходит!» – «Нет, нет. Спасибо, христовые. Меня и свои могли подвезти...»* (Ф. Абрамов. Дом). Ласково-вежливое обращение *христов человек* употреблялось крестьянами по отношению к незнакомому мужчине, равному по положению, например: «Отколе тебя Бог несет, христов человек?» – начал Матюшка. «Мы из троскиных... Знаете село Троскино?..» – отвечал со вздохом Антон (Д. Григорович. Антон-Горемыка).

Христов человек, то есть христианин – «верующий во Христа, исповедник Евангелия; человек крещеный, над кем совершен обряд крещения» (В.И. Даль) – а значит «свой, православный» (ср. противоположное *нехристь* – «не христианин, некрещеный; бранно, бусурман» В.И. Даль).

Можно сказать, что обращения *крещеный, крестный, крестник, крестовый, христовый*, этимологически родственные словам *крест, Христос, христианин, крестьянин*, а также обращения *ангел (мой ангел), православный, православные, кум, кума* являлись комплиментарными обращениями (пожалуй, даже в большей степени, чем современные *уважаемый, дорогой*), так как не просто называли, но подчеркивали духовную общность адресанта и адресата – «свой», «русский», «православный христианин» – что обусловило и закрепило уважительную тональность этих обращений в русском народном общении.

Литература

- Балакай А.Г. Словарь русского речевого этикета. М., 2007.
 Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955.
 Словарь русского языка. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1981–1984.
 Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1993.
 Шанский Н.М., Боброва Т.А. Этимологический словарь русского языка. М., 1994.

К МЕТОДИКЕ ОПИСАНИЯ ТИПОЛОГИИ ИНТЕРНЕТ-РЕЦЕНЗИИ

С.А. Медведев

Ключевые слова: интернет-коммуникация, интернет-рецензия, типологическое описание жанров.

Keywords: internet-communication, internet-critique, typological description of genres.

Эволюция интернет-коммуникации «способствует не только появлению новых жанровых форм, сложившихся непосредственно в интернет-среде, но и изменению уже существующих традиционных жанров» [Кукуева, Минина, 2016, с. 103]. Одним из таких жанров стала рецензия, трансформировавшаяся под воздействием интернет-коммуникации.

Задача исследования состоит в разработке методики разнопланового описания интернет-рецензии. В качестве материала используются рецензии, размещенные на сайте Проза.ру, который является крупнейшим порталом, посвященным современной русскоязычной прозе.

Интернет-рецензия – относительно новый объект для современной лингвистики, которому уделяют внимание не только филологи, но и исследователи смежных наук, прежде всего – журналистики. Однако, несмотря на наличие обзорных и энциклопедических трудов (Е.А. Набиева, А.А. Тертыйный и другие), а также диссертационных исследований А.Г. Башкатовой и Н.Н. Молитвиной, многостороннее и детальное описание интернет-рецензии по-прежнему отсутствует.

Изучая интернет-рецензию, равно как и другие формы текста, нам необходимо «вскрыть конкретные изменения текста в конкретных условиях его существования, взаимоотношения и взаимодействия текстов» [Бытие текста в коммуникации, 2016, с. 10]. Предполагается, что выявление, описание и систематизация особенностей взаимодействия компонентов текстового пространства, частью которого является интернет-рецензия, возможно посредством типологического описания обозначенного жанра. Решение поставленной задачи предполагает осуществление следующих шагов:

- определить семантику рецензии и понимание данного феномена;

- обозначить особенности рецензии на современном этапе развития;
- обосновать предпочтительность метода типологического описания для разноплановой характеристики интернет-рецензии;
- выявить принципы типологического описания интернет-рецензии.

«Вследствие того, что фактически каждое из ответных сообщений является выражением реакции на опубликованное произведение» [Медведев, 2014, с. 78], формально интернет-рецензией, в соответствии с выбранным источником, является ответное сообщение на представленный для оценки художественный текст в интернет-коммуникации. Естественно, что при размещении в блоке «рецензии» ответное сообщение не всегда будет являться рецензией по сути.

Типологическое описание интернет-рецензии невозможно без представления о сущности рецензии за пределами Интернета. Оценка продуктов интеллектуальной деятельности (художественные и музыкальные произведения, научные материалы и т.д.) за пределами Интернета осуществляется в рамках жанра рецензии. Этимология «рецензии» восходит к латинскому «recensio» – «оценка, отзыв о чем-либо». Это позволяет утверждать, что «рецензия» в самом общем виде – жанр, в основе которого лежит «отзыв (прежде всего – критический) о произведении художественной литературы, искусства, науки, журналистики и т.п.» [Крикунов, 1975, с. 3]. Данное положение отражено и в сложившейся семантике этого слова, которую можно обозначить посредством анализа словарных статей.

Энциклопедические (специализированные) словари, в отличие от толковых и словарей иностранных слов, предлагают детальную трактовку интересующего нас термина. В Литературной энциклопедии (1929–1939) «Р. – критический разбор произведения» [Бельчиков, 1935]. Согласно еще более раннему Словарю литературных терминов (1925), рецензия есть «небольшая критическая статья или заметка» [Благой, 1925, с. 710].

Энциклопедический словарь СМИ отмечает, что «суть любого отзыва состоит в выражении отношения рецензента к исследуемому произведению» [Князев, 2002, с. 136]. В Словаре лингвистических терминов Т.В. Жеребило приводится разностороннее понимание рецензии. Во-первых, рецензия – «критический отзыв о каком-нибудь сочинении, спектакле и т.п.». Во-вторых, рецензия – «один из видов (жанров) профессионального сочинения-рассуждения». И, наконец, в-третьих, рецензия представляет собой «один из видов творческих работ

учащихся старших классов» [Жеребило, 2010, с. 307]. Обобщая данные словарных источников, можно сказать, что **в основе рецензии лежит критический отзыв на представленный для оценки объект.**

Интересным представляется понимание рецензии и в исследовательском ключе. В отношении этого феномена можно выделить два направления исследований. Представители первого – А.А. Тertyчный, В.М. Горохов и другие – относят рецензию к жанрам журналистики, другие исследователи (Н.Ф. Бельчиков, А.Г. Бочаров и другие) причисляют ее к жанрам литературно-критическим.

Для рецензии как жанра журналистики **характерно наличие отзыва, основанного на оценке.** Исследователи отмечают ряд существенных изменений в жанровой составляющей современной рецензии. А.А. Тertyчный говорит о существовании «мини-рецензий», которые «распространены в настоящее время гораздо шире, чем развернутые». Их «содержание представляет собой всего лишь краткое извещение автором читателя о своих впечатлениях от увиденного фильма или прочитанной книги и *не содержит обоснования их (этих впечатлений)*» (курсив мой. – С.М.), анализа различных аспектов предмета отображения» [Тertyчный, 2002]. Этой же точки зрения придерживается Е.А. Набиева, по мнению которой «современная рецензия призвана удовлетворить потребность индивида в актуальной для него информации оценочного характера» [Набиева, 2010, с. 3]. Как отмечают Г.В. Лазутина, С.С. Распопова и А.А. Тertyчный, рецензия отличается от анонса и аннотации, целью которых является только оповещение аудитории о новом культурном явлении, тем, что в ней содержится кроме всего прочего **аргументированная оценка произведения.**

Подобная оценочная составляющая характерна и для рецензии в понимании ее как одного из основных жанров критики. Исследуя литературную рецензию в рамках современных тенденций развития культуры, А.Г. Башкатова отмечает, что **«рецензенты выносят оценку, прежде всего, самому произведению, его форме, стилю, сюжету, затем идейному содержанию произведения и ценностным установкам автора»** [Башкатова, 2013, с. 21].

Спроецировав сказанное выше на наш объект, мы можем сделать следующие выводы:

- наличие критической составляющей позволяет разделить сообщения, публикуемые в блоке рецензии интернет-портала Проза.ру, на рецензии и псевдо-рецензии (то есть сообщения, не имеющие в своем составе критической составляющей);

- для рецензии как критического жанра характерен больший, чем ранее, акцент на вынесение оценки, а также выражение реакции аудитории на то или иное художественное явление.

Следующим важным шагом в методике исследования жанра интернет-рецензии является обозначение предпочтительности типологического описания (=типологизирования). Данный метод позволяет выбрать несколько оснований для описания интернет-рецензии, в результате чего обозначенный феномен будет многосторонне охарактеризован. Итоговое комплексное представление о специфике жанра интернет-рецензии позволит судить о пригодности метода типологического описания для анализа жанров интернет-коммуникации.

Исходя из того, что «linguistic typology is not only concerned with variation, but also with the limitations on the degree of variation found in the languages of the world» [Eifring, Theil, 2005] – «лингвистическая типология касается не только вариаций, но и ограничений на степень вариации языков мира» (перевод мой – С.М.), типологизирование позволит не только определить и охарактеризовать типы интернет-рецензии, но и показать, какие явления не являются по своей сути интернет-рецензией вообще.

Во избежание терминологической путаницы, необходимо разграничить понятия «типология» и «классификация», «типологизирование» и «классифицирование». Типологизирование направлено на создание «упорядоченного описания разнородных явлений и объяснения их множества» [Кукуева, 2008, с. 25], классифицирование же в конечном счете представляет «в надежном и удобном для обозрения виде всю область исследуемых объектов», дает «максимально полную информацию о них» [Субботин, 2001, с. 225]. Если основанием для типологизирования чаще всего служат структурные свойства объектов (на что указывают А.П. Огурцов и В.И. Плотников), то вопрос об основании классифицирования остается открытым, в результате чего «параметрами классификации зачастую выступают разнородные признаки» [Кукуева, 2008, с. 25]. Таким образом, **классифицирование может быть представлено в виде вспомогательной операции в процессе построения типологии текстов интернет-рецензии при выделении ее подтипов.**

Использование типологического описания для исследования жанров речевой коммуникации не ново как метод, подтверждением чего может служить указанная ранее работа Г.В. Кукуевой.

Исследователь приводит универсальные принципы типологического описания жанров, в которые вошли:

- установка цели типологизирования;
- выбор объектов для процедуры типологизирования;
- выявление способов и параметров типологизирования;
- составление набора ключевых типологических признаков;
- выявление набора признаков, присущих всей совокупности анализируемых объектов;
- выявление набора признаков, присущих отдельной группе понятий;
- характеристика каждой группы объектов как отдельного типа [Кукуева, 2008, с. 29].

Так как данные принципы носят универсальный характер, возможно их применение и к интернет-рецензии с учетом специфики среды коммуникации.

Установка цели типологизирования. Целью типологизирования является осуществление типологии текстов интернет-рецензии, опубликованных на сайте Проза.ру, что также позволит судить о возможности применения типологизирования для описания жанров интернет-коммуникации.

Выбор объектов для процедуры типологизирования. Для анализа отбирались произведения, которые были прорецензированы более чем 30 раз, то есть имели определенный потенциал для оценки. Таким образом, стало возможно исследовать различные интернет-рецензии на одно художественное произведение.

Дополнения и пояснения к рецензии от самого рецензента, равно как и реплики критического характера от других читателей и автора изначального текста, рассматривались как единая рецензия с многочастной структурой.

Способы и параметры типологизирования. Типологизирование проводилось путем анализа корпуса из более чем десяти тысяч интернет-рецензий, относящихся более чем к тысяче представленных художественных текстов.

В качестве оснований для типологизирования интернет-рецензии в рамках данной работы выбраны:

- отдаленность текста интернет-рецензии от традиционной рецензии;
- количество частей, из которых состоит интернет-рецензия;

- структурный характер текстов интернет-рецензии (взаимообусловленность частей многочастной рецензии) [подробнее см.: Бытие текста в коммуникации, 2016, с. 22–39];
- функциональный характер интернет-рецензии (адаптированность к среде коммуникации).

Выявление набора ключевых типологических признаков.

Определяющим признаком при типологизировании интернет-рецензии на содержательном уровне выступает наличие или отсутствие критической оценки представленного художественного текста. Следующим по значимости признаком выступает развернутость и обоснование данной оценки, на основании чего дается вывод о близости / отдаленности анализируемой интернет-рецензии от рецензии традиционной.

Вместе с проведенным анализом особенностей рецензии и метода типологического описания, обозначенные принципы позволяют создать комплексную типологию интернет-рецензии, что покажет степень эффективности применения типологического описания при характеристике неоднородных жанровых форм.

Интернет-рецензия – неоднородный жанр интернет-коммуникации, требующий разностороннего описания, базирующегося на строгих научных основаниях, обозначить которые и была призвана данная работа. Результаты исследования помогут скорректировать понимание рецензии на современном этапе развития, а также ее значимости для развития литературы в Интернете и коммуникации между Автором и Читателем.

Литература

Башкатова А.Г. Литературная рецензия в контексте современных тенденций развития культуры: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2013.

Бельчиков Н.Ф. Рецензия // Литературная энциклопедия в 11 т. М., 1935. Т. 9.

Благой Д. Рецензия // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2-х тт. М., Л., 1925.

Бытие текста в коммуникации. Барнаул, 2016.

Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Назрань, 2010.

Князев А.А. Энциклопедический словарь СМИ. Бишкек, 2002.

Крикунов Ю.А. Рецензия в газете. М., 1975.

Кукуева Г.В. Рассказы В.М. Шукшина: лингвотипологическое исследование. Барнаул, 2008.

Кукуева Г.В., Минина О.В. Характеристика речевого жанра «народные мемуары» в интернет-коммуникации: медийные параметры // Филология и человек. 2016. № 3.

Медведев С.А. Интернет-рецензия в аспекте эволюции жанра рецензии // Филология и лингвистика в современном обществе. М., 2014.

Набиева Е.А. Оценочность в жанре рецензии: лингвистический и прагматический аспекты (на материале «Литературной газеты» и региональной парламентской газеты «Тюменские известия» постсоветского периода 1993–1995 и 2003–2005 гг): автореф. дис. ...канд. филол. наук. Тюмень, 2010.

Субботин А.Л. Классификация // Новая философская энциклопедия: в 4-х тт. М., 2001. Т. 4.

Тертычный А.А. Жанры периодической печати. М., 2002.

Eifring H., Theil R. Linguistics for students of Asian and African languages. Institutt for østeuropeiske og orientalske studier. Oslo, 2005.

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ КИТАЙСКОЙ ДЕЛОВОЙ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ

К.А. Ульянова

Ключевые слова: китайский письменный язык, деловое письмо, речевой жанр, коммуникативные цели, речевые интенции.

Keywords: Chinese writing, business letters, genre, communicative purposes, verbal intentions.

В китайской и отечественной научной традиции обнаруживаются принципиально различные подходы к классификации деловой корреспонденции (实务信函)¹. В Китае доминирующим критерием классификации остаются взаимоотношения адресанта и адресата: сясин (вышестоящий адресует письмо нижестоящему), пинсин (статусы адресанта и адресата равны), шансин (нижестоящий адресует письмо вышестоящему) [Дэн, 1993]. С точки зрения статуса адресата и адресанта в условиях рыночной экономики на современном этапе на первый план выходят письма жанра пинсин (равноправие партнеров по коммуникации), так как жанры сясин и шансин являются доминирующими при плановой экономической системе: нижестоящие направляют запросы вышестоящим, вышестоящие одобряют или отклоняют запрос.

Методологической основой в работах отечественных исследователей послужили теория речевых актов Дж. Остина и теория речевых жанров М.М. Бахтина. С точки зрения теории речевых

¹ Использование данного термина в сравнении с более распространенным 商务信函 «коммерческая корреспонденция» более оправдано с точки зрения семантики.

жанров, деловое письмо представляет собой относительно устойчивый тематический, композиционный и стилистический тип текста с учетом всех параметров коммуникативной ситуации. При этом речевой жанр определяется как устойчивый тип высказывания, тематическое содержание, стиль и композиционное построение которого отражают специфику данной сферы общения [Бахтин, 1996, с. 159]. В этом ключе можно говорить о стиле- и жанрообразующих характеристиках делового письма. Фэн Хунмэй выделяет следующие стилеобразующие черты деловой корреспонденции: стандартизованность в плане содержания и в плане выражения, высокая степень когерентности как логико-семантической связности текста, точность обозначения понятий и сопутствующая ей терминологичность лексики, фактичность изложения реальных событий, неличный характер изложения, целенаправленность текста (служит определенной коммуникативной цели и отражает прагматический компонент), ограниченность срока действия документа [Фэн, 2006, с. 6]. В рамках стилистики речевых жанров также рассматривается понятие текстемы как структурного инварианта текста, который определяет правила порождения аналогичных текстов и функционирует как жанрообразующая характеристика текстов наряду с коммуникативной целью, тематической отнесенностью и стилистическим оформлением.

На основании вышеизложенного приведем стандартную структуру делового письма, элементы которой имеют определенный порядок расположения: заголовок, обращение, основной текст, заключение, формула вежливости. В качестве образца проанализируем письмо-рекламацию.

2009年3月7日

刘扬先生

547890深圳市达森,8.木艺有限公

尊敬的刘先生, 您好!

感谢您方最近运来我们订购的家具, 我们一直很喜欢与贵公司合作, 并以销售贵公司的产品为荣。

但是, 由于我们对于家具的特殊要求, 我们对这批货物中的四把灰色座椅的质量略感失望。我随信附上了三张照片, 从上面可以看出椅子表面有些油漆剥落的地方, 是不是为了赶任务, 仓促之间没能粘得很好。

所以，我恳请退换这些座椅，如果贵公司目前不能提供质量更佳的灰色座椅，我们也可以接受木纹型的座椅作为替换。

我知道贵公司一向尊重顾客的意见，因而我相信这个问题一定可以获得圆满的解决。

此致敬礼！

方云

废品座椅三张照片

Дата: 07.03.2009.

Внутренний адрес: г-ну Лю Яню (название организации или имя человека, которому адресовано письмо)

Адрес: 547890, КНР, г. Шэньчжэнь, ул. Далинь, 8, компания «Муи»

(почтовый индекс, город, улица, номер дома, название организации)

Обращение: Здравствуйте, уважаемый господин Лю!

Текст письма:

Благодарю Вас за то, что Вы прислали нам мебель по нашему заказу. Нам очень нравится сотрудничать с Вашей компанией, и мы считаем для себя честью продавать мебель Вашей компании.

Но поскольку наша компания очень внимательно относится к вопросам качества мебели, у нас возникли претензии к качеству четырех серых стульев. К своему письму я прилагаю три фотографии. На верхнем снимке отчетливо видно, что на стуле есть места, где лак облупился. Возможно, что в спешке лаку не дали высохнуть до конца.

Поэтому я прошу Вас заменить нам эти стулья. Если Ваша компания в ближайшее время не сможет предоставить нам стулья этой модели серого цвета, мы готовы принять на замену стулья натурального цвета (неокрашенной древесины).

Я знаю, что Ваша компания всегда дорожит мнением клиентов, и уверен, что эту проблему можно будет решить очень легко и быстро.

Заключительная формула вежливости:

С уважением,

Подпись:

Фан Юнь

Указание о наличии

и приложений: фотографии бракованных стульев — 3 шт
[Корец, 2010, с. 11–12].

Рассмотрим более подробно элементы структуры делового письма, которое, как правило, оформляется на фирменном бланке организации.

В заголовке письма (抬头纸) указываются наименование организации-отправителя и ее адрес. Ниже располагаются регистрационные номера писем адресата и отправителя, присваиваемые в данных организациях, – они необходимы для учета входящей и исходящей документации.

Дата и место написания письма отделяются запятой и помещаются в правом углу страницы напротив регистрационного индекса. Последовательность указания даты в Китае прямо противоположно отличается от правил ее написания в России: на первом месте стоит год, за ним следует месяц, затем число.

Наименование и адрес получателя указываются слева на один интервал ниже регистрационного индекса. В ссылке на содержание корреспонденции приводятся краткие сведения, раскрывающие направленность письма.

Вступительное обращение (问候语) несет в себе официальное приветствие и пишется с новой отдельной строки. В Китае при обращении к конкретному лицу принято на первое место ставить фамилию собеседника, а затем вежливое слово, подчеркивающее статус человека (например, 张先生 *Господин Чжан*, 王女士 *Госпожа Ван*). При обращении к организации в целом указывается ее наименование. В случае, если точный адресат письма не известен, указывается стандартная формулировка неличного характера 尊敬的先生们 *Уважаемые господа*. После данного речевого оборота употребляется двоеточие, тогда как в русском языке в подобном случае обычно используется восклицательный знак.

Под обращением располагается начальная фраза, которая служит для отделения основного текста от остальной части письма. Вступление зависит от цели сообщения, зачастую в качестве такового выступает выражение 现回信如下... (*Настоящим письмом сообщаем...*).

Основной текст (公函主体) представляет собой смысловую часть делового письма и, как правило, состоит из нескольких

частей: вводной (постановка проблемы, которой посвящено письмо), основной (характеристика положения дел), заключительной (выводы). Эти части отделяются друг от друга такими сочетаниями, как: 您在来函中称... (*В Вашем письме Вы утверждаете...*), 在目前情况下... (*В нынешних обстоятельствах...*), 此外... (*Более того...*), 补充上述... (*В дополнение к вышесказанному...*), 至于... (*Что касается...*).

Заключительная фраза (公函结尾) выступает логическим завершением письма. Адресат сообщения выражает надежду на получение ответа: 希望尽快收到您的答复... (*Надеюсь получить Ваш ответ в ближайшем будущем...*), 急待贵方复函... (*С нетерпением ждем Вашего ответа...*), а также надежду на продолжение сотрудничества: 愿您保持合作... (*Надеюсь на продолжение сотрудничества с Вами...*). В заключении также может приводиться оценка приведенной в письме информации: 我方希望上述资料会引起贵方兴趣 (*Надеюсь, что данная информация представляет для Вас интерес*).

Формула вежливости (结语) – языковое клише, которое подчеркивает уважительное отношение к получателю письма. Наиболее распространенным является выражение 此致敬礼 (*с уважением*), причем первые два иероглифа располагаются на одной строке, а вторые два – на другой. Однако можно встретить и другие формулы вежливости: 敬上 (*с уважением* – используется по отношению к старшим), 致以崇高敬礼 (*Выражая свое глубокое почтение*).

Письмо подписывается отправителем (указываются его полное имя и должность), который несет ответственность за содержание документа. Иногда в тексте указывается ссылка на приложение, обозначающаяся словом 附件. Это означает, что к письму прикреплено определенное количество документов. Если в тексте письма ранее содержится упоминание о прилагаемых документах, то допускается следующая форма записи: 附件：略 (*Приложение: упомянутое*).

Описанная выше структура является стандартной для всех видов деловых писем. Отступления от данного стандарта происходят при переписке на менее официальном уровне, но даже в этом случае не принято опускать те речевые обороты, которые служат для подчеркивания уважения к собеседнику и являются выражением установки на поддержание контакта для достижения перспективных коммуникативных целей в ходе осуществления выгодного сотрудничества.

Несмотря на наличие обширного круга вопросов, которые затрагиваются в ходе деловой переписки, следует выделить критерии, определяющие разделение деловой корреспонденции на отдельные виды. Классификации деловых писем различаются по ведущему критерию. В работе Ли Гэнвэй приводится наиболее полный перечень классификационных критериев [Ли, 2016, с. 45]. Данные объединены в таблицу по степени убывания важности критерия:

Критерий	Виды писем	Описание (сфера применения, примеры)
Тематика (классификация 1)	Коммерческие	Сопровождают заключение и реализацию коммерческой сделки (запрос, предложение, рекламация)
	Собственно деловые или служебные	Для решения организационных, правовых вопросов; разнообразные по форме и содержанию (приглашение, благодарность, сопроводительное письмо и пр.)
Тематика (классификация 2)	Содержащие деловую информацию	Запрос, предложение, заказ, извещение
	Проблемные	Жалобы и претензии, письма о внесении изменений в контракт, касательно финансовых вопросов
	Иные	Циркуляр, поздравление, соболезнование
Тематика (классификация 3) ¹	Информационно-справочные	Для решения организационных вопросов (сообщение, подтверждение, просьба, сопроводительное письмо,

¹ Работа М.А. Васильевой содержит классификацию деловой корреспонденции по тематическому признаку, принятую в делопроизводстве [Васильева, 2008, с.23].

		рекламное письмо)
	Коммерческие	Используются в процессе заключения сделки (запрос, предложение, ответ на предложение, рекламация)
	Этикетные	Обеспечивают поддержание взаимоотношений (приглашение, благодарность, извинение, поздравление)
Тематика (классификация 4) ¹	Коммерческие	Ориентированные на внешний и внутренний сбыт
	Маркетинговые	Рекламные, предложение, связанные с прямым маркетингом, с маркетинговыми исследованиями
	Связанные с менеджментом	Сопровождают переговорный процесс
	Связанные с PR и распространением информации	Информационные письма
	По вопросам обслуживания клиентов	Претензии, благодарность, заказ, оплата, клиентская политика, возврат товара, прочие проблемные вопросы
	Корпоративная переписка	Информационные письма работодателю/коллегам по проблемным вопросам
	По вопросам бухучета и финансового регулирования	Прием платежей, кредитование, закупки
Тематика (классификация 5) ²	Связанные с коммерческим менеджментом	Запрос и ответ на запрос, рекомендация
	Маркетинговые	Презентационное, рекламное письмо и пр.
	Направленные на поддержание	Благодарность, жалоба и пр.

¹ Логика построения пособия Дж. Вудса основана на более подробной классификации [Вудс, 2003].

² Несколько отличается также весьма дробная классификация коммерческих писем китайского автора Чжан Хао [Чжан, 2004].

	отношений с клиентами	
	Проблемные	Извинение
	В области закупок	Коммерческий запрос, коммерческое предложение, заказ, рекламация
	По финансовым вопросам	Урегулирование платежных обязательств
	Корпоративная переписка	Обслуживает отношения работодателя и работника
	Частная корреспонденция	Обслуживает деловые взаимоотношения (рекомендация, поздравление, благодарность)
Цель	Информационные	Цель – информировать (запрос, предложение, согласие, отказ)
	Этикетные	Цель – поддержание взаимоотношений (благодарность, извинение, поздравление)
	Обладающие перлокутивным эффектом	Цель – оказать намеренное воздействие на адресата (рекламное письмо, рекламация, просьба, рекомендация, напоминание, запрос, предложение)
Структура (степень формализации / стандартизации)	Регламентированные	Коммерческая нечастная корреспонденция (от имени организации)
	Нерегламентированные	Не имеют жесткой структуры; не требуют определенного бланка или формата бумаги (рекомендательное письмо, сопроводительное письмо, поздравление, приглашение, коммерческое предложение, резюме)
Композиция	Одноаспектные	Затрагивают один вопрос
	Многоаспектные	Несколько взаимосвязанных вопросов
Функция	Письма-ответы	Ответ на запрос, предложение и пр.
	Инициативные	1) Требующие ответа (запрос, предложение, приглашение,

		рекламация, просьба, обращение) 2) Не требующие ответа (напоминание, предупреждение, извещение, благодарность, заявление, сопроводительное письмо, рекомендательное письмо, гарантийное письмо, поздравление)
Адресат	Обычные	Один получатель
	Циркулярные	Несколько получателей
Взаимоотношения адресант-адресат	сясин	вышестоящий-нижестоящему (приказ, циркуляр)
	пинсин	статусы равны (коммерческое письмо, приглашение)
	шансин	нижестоящий-вышестоящему (запрос, отчет)
Форма бытования	Бумажное	–
	Факс	–
	Электронное	–

В отличие от вышеприведенных классификаций, в основе которых лежат различные признаки, в отечественной лингвистике утвердился интенциональный подход к классификации деловых писем. По определению Г.П. Грайса, интенция – намерение говорящего передать в высказывании определенное субъективное значение [Грайс, 1985]. Термин «интенция» в рамках теории речевых актов служит для описания иллокутивной функции высказывания и выступает жанрообразующим признаком. В рамках интенционального подхода Ли Гэнвэй вслед за Фэн Хунмэй выделяет следующие субжанры делового письма: просьба, согласие/отказ, предложение [Ли, 2016]. Образцы деловых писем на русском языке в работе Ли Гэнвэй представлены в виде информационных карт. Письмо-рекламация на китайском языке, структуру которого мы проанализировали выше, в рамках данного концептуального решения будет иметь следующий вид:

Информационная карта

Письмо-рекламация

Информация: документ, содержащий письменную претензию в связи с нарушением обязательств по договору и требование устранения последствий такого нарушения. Для обоснования претензии в тексте приводятся доказательства, которые оформляются

в приложение. Создается на бумаге или в электронной форме. Требуется ответа.

Классификатор:

Тематика (на основании классификации 3 таблицы критериев): коммерческое

Цель: информационное

Структура: регламентированное

Композиция: одноаспектное

Функция: инициативное

Адресат: физическое лицо или организация – обычное

Статусный фактор: статусы адресанта и адресата равны

Форма бытования: бумажное, электронное

Коммуникативные особенности:

Содержит одну речевую интенцию – просьба.

Пример: <образец письма>

Комментарий к примеру:

Языковые формулы обоснования просьбы:

由于我们对于家具的特殊要求 *Поскольку наша компания очень внимательно относится к вопросам качества мебели*

所以, 我恳请退换这些座椅 *Поэтому я прошу Вас заменить нам эти стулья*

Схожие виды писем: письмо-запрос, письмо-требование.

Если рассматривать деловое письмо как совокупность речевых актов, с точки зрения прагматики на локутивном уровне можно выделить языковые формулы – термин, принятый в делопроизводстве и означающий лексическую или синтаксическую единицу, организующую основной текст документа, тогда как речевые интенции включаются в иллюкутивный аспект. Ярко выраженным перилокутивным эффектом обладают коммерческие письма, которые могут служить предметом отдельного рассмотрения. Представим классификацию писем в соответствии с доминирующей интенцией в форме таблицы с указанием коммуникативных шагов в основном тексте письма, реализующихся в виде языковых формул в плане выражения.

	Просьба	Согласие/отказ	Предложение
结构 Композиция	抬头纸Заголовок 问候语Обращение 建立关系Установка на поддержание	抬头纸Заголовок 问候语Обращение 建立关系Установка на поддержание	抬头纸Заголовок 问候语Обращение 建立关系Установка на поддержание

	контакта 主体Основной текст: – обоснование просьбы – непосредственное выражение просьбы – выражение надежды на ожидаемый результат (совпадает с заключительной фразой) Подпись (формула вежливости, фамилия и имя, указание должности)	контакта 主体Основной текст: – повторение просьбы – непосредственное выражение согласия/мотивиров ка отказа – согласи/отказ Подпись (формула вежливости, фамилия и имя, указание должности)	контакта 主体Основной текст: – изложение сути вопроса – обоснование предложения – непосредственное выражение предложения Подпись (формула вежливости, фамилия и имя, указание должности)
套话 Языковые формулы	–请予以协助 <i>Просим оказать содействие...</i> –请给我们寄来 <i>Просим выслать нам...</i> –欢迎参加 <i>Просим принять участие...</i> –请传达消息 <i>Просим довести до сведения...</i> –请采取措施 <i>Просим принять меры</i>	–我们很愿意考虑贵 方所提出的建议 <i>Мы с удовольствием рассмотрим Ваше предложение...</i> –这完全适合我们的 观点 <i>Это полностью соответствует нашим представлениям</i> –您的方案被否决, 原因如下 <i>Ваше предложение отклоняется по следующим причинам...</i> –深表遗憾,但是我 们公司不能接受您的 方案 <i>К сожалению, мы не можем принять Ваше предложение</i>	–很高兴为您提供 <i>Мы рады предложить Вам ...</i> –我们确信,您会对 高质量的产品感兴趣 <i>Мы уверены, что Вас заинтересует высокое качество продукции</i> –希望我们合作得愉 快 <i>Наеемся на плодотворное сотрудничество</i>

Одним из первых исследователей, предпринявшим попытку объединить методологические подходы западных и китайских авторов к анализу деловых писем, стала Чжу Юнься. Проводя

сопоставительных анализ рекламных писем на английском и китайском языках, данный автор предлагает четырехмерную модель исследования жанров делового письма с учетом: 1) социокультурных факторов, 2) ценностных ориентаций и коммуникативных целей, 3) риторических структур и интертекстуальности, 4) экспертных мнений представителей рассматриваемых культур [Zhu, 2005, с. 58]. Обоснование выделения четырех критериев прослеживается в нижеследующих работах.

Социально-ориентированный подход к анализу жанров предложен профессором Бхатия В.К.: формирование и функционирование жанров связано с изменениями социального контекста, таким образом, акцент сделан на исследование экстралингвистических факторов бизнес-дискурса [Bhatia, 1993].

Британский лингвист Дж. Суолс формулирует концепцию о том, что жанр – это набор коммуникативных целей, которые ограничивают выбор языковых форм [Swales, 1990]. Коммуникативные цели реализуются в виде коммуникативных шагов в плане содержания и представляют собой составляющие формальной структуры документа в плане выражения.

Первым на проблему кросскультурного различия риторических структур обратил внимание Р. Каплан, исследование которого положило начало контрастивной риторике [Kaplan, 1966, с. 11]. Исследователь отмечает, что текстам на азиатских языках присуща цикличная модель организации дискурса, тогда как характер изложения в европейский языках отличается линейностью. И действительно, коммуникативный шаг «установка на поддержание контакта» в совокупности с выражением надежды на ожидаемый результат и формулой вежливости образует циклическую риторическую структуру китайских писем.

Что касается необходимости учета экспертных мнений, Чжу Юнься в работе «Written communication across cultures» приводит данные социологического опроса среди менеджеров из Китая и Новой Зеландии с целью выявления наиболее эффективных коммерческих писем на китайском и английском языках. Ранжирование писем по степени эффективности проводилось респондентами, однако нельзя полностью исключать субъективный фактор при оценивании.

Резюмируя вышесказанное, считаем важным сделать акцент на коммуникативных целях и ценностных ориентациях. Жанр рассматривается нами как алгоритм развертывания коммуникативных

шагов. При многообразии подходов к анализу жанров делового письма основными типологическими критериями следует признать коммуникативные интенции и тематическую отнесенность писем. Тексты писем подлежат контент-анализу по следующим параметрам:

1) соотношение элементов вэньяня (основан на нормах древнекитайского языка) и байхуа (основан на нормах разговорной речи): количественный анализ по слогоморфемам. Коммуникативный шаг «установка на поддержание контакта» – своеобразная инвестиция в долгосрочные отношения – *我们一直很喜欢与贵公司合作, 并以销售贵公司的产品为荣* Нам очень нравится сотрудничать с Вашей компанией, и мы считаем для себя честью продавать мебель Вашей компании: из 25 морфем 7 относятся к элементам вэньяня (与、贵дублируется、并、以...为荣), оставшиеся 18 – к элементам байхуа. Налицо синкретизм классического и разговорного китайского языка в системе современного официального письменного языка.

2) состав информации на предмет проявлений эмоционального (эмоциональная информация) и рационального начал (когнитивная информация): по коммуникативным шагам как минимальным единицам, обладающим одинаковой иллокутивной силой. Проанализируем коммуникативный шаг «непосредственное выражение просьбы» *我恳请退换这些座椅 я прошу Вас заменить нам эти стулья*: соотношение эмоциональной и когнитивной информации в китайском языке представлено как 1 (морфема *恳искренне*) к 2 (*退换坐骑*пропозиция «заменить стулья»), тогда как в переводе эмоциональный компонент элиминируется (0:2). Официально-деловой стиль русского языка отличается неэмоциональным характером изложения, тогда как в текстах китайских документов обнаруживается присутствие эмоционального начала. Поэтому в настоящее время перед исследователями стоит задача интегрировать вышеописанные методологические концепции с привлечением количественных методов исследования.

Литература

- Бахтин М.М. Проблема речевых жанров. М., 1996
 Васильева М.А. Официально-деловой стиль китайского языка. СПб., 2008.
 Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М., 1985.
 Корец Г.Б. Китайский язык. Деловая переписка. М., 2010.

Ли Гэнвэй. Обучение китайских студентов жанру русского делового письма на занятиях по русскому языку как иностранному: второй сертификационный уровень: дис... канд. пед. наук. СПб., 2016.

Фэн Хунмэй. Жанр делового письма и его субжанры : дис ... канд. филол. наук Москва, 2006.

Bhatia V.K. Analysing genre: language use in professional settings. London, 1993.

Kaplan R.B. Cultural thought patterns in inter-cultural education. Language Learning, 1966.

Swales John. Genre analysis: English in academic and research settings. Cambridge, 1990.

Woods John. 2500 successful business letters (in Chinese). Shanghai, 2003.

Zhu Yunxia. Written Communication Across Cultures: A Sociocognitive Perspective on Business Genres. Philadelphia, 2005.

Дэн Кэминь. Инюн сецзо цзифа чжияо (Основные сведения о практике деловой переписки). Кайфэн, 1993.

Чжан Хао. Синьбянь шаньгу синьхань сецзо моши (Новые образцы коммерческих писем). Пекин, 2004.

КОНЦЕПТ «СЧАСТЬЕ» В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ МЕЖЪЯЗЫКОВОМ АСПЕКТЕ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА Л.Н. ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА» И ЧЕТЫРЕХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ)

И.Ю. Рябова

Ключевые слова: концепт, понятийная составляющая, образная составляющая, классема, дифференциальная сема, метафора, ментальная модель.

Keywords: concept, conceptual component, figurative component, classeme, differential seme, metaphor, mind model.

Цель нашего исследования в рамках данной статьи – изучение основных характеристик концепта «счастье» в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» и их актуализация и «преломление» в четырех англоязычных интерпретациях.

Образование концептов и концептуальных структур является неотъемлемой частью переосмысления информации, поступающей в мозг человека [Кубрякова, 2001; Демьянков, 2009; Bloom, 1999]. Следовательно, концепт – способ отражения познавательной деятельности субъекта.

Концепты могут быть рассмотрены с точки зрения функционирования, содержания, структуры, типологии, их языковой реализации и в некоторых других аспектах.

Изучение художественных концептов предполагает рассмотрение их как элементов художественного осмысления. Одна из первых трактовок концепта в российской лингвистике принадлежит С.А. Аскольдову [Аскольдов, 1997, с. 269]. Как отмечает исследователь, художественные концепты, в отличие от познавательных, всегда индивидуальны и несут авторский эмоциональный заряд. О вариативности наполнения концепта говорит В.А. Лукин, понимающий под понятием «концепт» «инвариант языковых форм выражения (соответствующей концептуальной идеи), который вбирает в себя их основные семантические свойства» [Лукин, 1993, с. 63–86]. О.Н. Лагута особое внимание придает тому факту, что самые важные концепты «кодируются» именно в языке [Лагута, 2003, с. 104–105]. Конкретная языковая реализация концепта становится предметом рассмотрения в работе З.Д. Поповой и И.А. Стернина «Очерки по когнитивной лингвистике», где указывается, что «именно концепт определяет семантику языковых средств, использованных для его выражения» [Попова, 2001, с. 151]. Особенно нам импонирует дефиниция понятия «концепт», предложенная Н.Ф. Алефиренко: «...концепт стали употреблять в значении “схватывания” единичного и многообразного в осуществляемом “душой” акте познания» [Алефиренко, 2010, с. 171]. На основе рассмотренных определений мы приходим к умозаключению, что концепт в широком понимании слова – процесс «кодирования» индивидуальной ментальности автора, выраженный в пространстве художественного произведения определенными языковыми средствами.

Если говорить о содержательной стороне концепта, нельзя не остановиться на его структуре. Широко известны в науке следующие модели выделения структуры концепта: «многослойная» структура концепта, разработанная Ю.С. Степановым; полевая модель концепта И.А. Стернина и З.Д. Поповой; ассоциативная модель концепта, выстроенная Г.Г. Слышкиным; концепция С.Г. Воркачева с выделением «значимостной» составляющей концепта; лингвокультурологическая концепция В.И. Карасика и др. [Воркачев, 2004; Слышкин, 2004; Степанов, 2004; Карасик, 2010, с. 121; Попова, 2014, с. 17]. При анализе переводческой деятельности любая из указанных моделей может быть применима с целью раскрытия импликации в каждом отдельном переводе.

Выявление особенностей трактовки концепта в рамках конкретного англоязычного перевода непосредственно связано с выделением в структуре концепта его составляющих. Для раскрытия индивидуально-авторской специфики концепта «счастье» в качестве узловых (в нашем исследовании) выступают понятийная и образная составляющие. Понятийный уровень концепта включает в себя изучение родовых признаков понятия в совокупности с доминантными ассоциациями, в которые вступают лексико-семантические варианты конкретных частеречных имен концепта в условиях дискурса [Кононова, 2014, с. 32–42]. Образная составляющая ориентирована на перцептивный образ, выводимый из комбинации концептуальных метафор. По мнению некоторых лингвистов, содержанием концепта является исключительно образ [Потебня 1960; Слышкин 2000; Попова, Стернин 2003; Hudson 2005]. Из предложенных выше моделей структуры концепта нам близка полевая модель, предложенная И.А. Стерниным и З.Д. Поповой, эксплицирующая выделение в любом концепте ядра и периферии.

Понятие концепт является ключевым в когнитивной лингвистике, и наряду с разработкой общетеоретических вопросов учеными предпринимаются многочисленные попытки описать конкретные концепты, а некоторые из них разрабатываются неоднократно [Арутюнова, 1997; Воркачев, 1992; Ефимова, 2000; Данилюк, 2001].

В ходе нашего исследования предпринята попытка выявить «наполнение» концепта «счастье» в романе Л.Н. Толстого, которое, так или иначе, образует определенное текстовое семантическое поле, релевантное идиостилю писателя, его мотивировке эксплицитно или имплицитно интерпретировать значение той или иной лексической единицы. Актуальность данного вопроса видится в сопоставительном изучении концепта «счастье» в оригинале произведения и четырех малоизученных англоязычных переводах, представленных Р.Пивером и Л.Волохонски, А. и Л. Моод, К. Гарнетт и Н. Доулем. Данная задача определяет методологию исследования: дефиниционный анализ; компонентный анализ основных лексических единиц, образующих семантическое поле; контекстуальный анализ и статистическая обработка материала. Дефиниционный анализ позволяет выявить полисемию лексической единицы, а также представить лексическое значение в развернутом виде. Цель компонентного анализа – выявить дифференциальные семы сопоставляемых лексем, позволяющие впоследствии определить понятийную и образную составляющие рассматриваемых номинантов

концепта. Контекстуальный анализ призван привлечь ближайший контекст для выявления при необходимости дополнительных коннотаций значений. Статистическая обработка материала предполагает обращение к частотности единиц ядерной зоны.

Обратимся к рассмотрению базовой смысловой структуры номинантов концепта – соответственно русскоязычной лексемы «счастье» и англоязычной дефиниции «happiness» с позиций дефиниционного анализа и привлечения лексем синонимического ряда.

По С.И. Ожегову, *счастье* – 1) чувство и состояние полного, наивысшего удовлетворения; 2) *успех*, удача [Ожегов, 1988, с. 639]. По Д.Н. Ушакову, *счастье* – состояние довольства, благополучия, радости от полноты жизни, от удовлетворения жизнью [Ушаков, URL]. По В.И. Далю, *счастье* – благоденствие, благополучие, земное блаженство, желанная насущная жизнь, без горя, смут, тревоги; покой и *довольство*; вообще, все желанное, все то, что покоит человека [Даль, URL]. *Довольство* – удовлетворение [Толковый словарь русского языка, URL]. *Успех* – 1) удача в достижении чего-нибудь; 2) общественное признание; 3) хорошие результаты [Ожегов, 1988: 686]. В аспекте понятийной составляющей класса «состояние» имеет реализацию «состояние». Дифференциальные семы (ДС) первого лексико-семантического варианта (ЛСВ) (в значении «состояние довольства, радости») реализуются следующим образом: «качество» – «удовлетворение», «степень» – «полное», «результат» – «радость», «причина» – «отсутствие тревог», «последствие» – «покой». Дифференциальные семы второго лексико-семантического варианта (в значении «успех, удача») следующие: «качество» – «достижение», «результат» – «признание», «характеристика» – «внешнее», «последствие» – «хорошие результаты».

С точки зрения синонимического ряда данная лексема характеризуется следующим образом: счастье – *благоденствие, благодать, блаженство, победа, успех, фортуна, везение*¹. Фортуна – 1) доля, судьба, участь, рок; 2) Богиня судьбы, счастливой случайности². Таким образом, ядерной ДС первого ЛСВ становится «качество» с конкретной реализацией «неизбежность, фатализм» в то время как основная ДС второго ЛСВ – «случайность».

Определим основные доминанты лингвокультурного концепта «счастье» в русском языке:

¹ См.: <http://dic.academic.ru>

² См.: www.slovaronline.com

- счастье как достижение цели / удовлетворение;
- счастье как удовольствие;
- счастье как спокойствие;
- счастье как внешнее проявление;
- счастье как удача;
- счастье как судьба.

В романе Л.Н. Толстого концепт «счастье» предстает одним из важных текстообразующих концептов, реализующихся через семантическое поле, которое состоит из многочисленных вербализаторов счастья как категории. Говоря о концепте в пространстве художественного произведения, следует помнить, что содержание концепта не только включает в себя содержание наивного понятия, но и охватывает все множество прагматических и ассоциативных элементов данного понятия, проявляющихся в сочетаемости его вербализаторов.

Методом сплошной выборки с учетом частотности употребления конкретных лексических единиц нами были выделены следующие вербализаторы концепта «счастье» в романе Л.Н. Толстого: *счастье, сияние, радость, улыбка, свет, блеск* и соответствующие им флективные формы. Частотность употребления может быть представлена в следующих показателях: *улыбка* – 631 случай (36%), *счастье* – 399 случаев (23%), *свет* – 259 случаев (15%), *радость* – 194 случая (11%), *блеск* – 136 случаев (8%), *сияние* – 107 случаев (7%). Проанализировав словарные дефиниции данных номинантов, мы приходим к выводу, что доминантами концепта в русскоязычном произведении становятся две модели – «счастье как удовольствие» (*улыбка, радость*) и «счастье как внешнее проявление» (*свет, блеск, сияние*). Кроме того, нами не были выявлены случаи эксплицитного выражения коннотации «случайности» счастья.

Рассмотрим содержание англоязычного лингвокультурного концепта «счастье» посредством дефиниционного анализа лексемы *happiness*: 1) feeling or showing pleasure (OxD); 2) satisfied with the quality or standard of (OxD). Pleasure – 1) satisfaction, enjoyment, *entertainment* (OxD); sensual gratification (OxD); 3) *sexual* enjoyment (OxD). Gratification – pleasure, gained from *satisfaction of desire* (OxD). Sexual – relating to the instincts (OxD). Entertainment – amusement, fun (OxD). Понятийную составляющую номинанта *happiness* по данным словарей составляет актуализация классемы «состояние» в качестве «состояние». ДС1 первого лексико-семантического варианта «качество» приобретает конкретное выражение «удовольствие», ДС2

«характеристика» – «сильное»; ДС3 «причина» – «развлечение»; ДС4 «результат» – «исполнение желания, веселье». ДС1 второго лексико–семантического варианта «качество» также реализуется в значении «удовольствие», ДС2 «характеристика» приобретает конкретное выражение «сексуальное», ДС3 «причина» – «проявление инстинктов».

Ключевыми доминантами англоязычного лингвокультурного концепта становятся модели:

- счастье как удовольствие;
- счастье как веселье;
- счастье как сексуальное влечение.

Ядерными дифференциальными семами в синонимическом ряду с точки зрения дефиниционного анализа – *euphoria, bliss, gaiety, well-being, joy, relish* – становятся «удовольствие» (*euphoria, relish, well-being*) и «веселье» (*joy, bliss, gaiety*) [Cambridge Dictionary, URL].

Следует обратить внимание на то, что особый интерес для нашего исследования представляют не столько количественные показатели отдельных номинантов исследуемого концепта (хотя их тоже следует учитывать для выявления приверженности переводчика определенным лексическим единицам), сколько концептуальные метафоры, образующие концепт. Нами было рассмотрено 32 метафорические модели по данной проблематике соответственно в русскоязычном пространстве произведения и его англоязычных интерпретациях. Выявлены следующие закономерности словоупотребления:

1) во всех четырех интерпретациях представлены следующие англоязычные номинанты концепта «happiness»: *smile, light, shine, glow, kindle, gleam, radiance* (и флективные формы), *bright* (и флективные формы), *delight* (и флективные формы), но в разных количественных пропорциях;

2) в художественном пространстве каждого отдельного перевода следует выделить наиболее частотные лексемы: Р. Пивер и Л. Волохонски – *shine* (56 словоупотреблений), *light* (75 словоупотреблений), *joy* (89 словоупотреблений); А. и Л. Моод – *bright* (80 словоупотреблений), *radiant* (25 словоупотреблений); К. Гарнетт – *delight* (165 словоупотреблений), *beam* (35 словоупотреблений), *radiant* (32 словоупотребления), Н. Доуль – *kindle* (22 словоупотребления), *radiant* (14 словоупотреблений);

3) в интерпретации Р. Пивера и Л. Волохонски ключевыми в рассмотренных нами концептуальных метафорах являются лексемы *shine* и *light*; в переводе А. и Л. Моод – *bright* и *brighten*; в

интерпретации К. Гарнетт – *delight* и *beam*; в версии Н. Доуля – *kindle*;

4) в целом, количественные показатели словоупотребления лексем в целом пространстве художественного произведения прямо пропорциональны частотности словоупотреблений в наиболее ярких концептуальных метафорах каждого отдельно взятого перевода; вследствие этого мы можем говорить об индивидуальной ментальности автора, проявляющейся в приверженности той или иной лексической единице.

Нами были рассмотрены вышеуказанные лексемы с точки зрения компонентного анализа. Сделаны следующие наблюдения.

В переводе Р. Пивера и Л. Волохонски лексемы *shine* и *light* вводят ментальную модель «счастье как внешнее проявление» посредством ДС «сфера» с конкретной реализацией «большая территория» и ДС «способ (распространения света)» – «лучами» в аспекте понятийной составляющей данной дефиниции. В интерпретации Н. Доуля дефиниция *kindle* имеет словарное значение «arouse an emotion» (OxD), где ДС «сфера» представлена реализацией «сексуальная», что дает основания определить концепт «счастье» как «сексуальное влечение». В версии К. Гарнетт ключевая лексема *delight* содержит ядерную ДС «качество» в аспекте «удовольствие» и «степень» с конкретной реализацией «высокая»; дефиниция *beam* содержит ДС «причина» в значении «удовольствие, гордость» (CoCo) – перевод К. Гарнетт реализует ментальную модель концепта «счастье – удовольствие». А. и Л. Моод акцентируют внимание на счастье как на внешнем проявлении ввиду того, что ядерными ДС лексемы *bright* являются ДС «объект» с конкретным выражением «свет», ДС «направление» в аспекте «вовне» и ДС «причина» – «оживленность».

Итак, обозначим основные итоги исследования. Содержание, структура и понимание концепта «счастье» варьируется в лингвокультурном аспекте вне пространства художественного произведения, что приводит к умозаключению о том, что «развитие» и «развертывание» наполнения концепта в рамках конкретного художественного произведения или его перевода глубоко индивидуально и тесно связано с ментальностью писателя или переводчика. С точки зрения максимальности и адекватности содержания данного концепта относительно оригинала Л.Н. Толстого ментальные модели «счастье как внешнее проявление» и «счастье как удовольствие» в переводах Р. Пивера и Л. Волохонски и К. Гарнетт соответствуют наполнению лингвокультурного концепта в

русскоязычном произведении: в версии К. Гарнетт это становится возможным посредством использования лексем, в которых ядерной дифференциальной семьей является «удовольствие», а в переводе Р. Пивера и Л. Волохонски ключевую роль в формировании модели «счастье как внешнее проявление» играют номинанты с ядерной семьей «сияние, свет». Кроме того, в нашем исследовании была выявлена прямая зависимость между частотностью употребления лексем в рамках того или иного произведения и их ролью в формировании наполнения концепта в каждом отдельно взятом переводе.

Литература

- Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология. Ценностно–смысловое пространство языка: учебное пособие. М., 2010.
- Арутюнова Н.Д. О стыде и стуже // ВЯ. 1997. № 2.
- Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. ВЯ. 1992. № 1.
- Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М., 2004.
- Ефимова Н.Н. Онтологизация концепта «рис» в английской фразеологии: автореф. дисс.... канд. филол. наук. Иркутск, 2000.
- Данилюк Н.В. О границах концепта толерантности в немецком языке // Филология и культура. Тамбов, 2001.
- Демьянков В.З. Парадигма в лингвистике и теории языка // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство. М., 2009.
- Карасик В.И. Языковая кристаллизация смысла. М., 2010.
- Кононова И.В. Структура лингвокультурного концепта: способы языковой и дискурсивной объективации // Вестник Волгоградского Государственного Университета. Сер. 2, Языкознание. Волгоград, 2014. Вып. 5.
- Кубрякова Е.С. Размышления о судьбах когнитивной лингвистики на рубеже веков // Вопросы филологии. М., 2001. Вып. 1.
- Лагута О.Н. Метафорология: теоретические аспекты. Новосибирск, 2003.
- Лукин В.А. Концепт истины и слово «истина» в русском языке (Опыт концептуального анализа рационального и иррационального в языке) // Вопросы языкознания. М., 1993. Вып. 4.
- Ожегов С.И. Словарь русского языка // Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1988.
- Попова З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001.
- Попова З.Д., Стернин И.А. Лексическая система языка: Внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы описания: учебное пособие. М., 2014.
- Потебня А.А. Мысль и язык // История языкознания в очерках и извлечениях. М., 1960.
- Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. Волгоград, 2004.
- Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М., 2004.
- Толстой Л.Н. Анна Каренина. М., 2014.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.classes.ru>
- Толковый словарь русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://slovaronline.com>

- Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка, 2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://ushakovdictionary.ru>
- Bloom P., Peterson M., Nadel L. Language and space. Cambridge, 1999. Cambridge Dictionary. [Электронный ресурс]. URL: <http://dictionary.cambridge.org/ru>
- CollinsCobuild ABBYY LINGUO 6
- Hudson R.A. Sociolinguistics. Cambridge, 2005.
- Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Oxford, 2002.
- Oxford Dictionary ABBYY LINGUO 6

Источники

- Dole N. Anna Karenina. New York, 2015.
- Garnett C. Anna Karenina. USA, 1901.
- Maude A., Maude L. Anna Karenina. London, 1918.
- Peaver R., Volokhonsky L. Anna Karenina. London, 2000.

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНТЕКСТА НА ЯЗЫКОВУЮ КАРТИНУ МИРА РОК- И ПОП- МУЗЫКАНТОВ

А.И. Михайлова

Ключевые слова: песенный текст, рок-музыка, поп-музыка, популярная музыка, языковая картина мира.
Keywords: song lyrics, rock music, pop music, popular music, language world perception.

В соответствии со сложившимися в современной отечественной лингвистике традициями понятие «музыкальный текст», являющееся основой для познания языковой картины мира рок- и поп-музыкантов, может сводиться к «тексту в широком смысле как к воплощенному в предметах физической реальности сигналу, передающему информацию от одного сознания к другому» [Руднев, 2000, с. 10], а может без ощутимого вреда для содержательной части исследования сужаться до собственно «песенного текста». Трудности в изучении последнего связаны прежде всего с тем, что «существует целая группа текстов (в нее кроме песенных можно также включить многочисленные сценарии: рекламные, кино-, теле-, и т. д., очевидно, возможен аналогичный

ряд и нехудожественных текстов), особенностью которых является то, что данные тексты, принадлежа собственно языковой стихии, являются компонентами, интегрированными в более сложные, полисемиотичные тексты» [Васильева, 1998, с. 5]. Эта особенность песенных текстов отражается в таких терминах-характеристиках как «интерсемиотический», «интермедиаальный», «креолизованный» [Иванов, 2015, с. 95–100]. По нашему мнению, современный песенный текст – это своеобразный коллаж формул массовой культуры, более или менее клишированных в зависимости от музыкального жанра [Михайлова, 2015, с. 51–55]. Как и любой текст, песня отражает мировоззрение ее автора, при этом внутри одного направления можно говорить о сложившейся системе представлений, стереотипных установках, своеобразных моделях мира. В связи с этим можно говорить о том, что актуальность исследования обусловлена двумя факторами: культурологическим и лингвистическим. Так, в настоящей статье тексты отечественных рок- и поп-авторов будут рассмотрены как отражение политических взглядов, с одной стороны, базирующихся на традициях соответствующего музыкального направления, с другой – вписанных в социокультурный и политический контекст эпохи, то есть как особый продукт массовой культуры и коммуникации.

Различия рока и поп-музыки на лингвистическом уровне, связанные в том числе с влиянием указанного контекста на формирование авторской языковой картины мира (в данном случае автор выступает как последователь определенной культуры или субкультуры, а не как независимая языковая личность), являются важными для решения проблем жанрового деления музыкально-поэтических текстов и изучения современной языковой моды, эстетического потенциала песенного текста. Полагаем, языковые картины мира рок- и поп-музыкантов имеют как сходства, так и различия, которые в той или иной мере обусловлены разными авторскими позициями и мировоззрением, а также отличающимися интерпретациями концептосфер, связанных с социальными явлениями, и, конечно, стилистическими особенностями музыкальных направлений.

Л.В. Титова отмечает две возможности взаимодействия музыки и политики: музыка может играть роль подспорья политической социализации, выступая как «зерцало социальной революции» (что наиболее характерно для рок-музыки) или, наоборот, как регулятор политических отношений, своеобразный политизированный культурный код, мягкий способ пропагандистского воздействия на

аудиторию [Титова, 2013, с. 105–110]. В первую очередь нас интересует первый тип взаимодействия, то есть изменения, которые претерпевает объект исследования (языковая картина мира). Целью настоящей статьи является установление доминирующего типа отношения автора как представителя рок- или поп-музыки к политической и (шире) социокультурной ситуации, прямо или метафорически воплощенного в песенном тексте и, соответственно, отражение этого отношения в языковой картине мира, принадлежащей интересующей нас социальной группе.

Обращаясь к культурологическим особенностям музыки, вспомним: изначально задача рок-музыкантов – попытаться «вырваться за пределы культуры, монополизированной и регулируемой государством, вернуть этике и культуре прямое и простое, непосредственно человеческое содержание» [Кнабе, 1990, с. 39–61]. Именно наличие мощного идеологического давления определяло характер не только нового музыкального стиля, но и тот пласт культуры, образ жизни, который сформировался среди поклонников рок-музыки. Потерянные настроения 90-х внесли в поэтику, тематику и, следовательно, язык рок-поэзии существенные изменения, в журналистской аналитике можно встретить мнение о том, что «после развала СССР русский рок как явление почти сошел на нет» [Краснов, URL]. Высокая политизация рока сменяется на рубеже веков сакральными личными переживаниями, более высокой интимностью, Е. Летов, А.Башлачев стали создавать тесты, полные патриотичной тоски. Однако в XXI веке также растет новое поколение «бунтарей». Качество и философская подоплека современного рок-бунта, разумеется, отличаются от тех, что развивались на заре становления стиля рок-музыки. Интересно сравнить, например, две песни: «Время колокольчиков» Александра Башлачева (1984), «визитную карточку» советской рок-поэзии, и «Государство» группы «Люмен» (2010): враждебная однозначность последней особенно заметна в сравнении с метафорическим отражением действительности в уже ставших классическими текстах.

*Но сколько лет лошади не кованы,
Ни одно колесо не мазано.
Плетки нет. Седла разворованы.
И давно все узлы развязаны.*

*А на дожде все дороги радугой!
Быть беде. Нынче нам до смеха
ли?*

*Заплати налоги и живи спокойно,
Но каждый рубль как покойник,
На эти деньги люди сверху
Нас, всех остальных,
превращают в перхоть,
Они проводят невнятные
реформы,
Меняют гашишикам название и*

Но если есть колокольчик под
дугой,
Так, значит, все. Заряжай,
поехали!

А. Башлачев

форму,
Кидают стариков через одно
место,
Каждый день проверяя, из какого
же мы теста!

«Люмен»

В первом примере обращает на себя внимание символическое изображение окружающего мира с использованием страдательных причастий со значением неорганизованности: развязаны, разодраны, не кованы, не мазаны, а также привлечение образов, традиционных для отечественной лирики, в данном случае это лошади (конь, тройка лошадей), см. также: *Куда ты, тройка, мчишься, куда ты держишь путь, / Ямщик опять нажрался водки или просто лег вздремнуть / Колеса сдаены в музей, музей весь вынесли вон, / В каждом доме раздается то ли песня, то ли стон* («Аквариум» и Борис Гребенчиков, 1996). Во втором примере – противопоставление власти и народа, причем с использованием экспрессивных элементов разговорного стиля и преобладанием прямых значений над, безусловно, имеющимися элементами образности.

Популярная музыка в узком смысле слова¹ также определенным образом связана с политическими и социальными изменениями в стране, но, в отличие от рока, ее взаимосвязь (и поп-культуры в целом) с политикой выражается не только и даже не столько в текстовом компоненте, сколько в поведенческой реакции. Например, «в США, как и во многих других странах, поп-культура используется политиками. Связь политиков и идолов массовой культуры становится особенно заметной во время выборов, когда политики начинают действовать по законам шоу-бизнеса» [Нашествие поп-культуры..., URL]. Публицист А. Троицкий отмечает два очевидных способа взаимодействия «попсы» и политики: собственно содержательный и использование готового музыкального продукта в политических целях [Троицкий, 2006]. Однако тексты эстрадной песни отражают исключительно социальную тематику и не касаются политики напрямую. Таким образом, изменения в языковой картине мира поп-

¹ Существуют разные точки зрения на понятие «популярной музыки». В широком смысле «это вообще любая простая, легкая по форме и содержанию, ориентированная на вкус самых широких масс слушателей», включающая рок, джаз и другие направления, связанная с широким распространением увеселительных заведений и звукозаписи. В узком же смысле это только отдельный жанр музыки, которую называют также «поп-музыкой», она в определенном смысле противопоставлена рок-музыке (см: [Русаков, 2017]).

музыкантов, происходящие под влиянием социальных трансформаций, не являются итогом сознательного выбора авторов, а происходят стихийно, можно сказать, параллельно с изменениями общей русской языковой картины мира. Русский рок же в XXI веке развивается в двух направлениях, которые могут значительно различаться с языковой точки зрения: ярко выраженном протестном («СЛОТ», «Люмен», «Noize MC», частично «ДДТ», «Кукрыниксы» и т. д.) и интимном, философском («Би-2», «Сплин», Земфира и т.д.).

Кроме этого, как для рока, так и для эстрадной музыки сегодня характерна та или иная степень патриотизма, как бы ни парадоксально это звучало. В определенной мере фильм «Брат-2» режиссера А. Балабанова, вышедший в 2000 году, подарил вторую жизнь рок-музыке, а также стал источником возрождения в ней патриотических, даже революционно-патриотических и в то же время наполненных экзистенциальной тоской мотивов, и отрицать наличие государственного пафоса в современном роке невозможно. Рок обращается к духовному аспекту понятия «родины», а также «малой родины», которое является важным концептом в контексте анализируемого материала. Примечательно, что внимание музыки акцентирует на все том же особенном русском характере («русской душе»).

*Нас умом не понять, мы не восток, и
не запад,*

*Здесь русских дух, это сильный,
специфический запах...*

*...И на куски себя разрывает,
Все и вся вокруг круша,
Не знает, как по-другому жить,
простая*

Русская душа...

«СЛОТ»

*Нашу душу нельзя не понять, не¹
измерить.*

*Если парус порвет самый
яростный шторм.*

*Это русский характер помогает
нам верить,*

*Это русский характер с
двуглавым орлом.*

«ДДТ»

Следует обратить внимание на общность интерпретаций, принадлежащих разным исполнителям: обилие глаголов деструктивной семантики (разрывать, крушить, порвать), а также высказывания, акцентирующие внимание на особенности, уникальности русского характера, все это ярко отражает определенную устойчивую авторскую позицию, коррелирующую с картиной мира носителей русской ментальности.

При этом рок часто отрицает идею государственности и всячески обличает современную власть, как можно было заметить

¹ В тексте сохранена орфография и пунктуация оригинала.

по примерам выше [Сибяева, 2011, с. 28–31], это в целом ненамного отличается от той аксиологической подоплеки, на которой зиждился рок советский. В поп-музыке патриотизм проявляется по-другому, в основном своем стандартном для отечественного сознания виде, включающем образы природы, дома, семьи, или «попсовом» коде, сформированном традиционными формулами массового культурного продукта, при этом обращение к политическому аспекту вопроса практически не обнаруживается.

*Россия-матушка,
В лучшее верится,
Река по камушкам,
Снег да метелица.
Жасмин*

*Влупим гол скоро,
Все сделаем клево,
Всех сделаем снова.
Россия готова!
Давай, Россия, давай, давай!
Давай красиво, давай, давай!
«Челси»*

В данных примерах можно увидеть характерные для русского фольклора модели словообразования [Червинский, 2010, с. 233–247] (Россия-матушка, камушки, метелица) и сленгизмы (влупить, сделать в значении «победить», клево). В песенных текстах популярной музыки последнего десятилетия актуализируется множество ассоциативных связей, доказывающих приверженность авторов традиционному образу России: «*страна волшебных, сказочных берез*» («*Любовные истории*»); «*в этом слове огонь и сила*» (О. Газманов); *Здесь судьба моя / Здесь душа моя / Реки и поля / Добрых песен грусть* (С. Павлиашвили).

Отражение идеологии и социальных настроений в поп-музыке является фрагментарным и опосредованным. Можно вспомнить группу «Комбинация» (песни «*American Boy*» и «*Russian Girl*»), в текстах которой прослеживается повышенное влияние Запада, ориентация на США как эталон, мотив массовой эмиграции русских в Америку, а также композицию, созданную в самом начале этого проамериканского бума («*Гудбай, Америка*» группы «*Наутилус Помпилиус*»). В название поп-композиций проникают так называемые «слова года»¹ (условно ключевые слова определенного периода): в 1993 году появляется песня Олега

¹ «Слово года» — неофициальная акция, конкурс, проводимый в странах и регионах с целью выявления наиболее актуальных, значимых и популярных слов и выражений. Выбор «слова года» осуществляется чаще всего экспертным жюри или же общественным опросом.

Газманова «Я рожден в Советском Союзе» о разрушенном великом государстве, в 2006-м в период расцвета олигархии выпускается песня группы «Бандэрос» «Танцуй, Рублевка», а в 2016 году – композиции групп «ПараНормальных» (с текстом «*Мировой кризис, а у нас Love Is*») и Би-2 («*Мы все платим, а цены растут*»).

Несмотря на наличие патриотической направленности в песенных текстах, приведенные примеры также демонстрируют склонность авторов к использованию англоязычных заимствований, причем как сравнительно недавно освоенных русским языком (*диджей, автентати* и т.д.), так и словам на английском языке: *И никому о нем не говори / Сопри его из тетору* (Виктория Дайнеко); *Lonely, lonely, oh, yes, I'm lonely / Ты Венера, я Земля / Ева, я любила тебя* («Винтаж») и т.д. Так, можно утверждать стремление популярной музыки следовать языковой моде, стремительно реагировать на появление в языке неологизмов, чему противопоставлено тяготение рок-музыкантов к формированию собственного языкового стиля.

Итак, нельзя отрицать влияние социального контекста на языковую картину мира авторов популярной музыки, и, как следствие, на текстовые особенности ее разновидностей. Мы видим, что и рок, и поп могут придерживаться одних и тех же тематик и обращаться к одному концепту, связанному с корпусом социальных ценностей, но интерпретировать их по-разному. Авторская позиция и социальные изменения отражаются на следующих лингвистических характеристиках песенных текстов: увеличение уровня речевой агрессии в рок-музыке (в которой на сегодняшний день формируется новая форма молодежного протеста против власти), проникновением в тексты поп-музыки сленга и просторечия, англоязычных заимствований и т.д. Однако если говорить о смысловом компоненте и ассоциативных связях и образах, важных для понимания фрагмента языковой картины мира, то можно утверждать, что отмеченная формальная взаимосвязь массовой музыки с политикой и традиционные проявления рока как контркультуры только укрепляют привычное раскрытие мотивов патриотизма и государственности. Так, отмеченная патриотическая направленность в поп-музыке реализуется через образ дома, природы, а в роке – через воспевание метущейся и бунтующей русской души, хотя представления о ней и трансформировались с течением времени. Упоминания социальных процессов, часто являющихся темой рок-

текста, в поп-музыке опосредованы и нерегулярны, но этого достаточно для того, чтобы утверждать, что языковая картина мира популярной музыки является отражением не только социального контекста, но и уровня речевой культуры всей русской языковой картины мира.

Литература

Васильева В.В. Опыт лингвокультурологического анализа: песенный текст // Антропоцентрический подход к языку. Пермь, 1998.

Иванов И.Д. Логоцентрическая модель рок-текста в контексте изучения синтетической языковой личности // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 4.

Кнабе Г.С. Феномен рока и контркультура // Вопросы философии. 1990. № 3.

Краснов Т. Русский рок: взгляд левого патриота. [Электронный ресурс]. URL: www.cprfspb.ru

Михайлова А.И. Современный песенный текст как объект лингвистического исследования // Филологические и культурологические дисциплины в рамках реализации ФГОС в школе и в вузе. Омск, 2015.

Нашествие поп-культуры: поп-дипломатия и поп-политика. [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru>

Руднев В.П. Прочь от реальности: исследования по философии текста. М., 2000.

Русаков А.П. Кто есть кто, или Музпросвет в глобальной современной популярной музыке. М., 2017.

Сибяева Т.А. Государственная символика в рок-культуре. Понятие патриотизма // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 2011. Вып. 12.

Титова Л.Г., Турчина В.С. Музыка как инструмент политической социализации молодежи // Ярославский педагогический вестник. 2013. Т. 1, № 2.

Троицкий А. Я введу вас в мир поп. М., 2006.

Червинский П.П. Фольклор и этимология. Лингвоконцептологические аспекты этносемантики. Тернополь, 2010.

«АЛТАЙСКИЙ ТЕКСТ» И ЛИТЕРАТУРА АЛТАЯ: К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЙ¹

Т.А. Богумил

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Министерства образования и науки Алтайского края в рамках научного проекта № 16-14-22001 «Семиотика пространства в региональной литературе: особенности геоэтики В.М. Шукшина»

Ключевые слова: Алтай, «алтайский текст», литературный регионализм, региональное самосознание

Keywords: Altai, «Altai text», literary regionalism, regional identity

Термин «алтайский текст» был введен в научный оборот в начале XXI века организаторами и участниками семинара «Алтайский текст в русской литературе второй половины XIX – начала XX века» (АлтГУ). Далее последовали научные семинары и конференции по той же теме, материалы которых составили содержание серии сборников «Алтайский текст в русской культуре» (на настоящий момент 6 выпусков), статьи в литературоведческих журналах. Своеобразным апогеем пройденного исследователями пути стало издание антологии «Образ Алтая в русской литературе XIX–XX веков» (2012). Без малого пятнадцатилетняя история изучения дает основания сделать предварительные выводы о свойствах и закономерностях изучаемого объекта.

Для начала стоит обозначить причины, по которым уместно говорить о сибирской литературе как явлении региональной словесности, но которые не позволяют считать алтайскую литературу подсистемой сибирской, а не просто ее частью. Как известно, существенные критерии для выделения региональной литературы – тема, место и региональное самосознание [Анисимов, 2005, с. 14]. Регион понимается как *обширное* географическое образование, обладающее *общностью* естественных и исторически сложившихся *особенностей*, выделяющих данную территорию на (ментальной) карте страны.

Алтай – достаточно крупный географический объект, на его территории могли бы разместиться многие государства мира. Можно ли обнаружить оригинальные природные и исторические характеристики пространства, отличающие его от Сибири в целом? Выделить специфическую тематику? А главное – региональную ментальность местных писателей?

Самая первая сложность – определение границ региона. Выделяют единицу *физической* географии – территория на границе Западно-Сибирской равнины и пояса гор Южной Сибири. И единицы *политической* географии: Алтайский край и Республику Алтай в составе России. Административные границы исторически изменчивы и не совпадают с физическими границами региона. Земли Алтайского края входили в состав Сибирской губернии (1709–1779), Кольванской области (1779–1783), Кольванской губернии (1783–1796), Тобольской

губернии (1796–1804), Томской губернии (1804–1917), Алтайской губернии (1917–1925), Сибирского края (1925–1930) и Западно–Сибирского края (1930–1937). Современный Алтайский край – это юго-восток Западной Сибири, граничащий с Казахстаном на юге и западе, на севере и северо-востоке – с Новосибирской и Кемеровской областями, на юго-востоке – с Республикой Алтай. В 1992 году Горный Алтай вышел из состава Алтайского края в качестве отдельного субъекта РСФСР [Демин, 2009, с. 26]. Природные условия Алтая отличаются вариативностью. Рельеф Алтайского края горный и равнинный, Республики Алтай – горный. Климат неоднородный, что связано с многообразием географических условий. В сознании далекого от наших мест человека различия Республики Алтай и Алтайского края часто стираются, образуя единое историческое и социокультурное пространство. С этим недоразумением связано, в частности, разочарование, охватившее Н.М. Рубцова при посещении Алтайского края в 1966 году. Он ожидал увидеть *«алтайскую Швейцарию»*: солнце, горы, стремительные реки, тайгу – «общее место» литературы об Алтае [Гребнева, 2012, с. 13–14; Левашова, 2006, с. 39; Носова, 2013, с. 98, Шастина, 2013b], – а столкнулся с типичным среднерусским пейзажем [Скубач, 2013, с. 124].

Природные характеристики края образно обозначены А.А. Черкасовым, зачинателем природоведческой прозы Алтая. Автор противопоставляет Западную Сибирь Восточной, прибегая к архаичному тождеству «страна-женщина». Если Восточная Сибирь – это *«красивая брюнетка»*, наделенная огнем, энергией, страстностью, ярко одетая и богато одаренная мехами, камнями и золотом, то Западная Сибирь – *«только миловидная блондинка»*, все качества которой – лишь малая толика или вовсе отсутствие достоинств первой [Черкасов, 1994, с. 377]. Лишь Южный Алтай *«словно перерождается в забайкальскую красавицу брюнетку, и как бы поджидает своего суженого, дескать, <...> я давно уже созрела»* [Черкасов, 1994, с. 395]. В связи с природой Алтая, особенно Горного, в литературе возникает круг типичных сюжетов, связанных с противостоянием человека и природы, цивилизации и природы [Левашова, 2006, с. 39; Нискоромных, 2013].

Процесс освоения русскими Алтая (как и Сибири в целом) связан с концепцией фронта, то есть *«мест[а] или момент[а] встречи двух культур разного уровня развития (“подвижная граница”)»* [Резун, 2005, с. 16]. В миссионерском видении Алтай предстает как *«место встречи православия и язычества, культуры и дикости, место спасения души и место борьбы за каждую новую православную душу»*,

это горный мир (Афон) и райский сад. Насельники этого мира – самоотверженные миссионеры и дети природы – алтайцы–язычники [Шастина, 2013а, с. 148]. В соцреалистических произведениях воспевался процесс ликвидации автохтонной культуры Алтая [Казаркин, 2004, с. 16]. Русскоязычная литература Горного Алтая, как убедительно показала Л.Г. Чащина, может быть охарактеризована термином «культурное гнездо» (Н.К. Пиксанов). Сочетание традиций русской классической культуры, установок Алтайской духовной миссии и алтайской фольклорно-мифологической системы сформировало основные параметры литературы Горного Алтая, воплотив «органичный и многоаспектный диалог культур – русской и алтайской» [Чащина, 2003]. Опора на фольклорно-мифологическое наследие аборигенов, особенно сильная в литературе Горного Алтая [Гребенникова, 2013], оказала мощное влияние и на литературу Алтайского края [Завгородняя, 2016].

Уникальным фактом истории освоения Алтая Россией является особый статус региона с 1747 по 1917 годы. В этот период Алтайский горный округ, в состав которого входила территория современного Алтайского края, Республики Алтай, части Новосибирской, Кемеровской, Омской, Томской областей, восточной части Республики Казахстан, – был собственностью царской семьи. Кабинетные земли, за некоторым исключением, не подлежали «штрафной» колонизации, то есть уголовной и политической ссылке, что, конечно, существенно отличало Алтай от Сибири и делало проблематичным функционирование основного сюжета сибирской литературы об искуплении преступления каторжными страданиями и последующем воскресении [Лютман, 1997; Тюпа, 2002].

Конфискация земель Демидовых императрицей Елизаветой Петровной в 1747 году была связана с открытием на Алтае серебряной и золотой руды. Драгоценный металл добывался для царской казны, а с начала XIX века и всеми желающими, что породило «золотую» и «серебряную» линии в литературе об Алтае, впервые одически упомянутую М.В. Ломоносовым [Козлова, 2002, с. 15]. В реалистической литературе эта тема сопрягалась с темами обогащения, казнокрадства, «золотой лихорадки» и уголовных преступлений [Волькова 2013; Левашова, 1995, с. 386–389]. Тем самым вновь актуализировался «негативный» вариант «сибирского текста» [Анисимов, 2007].

Значительное место в литературе Алтая и об Алтае занимает старообрядческая легенда о Беловодье, утопической стране на востоке от России, где сохранилась «древлеправославная» вера, не затронутая

реформами патриарха Никона (середина XVII века). Происхождение легенды, помимо прочего, связывается с колонизацией земель по берегам р. Бухтармы на Алтае. Белым цветом вод р. Бухтармы, ее притоков и верхней Катуня, стекающих с «белков» – горных ледников, либо белой пеной горных рек Алтай объясняют название «Беловодье» [Чистов, 2003, с. 307]. Исследованию этого тематического пласта посвящен анализ текстов В.Я. Шишкова, А.Е. Новоселова, В.Я. Зазубрина [Беломытцева, 2009; Гребнева, 2002, 2012; Куляпин, 2013; Царегородцева]. В XX веке Алтай осмыслиется Н.К. Рерихом как место утопической Шамбалы, «место силы», «пуповина» между Небом и Землей, колыбель мира. Позитивный ореол Алтая во многом обусловлен этимологией топонима, связанной с семантикой золота, высоты [Чувакин, 2016] и начала: «*[в] слове “Алтай” заключен сокровенный смысл – “Золотой престол Бога”, центр мироздания, основа Бытия*» [Жерносенко, 2006, с. 103]. «Избраннический» статус региона востребован современной алтайской неомифологической прозой А.В. Коробейщикова и В.Н. Токмакова, обыгрывающей мотивику апокалипсиса / спасения [Богумил, 2016, с. 17–18].

Завершая обзор текстов русских писателей об Алтае С.М. Козлова резюмирует: *«Алтай как часть Сибири – это угрюмый дикий край суровой природы, страна несметных сокровенных богатств, одна из твердынь России, ее каменная стена и защита, страна молодой, мощной энергии – путь в будущее, мистическая страна, хранящая тайны мироздания, путь к потерянному дому человечества»* [Козлова, 2002, с. 23].

Изучение художественно-этнографического очерка XIX века об Алтае позволило О.Г. Левашовой представить самобытный, противоречивый в своем единстве образ Алтая: *«Определятся границы локуса: это лесостепной и одновременно Горный Алтай, русский, населенный переселенцами, и исконный <...>. Ведущей тенденцией всех рассмотренных нами очерков является добросовестное и доскональное, фактографически точное исследование авторами своеобразия Алтая, его животного и растительного мира, обычаев, обряда и образа жизни его жителей. Одновременно с этой литературной тенденцией возникает мифологизация топоса: с опорой на языческие и христианские мифы, космогонические и эсхатологические, писатели рисуют величавый Алтай, колыбель цивилизации, “страну обетованную”, загадочное Беловодье, которое ищут многие столетия “рассейские” странники и старообрядцы. Но Алтай – это рай и ад одновременно. Важной тенденцией воссоздания образа Алтая становится его сатирическое*

изображение. Колониальная политика по отношению к Сибири приводит к разграблению ее природных богатств, к беззакониям, полному произволу властей и преступлениям» [Левашова, 2013 с. 79]. И еще: «...ведущими тенденциями оказалась не романтика “странствий”, не познание “земли неизвестной”, а гуманистический пафос, боль за униженного человека, будь он алтайцем или российским переселенцем, одинаково беззащитным перед силами первозданной природы и дикого произвола властей» [Левашова, 2011, с. 128].

Активное переселение крестьянства в 1860–1880-е годы из средней полосы России преимущественно на Алтай можно считать временем возникновения аграрного мифа, окончательно сформировавшегося уже в советское время, после ВОВ 1941–1945: «...когда стратегическое значение Алтая как места эвакуации (заводов и людей) сошло на нет <...> Алтай начинает манифестировать себя как край с сельскохозяйственной спецификой, точнее, – край хлеборобов» [Куляпин, 2006, с. 48–49]. Восприятие Алтая как «житницы Сибири», подкрепленное освоением целинных и залежных земель с 1954 года надолго предопределило семантический ореол Алтая, консервируемый критическими инстанциями. Показателен экспромт поэта И.Е. Фролова, ставший заголовком одной из газетных статей того времени: «От Кулунды до Кош-Агача одна задача – хлебодача!»¹. Целинная тема задавала особую поэтику художественных произведений, соотношенную с соцреалистическим каноном: «Топика испытания в противоборстве с природными стихиями и человеческим (в том числе своим собственным) несовершенством, взросления (“закалки” и “перековки”) героя, его созидательного труда в коллективе <...> ...заглавия с повторяющимися образами утра, счастья, весны, простора, огня и т. п. указывают на близкое родство этих текстов с хрестоматийными “лакировочными” литературными образцами» [Скубач, 2012, с. 7].

На рубеже 1950–1960-х культурное восприятие Алтая как преимущественно горного пространства достраивается картиной степного, равнинного региона; в повести для детей В.С. Сидорова «Тайны белого камня» создается особый «обской миф»; в творчестве В.М. Шукшина – корпус текстов о шоферах и главной дороге Алтая – Чуйском тракте [Скубач, 2012]. Как и в советской литературе в целом, в литературе Алтая в конце 1960–1970-х годов наблюдается

¹ Воспоминание В.В. Дубровской.

возрождение интереса к теме Гражданской войны; в конце 1980–1990-х активизируется экологическая тематика [Марьин, 2012, с. 9–10]. В 2000-е на первый план выходит осмысление результатов «перестройки» и тема «потерянного поколения», *«поколения между»* (В.Н. Токмаков).

Итак, безусловно, есть основания говорить о «культурных гнездах» Алтай, алтайской теме, мифе и тексте. Положительный ответ на вопрос о существовании литературы Алтай как подсистемы сибирской литературы упирается в отсутствие литературного процесса, отдельного от истории литературы Сибири и России, и, кроме прочего, в трудноуловимость алтайского регионального самосознания.

До революционных событий 1917 года литераторы достаточно свободно мигрировали по территории Сибири из города в город. Печатались там, где была возможность. Поэтому одни и те же имена звучат в истории различных местных литератур. Говорить о наличии алтайского, а не общесибирского самосознания и, соответственно, литературы, пока не представляется возможным – не собрано достаточно данных. Появление в середине XX века региональных Союзов писателей, скорее создает видимость локальной уникальности, поскольку творческая деятельность советских писателей регламентировалась «центром» и вследствие этого уравнивалась.

В свете проблематики наличия алтайского самосознания немаловажным представляется факт многократных признаний российских писателей в любви к Алтаю, в решающем влиянии на их судьбу. Широко растиражирована фраза В.Я. Шишкова: *«Я люблю Алтай крепко, с каждым годом любовь моя растет, и не знаю, чем возмещу Алтаю ту радость и счастье, которым он меня наделяет каждый день, каждую минуту...»*. Отвечая на вопрос, какой уголок России стоит выбрать для жизни, В.В. Бианки отвечал: *«Это Алтай. В жизни не видел ничего более прекрасного. Я жил там в юности 4 года – и до сих пор (а мне седьмой десяток) вспоминаю это время, как чудесный сон... Я бы выбрал Алтай»* [Бианки, 1984, с. 5]. В произведениях В.М. Шукшина наряду с официальным центром (Москва) появляется «альтернативный центр», Алтай. Комментируя цитату из статьи писателя с «говорящим» названием «Признание в любви (Слово о “малой родине”» (1974), О.А. Скубач пишет: *«Пространственные корреляты (“возвышение”, “полати”, “предгорье”) приобретают в данном случае, безусловно, метафорическое наполнение, символизируют приоритетную,*

привилегированную жизненную позицию» [Скубач, 2016, с. 147]. В контексте этих рассуждений любопытна ценностная дифференциация Сибири и Алтая, наблюдаемая в текстах В.М. Шукшина. Образ Сибири в его произведениях моделируется согласно традиционной для русской литературы системе негативных представлений: «*это Сибирь-матушка, она “шуток не понимает”*» [Шукшин, 2014, т. 9, с. 33]; о судьбе переселенцев в Сибирь: «*Там небось и пропали, сердешные... <...> ни слуху ни духу»* [Шукшин, 2014, т. 4, с. 279]. Идеальные смыслы делегированы Алтаю: «*Трудно понять, но как где скажут “Алтай”, так вздрогнешь, сердце лизнет до боли мгновенное горячее чувство... <...> Дороже у меня ничего нет»* [Шукшин, 2014, т. 8, с. 54]. У Шукшина Сибирь как бы перетягивает на себя негативные коннотации, а Алтай, малая родина, – позитивные, глубоко личные, максимально ценные.

Провинциальное положение региона провоцирует в современной поэзии попытки имитации столичных стандартов, вытеснения реальности иллюзиями; страдательные мотивы богозабытости, скуки, пошлости; но и самодостаточное восприятие малой родины как места Богом данного, не нуждающегося в оценке и сравнении со столицей [Козлова, 2008]. Например, Наталья Николенкова на вопрос, возможно ли реализоваться поэту в провинции, – отвечает: «*В наше время это – вопрос пиара, рекламы, продвижения, рыночных технологий. Ты можешь сидеть в тьмутаракани, но при наличии хороших литературных агентов тебя будут издавать и читать везде. В каком бы городе ни жил поэт, на его таланте это никак не сказывается»* [Николенкова, 2008]. Наконец, многие поэты и прозаики Алтая обращаются к важнейшему для региональной культуры сюжетному архетипу – возвращение блудного сына, что, несомненно, свидетельствует о развитии региональной самоидентичности.

Литература

Анисимов К.В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX веков: Особенности становления и развития региональной литературной традиции. Томск, 2005.

Анисимов К.В. Парадигматика и синтагматика «Сибирского текста» русской литературы // Сибирский текст в русской культуре. Томск, 2007. Вып. 2.

Беломятцева Л.А. Рассказ В.Я. Шишкова «Алые сугробы». Барнаул, 2009.

Бианки В.В. Удивительные тайны. Барнаул, 1984.

Богумил Т.А. Прогулки по Барнаулу мистическому. Барнаул, 2016.

Волькова Е.А. Тема золота в произведениях писателей Алтая XIX – начала XX веков. // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул, 2013. Вып. 5.

Гребеникова Н.С., Чинина Э.П. Сокровенный Алтай: региональная и этническая идентичность в прозе Б. Укачина // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул, 2013. Вып. 5.

Гребнева М.П. Роль оппозиции «земное – небесное» в повести А.Е. Новоселова «Беловодье» // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул, 2002. Вып. 1.

Гребнева М.П. «Над царственной ширью Алтая...» (Образ Алтая в русской литературе начала XX века) // Образ Алтая в русской литературе XIX – начала XX вв. Барнаул, 2012. Т. 2.

Демин М.А. Историческое краеведение: некоторые вопросы теории и терминологии. Барнаул, 2009.

Жерносенко И.А., Мамыев Д.И. Современные подходы к изучению сакральных центров Алтая как основа для формирования ноосферного типа мышления // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул, 2006. Вып. 3.

Завгородняя Н.И. Неомифологизм Алтая в текстах А.В. Коробейщикова. Барнаул, 2016.

Казаркин А.П. Жанровый контекст романа «Чураевы» // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул, 2004. Вып. 2.

Козлова С.М. Алтайский текст в русской поэзии // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул, 2002. Вып. 1.

Козлова С.М. Провинция в зеркале рефлексии современных поэтов-барнаульцев // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул, 2008. Вып. 4.

Куляпин А.И., Скубач О.А. Алтай в пространстве советской утопии // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул, 2006. Вып. 3.

Куляпин А.И. Образ Алтая в литературе 1920-1940-х годов // Филология и человек. 2013. №3.

Левашова О.Г., Черняева Т.Г., Никитина М.Г. Литературная жизнь Алтая // История Алтая. Ч. 1. 1995.

Левашова О.Г. Топос «Алтай» в «Алтайском альманахе» // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул, 2006. Вып. 3.

Левашова О.Г. Образ Алтая в русской литературе XIX века // Филология и человек. 2011. №4.

Левашова О.Г. Образ Алтая в художественно-этнографическом очерке XIX века // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул, 2013. Вып. 5.

Лотман Ю.М. Сюжетное пространство русского романа XIX столетия. СПб., 1997.

Марьин Д.В. Алтай в литературе 1970–1980-х гг. // Образ Алтая в русской литературе XIX – начала XX веков. Барнаул, 2012. Т. 5

Николенкова Н. Не про любовь / интервьюер В. Н. Токмаков // Российская газета. 2008.

Нискоромных Д.С. «Горный дух» С.И. Исакова // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул, 2013. Вып. 5.

Носова О.А. Образ Алтая в «Алых сугробах» В.Я. Шишкова // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул, 2013. Вып. 5.

Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронтир в контекста этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005.

Скубач О.А. Два лика Алтая в литературе 1950–1960-х гг. // Образ Алтая в русской литературе XIX – начала XX вв. Барнаул, 2012. Т. 4

Скубач О.А. Рубцов–1966: алтайское лето в творчестве Н.М. Рубцова // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул, 2013. Вып. 5.

Скубач О.А. Советская культурная география середины XX века в прозе В.М. Шукшина. 2016.

Тюпа В.И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1.

Чащина Л.Г. Русская литература Горного Алтая: Эволюция. Тенденции. Пути интеграции. Томск, 2003.

Черкасов А.А. Из записок сибирского охотника. М., 1994.

Чистов К.В. Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). СПб., 2003.

Чувакин А.А. Концепт «Алтай» в художественной прозе К.Г. Паустовского // Филология и человек. 2016. № 2.

Шастина Т.П. Забытые имена: Алтай как мир миссионеров и язычников в творчестве А.И. Макаровой-Мирской // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул, 2013а. Вып. 5.

Шастина Т.П. Горный Алтай: литературное вхождение территории в состав имперских пространств // Филология и человек. 2013б. № 1.

Шукшин В.М. Собрание сочинений : в 9-и тт. Барнаул, 2014.

ШОКОЛАД В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА: СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ¹

А.А. Малышев

Ключевые слова: медиалингвистика, историческая стилистика, русская журналистика XVIII века, культурно-просветительский медиадискурс.

Keywords: media linguistics, historical stylistics, Russian journalism of the 18th century, cultural and educational media discourse.

Современная научно-популярная журналистика в поисках материала для описания нередко вынуждена обращаться к уже давно известным предметам и явлениям окружающего мира. При этом в различных изданиях в зависимости от различных факторов (от в широком смысле типа издания до редакционной политики) одни и те же предметы и явления могут быть описаны по-разному как

¹ Исследование осуществлено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-34-01028 «Культурно-просветительский журналистский дискурс: ценности, коммуникативные интенции и речевые жанры».

содержательно, так и стилистически. Современный медиадискурс позволяет авторам статей достичь значительной стилистической свободы [Сметанина, 2002], что несомненно способствует привлечению внимания аудитории и, как следствие, лучшему усвоению получаемой ею информации.

В то же время нельзя забывать и о том, что стилистика современных научно-популярных медиатекстов не может рассматриваться в отрыве от стилистики более ранних журналистских текстов культурно-просветительского содержания [Малышев, 2015]. В этом отношении плодотворным представляется обращение к текстам предшествующих эпох, посвященным статическому и/или динамическому описанию инокультурных реалий и ситуационных моделей. Так, многие тексты литературы путешествий XIX века, порой не будучи строго журналистскими в современном понимании (хотя формально они могли печататься в журналах того времени), обнаруживают характерные черты присутствия авторского «я», проявляющегося в современных трэвел-медиатекстах [Редькина, 2015; Щеглова, 2015].

Пищевой код российского общества в XVIII веке претерпевал изменения: более значительные в Санкт-Петербурге и Москве, менее значительные в других городах. Определенную роль в данном случае, конечно, играла мода, возникшая при дворе и при содействии шумных петровских ассамблей быстро распространившаяся в обществе (на особую роль моды в формировании языкового облика эпохи указывал В.В. Виноградов [Виноградов, 1982, с. 68]). Как отмечает К.А. Богданов, «для XVIII века – как, впрочем, и для любой другой эпохи – инокультурные заимствования, сопутствовавшие идеологическим, административным, экономическим преобразованиям, также были важны не только сами по себе, но и как маркеры символического порядка, результирующего и/или предвосхищающего обновления в коллективном умонастроении и социальном поведении» [Богданов, 2006, с. 50]¹.

В связи с этим шоколад, постепенно становившийся в России частью нового, европеизированного пищевого кода, требовал определенного осмысления: как словарь с известной естественной задержкой фиксирует слово в определенном значении, так и культурный феномен с течением времени требует текстового

¹ Неслучайно одним из направлений конференции «Пищевой код в славянских культурах» (Москва, Ин-т славяноведения РАН, 2008) было изучение социально-исторической изменчивости пищевого кода.

обобщения имеющихся о нем знаний, фиксирующего его место в жизни социума. В 1733 году в немецко-русском научно-популярном академическом журнале «Примечания к Ведомостям» появилась статья «О шоколаде» [Примечания, 1733, с. 5–8], в которой была предпринята краткая попытка осмыслить потребление шоколада и представить его историческое описание¹.

Статья начинается с введения шоколада в один ряд с чаем и кофе² и определения его отличий от этих напитков: *Шоколат от чая и кафея наипаче двояким образом разнствует. Первое что чай и кафе суть простыя растущия вещи <...> а на против того шоколат есть художеством из различных плодов зделанное смешение. Второе что шоколат употребляется в своем существе; а на против того из чая и из кафея обыкновенным образом только сила в некоторои тинктуре вынимается* [Примечания, 1733, с. 5]. В данном случае обратим внимание на структурированное (*Первое что <...> Второе что*) противопоставление как простоты и сложности приготовления исходного сырья (*простыя растущия вещи – из различных плодов зделанное смешение*), так основных особенностей потребления (*употребляется в своем существе – сила в некоторой тинктуре вынимается*). Таким образом, шоколад представляется читателю как составной продукт, который в то же время является самоценным с пищевой точки зрения, – в отличие от простых по составу, но сложных в правильном приготовлении чая и кофе.

Затем, как и в случае с чаем и кофе, следует небольшой этимологический и ботанический экскурс, посвященный составным частям шоколада: *Главнейшия части шоколата суть ядра какао и ваниллы. Какао есть плод дерева называемаго какавате, которое в Америке иногда само собою растет, а иногда посажено бывает <...> Ваниллы, по Американски Тлилохите, есть стручок <...> у*

¹ Мы не останавливаемся на общей и российской истории шоколада: она описана многократно и подробно, обобщающий взгляд см., например, в [Ершова, Беляев, 2011]. Отметим, что слово шоколад относится к числу наиболее орфографически вариативных лексем XVIII века: встречаются (в некоторых случаях – однократно) варианты шоколат, шекулат, шеколад, шикюлад, шикюлат, шокелат, шоколаде, чеколад, чекулад, чоколад, коколат, каколата. Относительная стабилизация написания происходит во второй половине века.

² Это закономерно: годом ранее в «Примечаниях» уже были опубликованы статьи о чае и кофе. Триада «чай-кофе-шоколад» упоминается в статье «О кафе»: Чай, кафе и шоколаде есть в нынешния времена очюнь частое питие <...> Некоторые делают сие ради здоровья, другие от обыковения; многия желая во всем другим последовать [Примечания, 1732, с. 339]. Здесь и далее цитаты приводятся в упрощенной графике с сохранением орфографии и пунктуации оригинала.

которого вкус есть ароматичный и запах так силен как у Москуса [Примечания, 1733, с. 5]. По данным «Словаря русского языка XI–XVII веков» и «Словаря русского языка XVIII века», слово *какао*, впервые отмеченное в русском языке в 1670 году, до второй половины XIX века обозначало либо шоколадное дерево (ср. *какаоина*, *какаовник*), либо зерна плодов, произрастающих на этом дереве. Академический «Словарь церковнославянского и русского языка» 1847 года фиксирует эти же значения, и только в Словаре В.И. Даля встречается упоминание приготавливаемого из зерен какао *напитка какао*. Слово *ваниль* в варианте *ванилья* датируется 1727 годом, получая относительное распространение к середине века. Таким образом, пояснение обоих слов было вызвано не только научными, но и языковыми и общекультурными соображениями. Сопоставление же силы запаха ванили и мускуса может свидетельствовать о том, что последний был несколько более известен ко времени написания статьи (первая фиксация в русском языке относится к 1628 году). Современные медиатексты нередко предлагают читателю подобные сведения – хотя бы в кратком виде (например, пояснения названий мясных блюд, выпечки и видов сыра).

Достаточно подробно описывается внешний вид растения, его листьев и плодов, для лучшего представления описание также сопровождается сравнениями с уже известными читателю плодами (*желтыя плоды померанца нечто побольше; зерна <...> подобны мигдальным*). По мнению З.М. Петровой, в русской ботанической науке XVIII века подобная детализация цвета и формы, а также система сравнений обыкновенно обусловлена желанием автора дать максимально точное описание растения, вызвать в сознании читателя наглядный образ [Петрова, 1999, с. 50]. Отметим, что в современных медиатекстах столь подробное описание не требуется, поскольку автор достаточно легко может снабдить текст фотографией (особенно в случае электронных изданий).

После этого автор статьи переходит к описанию процесса приготовления собственно шоколада: *Делается так называемой шоколат на подобие твердаго, сухаго, и нарочито тяжелаго теста, во всяких формах, цветом темноват, приятнаго и ободряющаго запаху и вкусу <...> Шоколат инако в Индии, инако в Гишпани, Франции и Италии, инако в Немецкой земли и в других местах делается* [Примечания, 1733, с. 6–7], далее следует рецептурное объяснение пропорций. За счет употребления названий европейских

стран и Индии¹, а также безымянного множества любителей шоколада, объединенных неопределенным местоимением *иные*, начавшееся в России употребление шоколада фактически вписывается в общемировой культурный контекст (отметим, что американское происхождение шоколада вряд ли могло оказать существенное влияние на рост его популярности, поскольку сведения большинства российских читателей об обеих Америках были достаточно скудны, хотя в переводных текстах они встречаются²). Уподобление шоколадной массы сухому тяжелому тесту так же, как и приведенные выше сравнения, должны дать читателю представление о внешнем виде и консистенции продукта, а прилагательные с качественным значением *приятный* и *ободдряющий* – сформировать чувственное восприятие будущего напитка, основа которого приятна даже на стадии подготовки к варке. В современных медиатекстах, особенно относящихся к трэвел-журналистике, подобные описания могут занимать значительную долю объема.

После описания варки шоколадного теста на воде или молоке (нередко – с определенными приправами и/или яичным желтком для лучшего образования пены) автор статьи переходит к сведениям о популярности и пользе шоколада. Популярность, как и в случае с чаем и кофе, демонстрируется с помощью устойчивых сочетаний (в первую очередь – *войти в обыкновение*), количественных данных и примеров из европейского бытования напитка в кругу высокопоставленных лиц: *Индианцы так в него влюбались, что в одной только Новой Испании в год больше двенадцати миллионов фунтов сахара на оной исходит. В самой Европе он в такое обыкновение вошел, что на пример в Испании живущий человек тогда себя в худом состоянии быть думает, когда он шоколату не имеет. В Италии такожде наибольшие люди, а особливо духовнаго чина, сего питья очюнь много употребляют* [Примечания, 1733, с. 7]. С помощью таких слов и выражений в сознание читателя закладывалось желание подражать европейцам: во-первых, не отставать от них в бытовых обыкновениях (своеобразная бытовая

¹ Аналогично в статьях о кофе и чае: соответственно европейские страны, Турция и Египет и европейские страны, Китай и Япония.

² Ср.: Лучшей прибыток онаго острова <Ямайки – А.М> состоит из сахару, и каковая из чего шокелат делается (Гюбнер И. Земноводного круга краткое описание. М., 1719. С. 395). В то же время в Примечании 55 к сатирам Антиоха Кантемира встречается и индийская принадлежность шоколада: Шоколад есть состав из ореха, какао называемый, который растет в Индиях Западных, из сахару и из ванили, другого пахучаго овоща той же Индии. Тот состав варят в воде или молоке, и пока варится оный, часто болтают, чтоб пить горячий с пеною, и то пойло вместо завтрака принимается во всей почти Европе.

мода), во-вторых, уподобляться европейской знати, любовью к шоколаду возводившей его на особую ступень в пищевой иерархии. Обратим отдельное внимание на использование глагола *влюбиться*: он не относится к формировавшемуся в то время русскому любовному лексикону, а употребляется в достаточно традиционном значении «начать испытывать пристрастие к чему-либо».

Польза шоколада, помимо эстетического наслаждения вкусом и запахом, состоит в его калорийности (или, как сказано в статье, *питательной силе*). Здесь перед нами сочетание качественных характеристик шоколада и слов и выражений, связанных с приемом пищи и насыщением: *Он вкус и запах приятный, и великую питательную силу иметь сказывается <...> Шоколат к питанию способен есть. Ещезе ежели кто при употреблении приятного шоколата одну или другую излишнюю чашку выльет, тот приметит, что это ему будет противно, или его позывание на пищу отобьет <...> И так он может у здравого человека позывание на пищу утолить, и его естественныя силы содержать* [Примечания, 1733, с. 7]¹. Автор статьи позволяет себе и легкую иронию, связанную с нередко встречающимися завышенными ожиданиями чудодейственных свойств подобных напитков: *Но может ли он стараго человека опять молодым зделать, оное оставляем мы мечтанию тех людеи, которые сие утверждают* [Примечания, 1733, с. 7].

Наконец, важным является вопрос о допустимости употребления шоколада в пост. Сообщение свойств шоколада во многом было призвано подвести читателя к финальному положению о том, что его можно свободно пить в пост, что было важно как для немецкоязычной, так и особенно для русскоязычной аудитории «Примечаний». Автор статьи в этом случае практически полностью полагается на исследования ученых мужей, исходящие из религиозного противопоставления еды и напитков: *Понеже по правилам святаго Фомы токмо пища пост нарушает, а не питие, то некоторые, ради объявленных причин, шоколат почитают за питие, а некоторые за пищу* [Примечания, 1733, с. 8]. Рассмотрение вопроса логически упорядочено с помощью системы противопоставлений и сравнений, задаваемой посредством цепочки

¹ Несколько иначе понимается польза шоколада в конце века. В «Прибавлении к Московским ведомостям» 1783 г. читаем: Кофе разжигает кровь, производит в ней остроту, снедает соки, иссушает волокны, и препятствует росту и образованию тела. То же производит шоколат (с. 96). В Англии шоколад считали великим благом для армии и особенно флота, поскольку он не только согревал тело изнутри и утолял чувство голода, но и подбадривал дух солдат и матросов, не опьяняя их.

союзов и вводных слов, и апеллирует к уже существующей традиции виноделия и пивоварения, которое позволяет сделать вполне однозначный вывод: *Одна унция ядер какао больше питает, нежели один фунт говядины или баранины. И так сии последние думали что шоколат в пост употреблять не надобно: понеже тем церковныя правила не чувствительно нарушаются. Но другие на против того предлагали, что шоколат по своему естеству во всем свете за питие почитается, так как пиво и вино в Европе. Чего ради ежели пиво и вино в пост пить можно, то и питие шоколата не противно правилам есть <...> Ради сеи же причины надлежалоб такожде питие вина и пива заказать; для того что пиво из ячменю варится, и следовательно питательно быть должно, а вино по свидетельству Галена так питательно есть как свинина <...> Таким способом шоколат есть в пост дозволенное питие* [Примечания, 1733, с. 8]. Подчеркнутая выше с помощью типичного для «Примечаний» наречия *особливо* любовь к шоколаду итальянских священников (*наибольшие люди, а особливо духовнаго чина*) также могла способствовать созданию одобрительного отношения к шоколаду со стороны духовенства. Конечно, приведение в качестве примера вина и пива как разрешенных в католический пост напитков входило в определенное противоречие с православной традицией запрета на алкоголь во время поста, однако в контексте европеизации российского общества оно было допустимым с точки зрения автора статьи.

Уже в середине XVIII века шоколад стал достаточно распространен в обществе¹, а к концу века занял свое место в пищевом коде различных сословий, уступая, конечно, чаю и кофе. Статья «О шоколаде» была одной из первых попыток утвердить новый напиток, рассказав о нем как о позитивном явлении в жизни российского общества. Современные медиатексты подобного содержания во многом схожи со статьями трехсотлетней давности: отличия могут быть обусловлены появлением новых данных, наличием иллюстративного материала, более ярким проявлением авторского «я», тональностью текста и другими факторами, но общая композиционная и стилистическая преемственность представляется нам очевидной.

¹ Показательна реплика в одном из переводных «домашних разговоров» Г. Ф. Платца (СПб., 1749), призванных привить российскому юношеству определенную бытовую культуру поведения: Вот лежит сколь много какао. Я зделаю из него шоколат. Ах, сколь приятно мне слышать о шоколаде.

Литература

- Богданов К.А. О крокодилах в России. Очерки из истории заимствований и экзотизмов. М., 2006.
- Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. М., 1982.
- Ершова Г.Г., Беляев Д.Д. Взбивая пену шоколада: Какао в Древней Америке. М., 2011.
- Мальшев А.А. Лингвостилистические особенности культурно-просветительских журналистских текстов XVIII века // Медиалингвистика. СПб., 2015. № 3(9).
- Петрова З.М. Язык русской ботанической науки XVIII века. СПб., 1999.
- Примечания к Ведомостям. СПб., 1733.
- Редькина Т.Ю. Речевая экспликация ситуационной модели: лингвопрагматологический подход (на материале трэвел-текста) // Медиалингвистика. СПб., 2015. № 2(8).
- Сметанина С.И. Медиа-текст в системе культуры: Динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века. СПб., 2002.
- Щеглова Е.А. Очерки путешествия И.А. Гончарова «Фрегат “Паллада”» как источник лексикологического исследования. СПб., 2015.

СРЕДСТВА ПРАГМАТИЗАЦИИ НАЗВАНИЙ РОССИЙСКИХ И БРИТАНСКИХ ТЕЛЕПЕРЕДАЧ

М.М. Сулейман

Ключевые слова: гемероним, ономастическая коннотация, способы номинации, средства прагматизации.

Keywords: hemeronims, onomastic connotation, ways of nomination, pragmatic means.

Являясь одним из разрядов имен собственных, названия телепередач занимают определенное положение в ономастическом поле. К центральному понятию в ономастике относится идеоним, под которым в «Словаре русской ономастической терминологии» объединены «различные категории имен собственных, имеющих денотаты в умственной, идеологической и художественной сфере человеческой деятельности» [Подольская, 1988, с. 61]. Исходя из этого определения, мы делаем вывод, что и названия телепередач являются одним из видов идеонимов, их можно отнести к гемеронимам (от греч. «день, сутки + имя»). Однако под данным термином названия телепередач не рассматриваются. К разряду гемеронимов автор

словаря относит «собственные имена органов периодической печати, в том числе газет, журналов, информационных бюллетеней» [Подольская, 1988, с. 46]. И.В. Крюкова расширяет данное понимание гемеронимов, включая в него все названия средств массовой информации, в том числе «радио-, теле-, видео-, кинохроникальные программы» [Крюкова, 2004, с. 32]. Таким образом, названия телепередач мы рассматриваем среди других видов гемеронимов, поскольку они, как и другие названия средств массовой информации, номинируют материалы, выходящие в эфир с определенной периодичностью, единые по тематике и концепции [Сулейман, 2016].

Современные названия телепередач, функционирующие в поликультурном медиапространстве, вовлеченные в конкурентную борьбу за высокие рейтинги, реализуют аттрактивную функцию, заключающуюся в способности данных номинаций выступать средством управления вниманием, и суггестивную функцию, направленную на оказание воздействия на психику потенциального адресата. Это определяет актуальность анализа названий телепередач с точки зрения прагмалингвистики, «занимающейся выбором наиболее оптимальных из имеющихся в языке средств для наиболее успешного воздействия на адресата, для эффективного достижения намеченной цели в конкретных обстоятельствах речевого общения» [Степанов, 1981, с. 325].

Цель данной работы – выявление и сопоставление средств прагматизации названий российских и британских телепередач.

Материалом исследования послужили 810 названий передач (из них 406 российских и 404 британских), полученных путем сплошной выборки из телевизионных программ 19 каналов российского и 17 каналов британского телевидения, за период с 1990 по 2017. В результате объектом прагмалингвистического анализа стали отражающие современное состояние проблемы названия телепередач, различных по жанровой принадлежности: развлекательных, информационных, научных, документальных, спортивных, детских. Применение метода контент-анализа позволило определить частотную представленность средств прагматизации по отношению к общему количеству отобранных для анализа номинаций.

Анализ показал, что к основным способам номинации, как на российском, так и на британском телевидении, относятся: лексико-семантический, лексико-синтаксический, словообразовательный и комплексный. Внутри каждого способа выделяются свои средства прагматизации.

Лексико-семантический способ представлен такими средствами прагматизации, как трансонимизация – переход онима одного разряда в другой [Подольская, 1988, с. 138]; онимизация – переход апеллятива через смену функции в имя собственное [Подольская, 1988, с. 91]; а также заимствования. Названия телепередач, созданные данным способом, сохраняют значение слов и словосочетаний, от которых они образованы. В данном случае можно говорить об ономастической коннотации, которую И.В. Крюкова рассматривает как сложный макрокомпонент семантики онима. Актуализаторами ономастической коннотации у имен с аттрактивной и суггестивной функцией выступают коннотативные компоненты значения слова, положенного в основу онима при его создании [Крюкова, 2011, с. 140].

В случае трансонимизации для образования гемеронимов используются знакомые адресату коннотативно окрашенные онимы других разрядов. Так, названиями телепередач становятся широко известные антропонимы – имена телеведущих или героев программ: «*Познер*», «*Вечерний Ургант*», «*Buddy*», (*Buddy* – ведущий телепередачи о кулинарии), «*Mr Selfridge*», (*Mr Selfridge* – создатель магазина на Оксфорд Стрит, главный герой программы); библионимы: «*Дом на набережной*», «*Дом с мезонином*», «*Doctor Who*», «*Pride and Prejudice: Having a Ball*». Такие названия телепередач ассоциативно связаны с индивидуальным мировоззрением телеведущего или с художественным произведением литературы и кинематографа.

Процессы онимизации представлены однословными названиями телепередач, в основе которых используются одиночные слова естественного языка. Это преимущественно существительные: «*Сделка*», «*Новаторы*», «*Breakfast*», «*The Hunger*». Единично представлены названия, образованные от других частей речи. Например, от прилагательных: «*Рыжие*», «*Unforgettable*» или от наречий «*Сегодня*», «*Now*». В подобных названиях зачастую используется нейтральная лексика, однако ее тоже можно считать прагматически значимым средством, поскольку данные слова связаны с содержанием телепередачи, что способствует актуализации прагматического принципа информативности.

На российском телевидении широко используются заимствования, преимущественно англицизмы, что отражает влияние англоязычной культуры посредством доминирующего образца, модели для подражания. Лексемы заимствуются в своем первоначальном графическом облике: «*Yesterday live*», «*Comedy Club*», «*Love Story*» и др. При этом российские названия телепередач на английском языке обладают прагматическими коннотациями престижности. На

британском телевидении названий-заимствований не так много, заимствуются слова и устойчивые словосочетания, обозначающие реалии, известные массовому адресату. Например, название телепередачи «*Auf Wiedersehen My Pet*» (от нем. *Auf Wiedersehen* – до свидания).

Контент-анализ показал, что лексико-семантический способ использовался при номинации 24% программ от общего количества российских телепередач (7% трансонимизация, 12% онимизация, 5% заимствования) и 10,6% британских телепрограмм (1% трансонимизация, 8,6% онимизация, 1% заимствования).

Лексико-синтаксический способ представляет процесс номинации телепередач при помощи словосочетаний или предложений. В рассмотренном материале преобладают двусловные словосочетания с согласованием: «*Контрольная закупка*», «*Особый случай*», «*American Guns*», «*The Amazing Race*»; и управлением: «*До суда*», «*A Taste Of Cuba*» и др. Здесь отмечаются названия-словосочетания с заимствованиями из других языков. Они отличаются особой игровой выразительностью. Например, «*Hawa Russia*», «*Cirque Du Soleil: La Nouba*». Сочинительные словосочетания встречаются реже: «*Здесь и сейчас*», «*Мы и время*», «*Sarah and Duck*», «*Mike and Molly*». Причем на российском телевидении данные программы прямо или косвенно указывают на тематику передачи, а на британском – в основном на главных героев.

В рекламных целях создатели названий используют побудительные предложения, обладающие наибольшим прагматическим потенциалом: «*Снимите это немедленно!*», «*Ешь и худей!*», «*Смотреть всем!*», «*Must Love Cats*», «*Don't Tell the Bride!*», «*Take Me Out*» и др. Реже используются вопросы и восклицания: «*How Do They Do It?!*», «*How It's Made?!*», «*Кто сверху?!*», «*Хочу все снять!*», «*Невозможное, возможно!*». Кроме того, последние примеры являются аллюзиями на другие известные тексты – популярную песню в исполнении Д. Билана и передачу советского времени «*Хочу все знать*». В данном случае межтекстовая каламбурная многозначность рассчитана на адресата определенного возраста.

Особую группу прагматически маркированных названий-предложений составляют обращенные к адресату фразы русского и британского речевого этикета. Например, следующие названия телепередач: «*Доброе утро*», «*Доброго здоровья*», «*Спокойной ночи, малыши*», «*Good morning, Britain*».

Кроме того, на британском телевидении очень часто встречаются программы-советы или хит-парады, названия которых практически

всегда созданы лексико-синтаксическим способом, например, советы по расставанию с любимым человеком «*50 Ways To Leave Your Lover*», хит-парад самых опасных убийц «*Most Evil*», хит-парад редких пород кошек и пород собак в Англии «*Cats 101*», «*Extraordinary Dogs*» и др.

Всего лексико-синтаксическим способом созданы названия 66% российских телепередач, из них 51% составляют словосочетания и 15% – прагматически маркированные предложения. В Великобритании данным способом образованы 73% названия телепрограмм, из них 45% составляют словосочетания и 28% – предложения.

Словообразовательный способ представлен в основном языковой игрой, с помощью которой наиболее ярко актуализируется прагматический принцип аффективности. Как на русском, так и на британском телевидении активно используется аффиксация: «*Узнавайка*», «*Ютьюбинск*», «*The Nuntums*», «*Teletubbies*», «*Pinky Dinky Doo*». Второй по распространенности способ – словосложение: «*Валидуб*», «*Экополис*», «*Weatherview*», «*Rastamouse*». Выделяется группа прагматически маркированных названий с первым элементом *Супер*–: «*Супергерои*», «*СуперИнтуиция*»; или *Mega*–: «*MegaQuake: The Hour That Shook Japan*», «*Megastorm: World's biggest Typhoon*». Последние примеры демонстрируют намеренное нарушение орфографии. С учетом данного приема к словосложению можно также отнести слитное написание слов, которые за пределами данного названия принято писать раздельно. Например, «*ПРОЖЕКТОРПЕРИСХИЛТОН*».

Данным способом образованы 6,6% российских и 9,4% британских телепрограмм, что показывает практически одинаковое внимание российских и британских создателей названий к словообразовательным возможностям языков.

Суть комплексного способа заключается в том, что в названия программ включаются небуквенные знаки. Среди них первое место занимают знаки компьютерного дискурса. Темпы развития компьютерного сленга чрезвычайно высоки, поэтому многие его элементы стали употребляться достаточно широко, утратив значение «символа» принадлежности к социальной группе, и став обычными в ситуации массового общения. Включение подобных знаков в название телепередачи делает его прагматически маркированным, модным и современным: «*V_PROkate*», «*Вестнi.ru*», «*Интер@ктив*», «*Утренняя RU_zone*» и др.

В состав исследуемых гемеронимов активно включаются также и математические знаки. Например, цифры: «*33 квадратных метра*», «*13 кинолаж*», «*Золушка 2:0*». Среди математических знаков отметим широко распространенные названия со знаком +, который в составе названий телепередач имеет несколько значений: указывает на расширенность

информации – «Вести+», на присутствие дополнительных ведущих – «Малахов +», на безоговорочную поддержку точки зрения или высказывания участника на форуме или в блоге – «+100500» (+100500 – интернет-мем, знак одобрения), а в сочетании с цифрой 5 – на высокое качество – «Мама на 5+».

В последнее время на британском телевидении также была отмечена тенденция использования математических знаков, например, цифр. Это могут быть исторические даты – «9/11: *Heroes of the 88th Floor*», что имеет сильный прагматический эффект, напоминая о событиях, произошедших в Америке 11 сентября.

Отмечается также тенденция использования соединительных знаков, таких, как «&», в следующих программах: «*Fred & Rose: The West Murders*», «*Law & Order: UK*», «*Ant & Dec's Saturday Night Takeaway*» и др. Приведенные примеры демонстрируют прагматическую направленность названий телепередач.

Комплексным способом были образованы 3,4% российских и 7% британских телепередач.

Анализ показал, что выбор средств прагматизации телепередач на российском и британском телевидении, во-первых, зависит от жанра программ. При создании развлекательных программ зачастую обращаются к словообразовательному способу, представленному языковой игрой на основе словосложения и аффиксации, а также комплексному способу с использованием чисел, математических знаков и символов, намеренным слитным написанием слов, что делает название аттрактивным и при этом снижает аналитичность и критичность его восприятия. В данном случае можно говорить о реализации прагматического принципа аффективности. При создании информационных и документальных программ, напротив, отдается предпочтение лексико-семантическому способу с прямым указанием на тематику телепередачи, что создает благоприятные условия для восприятия информации. Здесь в полной мере реализуется прагматический принцип информативности.

Во-вторых, использование различных средств прагматизации имеет национально-культурную специфику. Кроме универсальных средств прагматизации, практически равномерно представленных на российском и британском телевидении, наблюдаются некоторые предпочтения при выборе данных средств. К универсальным можно отнести словосочетания и предложения, которые четко передают содержание программ. При этом на британском телевидении, как показал представленный выше анализ, отдают предпочтение названиям, образованным комплексным способом с использованием математических знаков и символов. На российском

телевидении к наиболее популярным средствам прагматизации относятся заимствования слов из других языков, преимущественно английского, и трансонимизация.

Однако, несмотря на некоторые различия в средствах прагматизации, отмечается общий для всех создателей названий, вовлеченных в конкурентную борьбу за зрителя, лингвокреативный подход к существующим номинативным практикам, повышенное внимание к семантике номинативных единиц, от которых образованы названия, к словообразовательным возможностям языков, преобладание игрового начала.

Литература

- Крюкова И.В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности. Волгоград, 2004.
- Крюкова И.В. Прагматика онима: направления исследования и методика анализа // Известия Волгогр. гос. пед. ун-та. 2011. № 8 (62).
- Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1988.
- Степанов Ю.С. В поисках прагматики (Проблема субъекта) // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. 1981. Т. 40. № 4.
- Сулейман М.М. Место названий телепередач в системе имен собственных // Известия Волгогр. гос. пед. ун-та. 2016. № 6 (110).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ТВОРЧЕСТВО АБАЯ КУНАНБАЕВА В ЗАРУБЕЖНОЙ РЕЦЕПЦИИ

В Институте литературы и искусства им. М.О. Ауэзова КН МОН РК издан сборник «Творчество Абая Кунанбаева в зарубежной рецепции» (2016), подготовленный научными сотрудниками отдела внешних литературных связей под общей редакцией академика НАН РК, доктора филологических наук У.К. Калижанова. Книга вышла в серии «Международные связи казахской литературы».

Абай Кунанбаев – великий казахский поэт, просветитель, философ и общественный деятель второй половины XIX века. Его популярность в современном Казахстане неоспорима. Казахский народ почитает Абая, гордится им и отдает дань уважения. Память об Абае поддерживается на государственном уровне. Его произведения изучаются в учебных заведениях. В отечественном литературоведении развивается отдельное направление – абаеведение. Философские эссе, стихотворения, поэмы Абая периодически издаются не только на казахском языке, но и на языках стран ближнего и дальнего зарубежья. Наряду с казахстанскими учеными важный вклад в изучение поэтического и прозаического наследия Абая вносят литературные критики, ученые-литературоведы, писатели и поэты из стран ближнего и дальнего зарубежья. В связи с этим произведения Абая занимают важное место в процессе зарубежной рецепции казахской литературы.

В сборник включены статьи авторов из 27 стран ближнего и дальнего зарубежья, посвященные творчеству Абая Кунанбаева за период с 1941 по 2016 годы. Представлены такие аспекты инациональной литературной рецепции, как предисловия и послесловия к книгам Абая на мировых языках; отзывы в газетах и журналах; доклады зарубежных участников конференций; биографические справки в мировых энциклопедиях; научные монографии, изданные за рубежом. Ряд статей впервые переведен на русский язык.

Следует обратить внимание на предисловия к книгам Абая, изданным в дальнем зарубежье. В советский период таких изданий было немного. Это книга «Абай Кунанбаев. Три поэмы», изданная на китайском языке в Пекине в 1958 году с предисловием Ха Хуаньчжана и вышедшая на чешском языке в 1959 году книга «Слова назидания» с предисловием чешского писателя

Франтишека Соукуп. Чешское издание можно считать первым переводом произведений Абая на европейский язык.

Большинство книг с произведениями Абая на языках мира вышло в 1995 году, когда на мировом уровне под эгидой ЮНЕСКО праздновалось 150-летие Абая Кунанбаева. Тогда в Иране была издана книга «Произведения и мысли Абая», а в Пакистане – «Избранные стихи Абая Кунанбаева». Появление книги «Произведения и мысли Абая» на фарси явилось знаменательным событием в культурной жизни Ирана и Казахстана, так как до этого произведения Абая не публиковались в Иране. Издание этой книги стало возможным благодаря стараниям Чрезвычайного и Полномочного посла Исламской Республики Иран в Республике Казахстан Расула Ислами, чье предисловие вошло в данный сборник. Вступительная статья представлена иранским литературоведом Али Астар Ширдустом. «Избранные стихи Абая Кунанбаева» на язык урду были переведены известным пакистанским переводчиком Халид Икбал Ясиром. Он же – автор предисловия «Абай – гордость эпохи». В Улан-Баторе на монгольском языке вышла в свет книга «Абай Кунанбаев. Избранные произведения». Автором предисловия под названием «Великий поэт Азии» является монгольский писатель и драматург Хабышийн Ислам. С французского языка переведено послесловие Кристиана Висанти «Воистину прекрасна земля Абая» к сборнику избранных стихотворений Абая Кунанбаева «La poésie est la reine des mots...» («Поэзия – царица слов...»), изданному в 1995 году. Тогда же издана книга «Abai Kunanbaïouly. Reflexions en prose, poèmes “Iskander” et “Masgoud”» с предисловием Альбера Фишлера «Давайте читать Абая!». На турецком языке «Избранные произведения Абая» сопровождаются предисловием Зия Йылмазера, который в 1995 году являлся заместителем председателя ТЮРКСОЙ. Появление книги с произведениями Абая в Турции стало возможным благодаря деятельности этой организации. Предисловие Зия Йылмазера открывает раздел «Турция» данной книги.

Процесс перевода произведений Абая на иностранные языки продолжается и в XXI веке. В 2000-е годы на немецком языке изданы три книги. В 2001 году издана книга «Abai. Buch der Worte» на немецком языке с предисловием Посла Федеративной Республики Германия Андреаса Кертинга. В 2007 году в Германии в Кельне вышла в свет книга «Abai. Zwanzig Gedichte». Перевод на немецкий язык осуществил литературовед и переводчик из Берлина Лео Кошут. Свое послесловие он назвал «Мой путь к Абаю и проблемы перевода его стихов». Книга «Абай. Двадцать стихотворений» издана в серии «Kasachische Bibliothek». В 2010 году в Год Германии в Казахстане и в честь 165-летия Абая Кунанбаева издана на немецком языке книга «Абай. Поэзия и проза. Слова назидания» с предисловием Посла Федеративной Республики Германия Райнера Шлагетера. В 2006 году на болгарском языке издан сборник «Книга слов» и поэмы «Искандер и Масгут». Автор предисловия – болгарский поэт и переводчик Иван Иванов. В 2013 году в Варшаве состоялась презентация книги «Abaj Kunanbaïouly. Słowa» на польском языке. Предисловие Хенрика Янковски, переводчика «Книги слов», переведено с польского языка и включено в раздел «Польша».

В сборник «Творчество Абая Кунанбаева в зарубежной рецепции» вошли

также выступления зарубежных участников Юбилейной сессии Национальной Академии наук РК, посвященной 150-летию со дня рождения Абая Кунанбаева, проходившей в г. Алматы в 1995 году. Среди них Ф. Майор, А.А. Велаяти, Ч.Т. Айтматов, И.Ф. Курас, А. Фишлер, А.Х. Дани, В.В. Гниломедов, М. Жакып, М. Карим, Р. Шарма, Ж. Перар, М. Перро, Ф.Ф. Кузнецов, А. Келемен, Й. Торма, М. Кирхнер, М. Эрдаль. Торжественное празднование 150-летия со дня рождения Абая Кунанбаева было первым юбилейным мероприятием для литературы и культуры Казахстана, которое проводилось под эгидой ЮНЕСКО. Широкомасштабные мероприятия, посвященные юбилею великого казахского поэта и просветителя, были организованы в Германии, Франции, Великобритании, США, Венгрии, Турции, Китае, Египте, Индии, Пакистане, Монголии, России, Украине, Узбекистане и других странах СНГ.

В 1997 году в Национальной библиотеке Республики Казахстан при поддержке Национальной комиссии Республики Казахстан по делам ЮНЕСКО состоялся Международный Абаевский вечер с участием зарубежных ученых Х. Каскауи (Иран), С.С. Сюня (Китай), М.А. Хана (Пакистан). Тексты их выступлений включены в данный сборник.

В 2000-е годы продолжается традиция чествования Абая Кунанбаева на международном уровне. В 2004 году в Алматы Институтом литературы и искусства им. М.О. Ауэзова КН МОН РК проведена Международная научно-практическая конференция, посвященная столетней годовщине со дня кончины великого казахского поэта. На конференции выступили посол Турции в Казахстане Т. Себен, посол Венгрии в Казахстане М. Яцкович, директор Индийского культурного центра А. Мишра, главный научный сотрудник Академии общественных наук Китайской Народной республики Х. Жунсян, докторант Мичиганского университета США Е.-М. Дюбуиссон, литературовед из Таджикистана В. Абдуллоев. Тексты их выступлений вошли в данный сборник.

В 2005 году в Астане в честь 160-летия Абая Кунанбаева прошла международная научная конференция «Абай мұрасы – тiлдiк өрiстiң негiзi» с участием французского литературоведа А. Фишлера. Он выступил с докладом «Творчество Абая и французский язык». Присланный им текст доклада переведен с французского языка на русский и включен в сборник «Творчество Абая Кунанбаева в зарубежной рецепции».

В 2010 году в Институте литературы и искусства им. М.О. Ауэзова КН МОН РК проведена Международная научно-теоретическая конференция, посвященная 165-летию со дня рождения Абая Кунанбаева с участием А. Харавийна (Монголия), Ч. Кадыра (Турция), И. Тарханова (Татарстан).

В сборник включены выступления ученых из Турции и Татарстана, принявших участие в 2015 году в международных научных конференциях в честь 170-летия Абая Кунанбаева. Советник Чрезвычайного и Полномочного посла РК в Турции, переводчик стихотворений Абая на турецкий язык З. Кибар и профессор Казанского университета Х. Миннегулов выступили 6 августа 2015 года в городе Семей в Государственном университете им. Шакарима на конференции «Абай және әлемдік өркениет» и 30 октября 2015 года в Астане в

Назарбаев университете (Nazarbayev University) на конференции «Абай – мировой феномен».

Литературовед, издатель, писатель Алесь Карлюкевич (Беларусь) принимал участие в Международной научно-практической конференции, посвященной 170-летию Абая Кунанбаева «Абай в мировой цивилизации: литературное наследие и вопросы абаеведения», проведенной в 2015 году в г. Семей Государственным историко-культурным и литературно-мемориальным заповедником-музеем Абая совместно с Институтом литературы и искусства им. М.О. Ауэзова. Текст доклада А. Карлюкевича «Произведения Абая на белорусском языке» включен в раздел «Беларусь».

Раздел «Россия» состоит, в основном, из статей в прессе, рецензий на поэтические сборники Абая М. Зенкевича, А. Коптелова, С. Маркова, В. Шкловского, З. Кедринной, Л. Соболева, К. Алтайского, опубликованных в советский период. Причем статьи М. Зенкевича и А. Коптелова являются откликом на книгу «Абай Кунанбаев. Лирика и поэмы», вышедшую в свет в 1940 году в Москве под редакцией Л. Соболева с предисловием М.О. Ауэзова. Кроме того, включены статьи современных авторов из России Н. Анастасьева (Москва, 2008), К. Султанова (Москва, 2013), Н. Искакова (Астрахань, 2015), Л. Агишевой (Тольятти, 2015) и другие.

В раздел «Пакистан» вошли опубликованные в газетах «The Pakistan Times», «The Nation», «The News» следующие статьи, посвященные Абаю Кунанбаеву: «Великий казахский поэт, мыслитель и просветитель Абай Кунанбаев», «Абай – поэт и душа Казахстана», «Абай Кунанбаев – просветитель казахского народа». О том, как прошло празднование 150-летия великого казахского поэта в Пакистанской Академии литературы поведала С. Аслам на страницах журнала «The Muslim» в статье «Казахский поэт учит свой народ преодолевать трудности». Кроме того, читатели смогут ознакомиться со статьями М.А. Хана «Абай глазами пакистанского народа» и Х.М.Т. Ахмада «Абай – поэт открытого пространства».

В книгу включены биографические статьи из немецких энциклопедий «Meyers Neues Lexikon», «Meyers Universal Lexikon», «Brockhaus Enzyklopädie», «Der Literatur Brockhaus», американской «The New Encyclopaedia Britannica», французских «Grand Larousse encyclopédique», «Dictionnaire universel des littératures».

Ряд статей получен в результате установления научных и творческих контактов. Так, статьи «Абай в Берлине» и «Мой путь к Абаю и проблемы перевода его стихотворений» получены лично от автора – Л. Кошута – немецкого литературоведа из Берлина, так как исполнители проекта поддерживают с ним дружеские отношения на протяжении многих лет. Статья А. Карлюкевича «Абай в главной библиотеке Бреста», статьи поэта и переводчика М. Метлицкого «Светоч народного духа», «Полюбив поэта, полюбишь его народ» получены из Беларуси непосредственно от авторов. Статья «Сын всего человечества» азербайджанского ученого, доктора филологических наук, профессора кафедры литературы тюркских народов Бакинского государственного университета Ф. Агаевой включена в сборник благодаря контактам, установившимся с Центром Абая Бакинского

государственного университета. Поэтом, переводчиком из Республики Корея Ким Бен Хаком лично предоставлены статьи «Пламя степной культуры», «Абай и волшебный мир казахской степи».

Переведен с турецкого языка и включен в сборник раздел «Философский мир Абая» из научной монографии «Kazak Kültürü ve Edebiyatı Araştırmaları» («Исследование казахской культуры и литературы») турецкого ученого-литературоведа Али Аббаса Чинара. Монография вышла в свет в 2006 году в городе Мугла. Появление в дальнем зарубежье научных исследований, издаваемых в виде монографий, является основной особенностью процесса зарубежной рецепции казахской литературы в период независимости. В связи с этим представляется весьма важным включение в сборник раздела из научной монографии, изданной в Турции.

Итак, сборник «Творчество Абая Кунанбаева в зарубежной рецепции» дает возможность показать степень распространения интереса к казахской литературе в зарубежных странах. Отзывы иностранных литераторов вносят неоценимый вклад в историю казахской литературы, поскольку они представляют объективный вклад со стороны. В своих публикациях и выступлениях они обращают внимание на жизнь и творчество казахского поэта, представляя при этом читателям своей страны и казахский народ с его историей, культурой и образом жизни. В результате ознакомления с книгой можно увидеть, что творчество великого казахского поэта и мыслителя Абая получило заслуженное признание у зарубежных исследователей, они высоко оценивают его произведения, сравнивают с выдающимися личностями своих народов. По их мнению, он является классиком не только казахской, но и всей мировой литературы. Позитивная рецепция творчества Абая Кунанбаева способствует укреплению духовно-интеллектуального имиджа нашей страны.

А.К. Машакова

ФИЛОЛОГИЯ: ЛЮДИ, ФАКТЫ, СОБЫТИЯ

НАУЧНЫЕ КОНТАКТЫ В ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ: МУХТАР АУЭЗОВ И МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА¹

28 сентября 2017 года в Алматы (Казахстан) состоялся Международный научный симпозиум «М.О. Ауэзов и духовное возрождение нации», посвященный 120-летию со дня рождения М.О. Ауэзова. Среди организаторов научного мероприятия – Институт литературы и искусства им. М.О. Ауэзова Комитета науки Министерства образования и науки РК и Национальная Академия наук РК. Международный симпозиум в Казахстане собрал ученых из разных стран – США, Великобритании, Нидерландов, Турции, Киргизии, Беларуси, Узбекистана, России. В работе симпозиума приняли участие видные государственные и общественные деятели, депутаты Парламента Республики Казахстан, члены Союза писателей Казахстана, Ассамблеи народа Казахстана, представители научной и культурной интеллигенции, студенческая молодежь.

Открыл работу симпозиума докладом «Мир Мухтара Ауэзова и духовное возрождение» директор института, академик НАН РК Уалихан Калижанов, который говорил о значении творчества классика казахской литературы Мухтара Омархановича Ауэзова для современности, о его роли в национальном и мировом литературном процессе.

В выступлениях участников симпозиума Мухтар Ауэзов был представлен как активный общественный деятель, писатель, драматург, переводчик, чьи произведения известны далеко за пределами Казахстана. Ряд докладов был посвящен исследованию литературных связей казахской литературы в аспекте современной компаративистики. Казахские и зарубежные участники симпозиума всесторонне обсудили проблемы современной интерпретации художественного мира прозы писателя, новые подходы к изучению его творческой лаборатории, аспекты художественного перевода и восприятие творчества М.О. Ауэзова за рубежом. Вице-президент Национальной академии наук Кыргызской Республики Абдылдажан Акматалиев в своем выступлении осветил тему «М. Ауэзов и киргизская литература», академик Международной академии Туран Калдыбек Сейданов – тему «М. Ауэзов и узбекская литература». О трудах Ауэзова в Британской

¹ Материал подготовлен в рамках проекта РФФИ и Министерства образования и науки Алтайского края «Русская словесность на трансграничном пространстве России и Казахстана: процессы интеграции» (№ 16-14-22002).

библиотеке рассказала президент Академии Чингиза Айтматова (Лондон) Рахима Абдувалиева. Профессор Колумбийского университета Рафис Абазов познакомил с новыми исследованиями и переводами произведений М.О. Ауэзова на английский язык.

О прочтении Ауэзова в Республике Беларусь и переводах произведений писателя на белорусский язык сделал доклад заместитель издательского дома «Звезда», главный редактор журнала «Неман» Алексей Черота. В докладе директора Института языка, литературы и искусства имени Галимджана Ибрагимова (Казань) Кима Миннуллина речь шла о месте М. Ауэзова в развитии тюркоязычной литературы советского периода.

О проблемах художественного перевода и исследовании произведений М. Ауэзова в Турции рассказал доктор исторических наук, профессор Университета искусств имени Мимара Синана (Турция) Абдулуахап Кара. Проблемы историко–культурной интерпретации произведений казахской литературы за рубежом раскрыла в своем докладе кандидат филологических наук Зифа–Алуа Ауэзова (Нидерланды). О наследии великого Абая и о вкладе Мухтара Ауэзова в его пропаганду и изучение рассказал директор государственного историко–культурного и литературно–мемориального заповедника–музея Абая «Жидебай–Борили» Болат Жунисбеков.

В работе симпозиума приняли активное участие ученые Алтайского государственного педагогического университета (в рамках договора о сотрудничестве АлтГПУ с Институтом литературы и искусства им. М.О. Ауэзова Комитета науки Министерства образования и науки РК), доктор филологических наук, профессор кафедры литературы В.И. Габдуллина, доктор филологических наук, профессор кафедры литературы Е.А. Худенко, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания П.В. Маркина, представившие свои материалы по теме гранта РФФИ и правительства Алтайского края «Русская словесность на трансграничном пространстве России и Казахстана: проблемы интеграции».

На пленарном заседании Международного симпозиума также были подведены итоги творческого конкурса сочинений старшеклассников «Мой Ауэзов», победителям которого были вручены заслуженные грамоты и призы.

В заключение прошло заседание круглого стола, на котором были обсуждены актуальные вопросы современного литературного процесса и языковой политики Казахстана, а также подведены итоги работы Международного симпозиума.

Международный научный симпозиум в Казахстане, посвященный 120–летию со дня рождения М.О. Ауэзова, явился свидетельством активных процессов интеграции и разгерметизации научных знаний о современном состоянии мирового литературного процесса, межкультурной коммуникации в сфере филологической науки ученых разных стран.

С.В. Ананьева, В.И. Габдуллина

РУССКИЙ ПАДЕЖ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ИНОСТРАНЦА. ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ЭКСПЕРИМЕНТА)¹

К.И. Бринев, Н. Дауренбек, Е.А. Авакумова

Ключевые слова: падеж, преподавание падежа, русский для иностранцев.

Keywords: case, teaching case, Russian for foreigners.

В русской морфологии хорошо известна проблема номинативно сильного статуса русского падежа. Кратко ее можно сформулировать следующим образом: является ли падеж номинативно сильной категорией, отражает ли он отношения между предметами, явлениями окружающего мира или падеж номинативно слаб, а его сущность заключается только в синтаксическом элементе значения. Отметим, что наиболее популярна первая точка зрения, истоки которой трудно проследить; по крайней мере, в Академической грамматике русского языка падеж представлен как номинативно сильная грамматическая категория [Русская грамматика, 1980]. Эту позицию разделяют также: [Якобсон, 1885, Современный русский язык, 1978, Диброва, 2008] и др.

Несколько иной подход реализован в работах В.А. Успенского и А.А. Зализняка [Успенский, 1957, Зализняк, 1962]. В этой концепции падеж признается номинативно слабой, синтаксически сильной грамматической категорией. Это хорошо видно из таблицы, которая представлена в названных источниках, где номинативный компонент «состояние» оказывается нерелевантным для определения падежного ряда. При этом подходе актуализируются не номинативно значимые оппозиции, такие как субъектность, объектность, определительность, но синтаксически значимые оппозиции: зависимость / независимость, прямой / косвенный, где все зависимые падежи, противопоставленные именительному, могут рассматриваться как позиционные варианты одного зависимого падежа. Что же касается значения, то оно не является значением падежной формы, но представляет собой тип контекстуального значения, которое вытекает из семантики сочетающихся слов.

В данном исследовании разделяется вторая из названных точек зрения.

Известно, что падеж – одна из самых трудных для усвоения иностранцами категорий. Из этого, на наш взгляд, вытекает, что метаязыковые представления преподавателя о русском падеже могут оказать влияние на эффективность преподавания этой категории. Тогда как первый подход

¹ Статья печатается при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках федеральной целевой программы «Русский язык». Лот № 3 «Разработка силами образовательных организаций единого электронного пространства, объединяющего широкий спектр ресурсов для организации обучения русскому языку и на русском языке на всех уровнях подготовки».

требует больших метаязыковых объяснений (особенно для тех языков, где существуют падежи как самостоятельная категория), второй подход позволяет избежать этого, свести овладение падежом к стихийному усвоению русского падежного ряда, которое становится приближенным к усвоению падежа носителями русского языка.

Для доказательства нашей гипотезы мы провели серию экспериментов в средней школе Монголии № 75 имени Л. Энэбиша. В нем принимали участие ученики двух групп 9-ого класса – (17 и 16 человек соответственно). Одна группа была определена нами как экспериментальная, другая являлась контрольной, в последней реализовывалась традиционная номинативная методика изучения русского падежа.

Эксперимент проводился на материале темы «Ура, я в России» в период с 20 января 2017 года до 20 мая 2017 года при равной концентрации занятия в общем количестве учебных часов в группах. (3 занятия в неделю, продолжительность урока – 40 минут). При проведении эксперимента нам необходимо было определить исходный уровень владения русской устной речью.

Уровень подготовки испытуемых к моменту проведения эксперимента определялся по результатам устных и письменных ответов. Тест состоял из 10 вопросов, к каждому из которых были предложены 3 варианта ответа. Детям было необходимо выбрать из предложенных вариантов ответа один правильный. Исходный уровень знаний и подготовки учеников по русскому языку в экспериментальной группе и контрольной группе был примерно одинаковым (см. таблицу 1).

Во время прохождения используемого нами программного материала в контрольной группе (далее – КГ) занятия проводились по традиционной методике и программе, разработанной министерством образования Монголии; в экспериментальных группах (далее – ЭГ) для усвоения пространственных конструкций использовалась разработанная нами система упражнений. Языковые и речевые диалоги, упражнения были дополнены аудиозаписями.

*Констатирующий срез
Таблица 1*

Вопрос	Ответы	ЭГ	КГ
Ваза стоит	в столе на столе над столом	3(17%)	2(12%)
Володя подошел	к доске за столом под стулом	1(5%)	2(12%)
Мы долго ходили.. музею	по около в	4(23%)	3(18%)
Давай встретимся	в русский музей в русском музее русского музея	0(0%)	1(6%)

Такого озера больше нигде нет, оно единственное ...	в мир в мире на мир	5(29%)	7(43%)
Поставь сумку...	в стол в столе на стол	2(11%)	1(6%)
... стулом лежит кошка	Над Под Со	3(17%)	4(25%)
Миша идет	На школе в школу со школой	7(41%)	8(50%)
Рядом стоит наш друг Володя	к машине с машиной машину	8(47%)	6(37%)
Он с утра сидит	за компьютером к компьютеру в компьютер	2(11%)	1(6%)
Всего		34(20%)	35(21%)

Уровень	Количество учеников		Процентное соотношение	
	ЭГ	КГ	ЭГ	КГ
Высокий	0	0	0	0
Средний	1	2	6%	13%
Низкий	16	14	94%	87%

Затем нами были разработаны критерии:

1. «Высокий уровень» – определяется полным усвоением материала в области освоения русского падежа в названном аспекте.

2. «Средний уровень» – определяется не достаточным усвоением материала, знание только общих «правил» употребления падежей в названном аспекте.

3. «Низкий уровень» – определяется незнанием учебного материала по изученной теме, по которой ведется тестирование.

При сравнении двух групп мы видим, что не существует значительной разницы в уровне подготовки, поэтому считаем, что проведенный нами эксперимент обладает чистотой.

Для подтверждения чистоты исследования мы предложили ЭГ и КГ тесты другого содержания.

Таблица 2

Вопросы	Ответы	ЭГ	КГ
..... родилась елочка	в лес в лесу на лес	2(11%)	0(0%)
Твои ключи лежат	на столе на стол над столом	14(82%)	3(18%)
Маша идет	дом домой к дом	0(0%)	0(0%)
Андрей вместе братом пошел в аптеку	к с в	3(17%)	1(0.6%)
... столом лежит карандаш	под над на	11(64%)	2(12%)
..... дома много магазинов	В на около	1(0.5%)	0(0%)
Он родился 1993 году	в дархане в дархан из дархана	16(94%)	14(87%)
Какая зима ... России?	в на с	13(76%)	14(87%)
Они сидели столом и долго разговаривали	на с за	8(47%)	2(12%)
Мама сегодня ходила	по магазинам в магазине около магазина	9(52%)	3(18%)
Всего правильных ответов		77(45%) правильно из 170	39(24%) правильно из 160

Таблица 3. Результаты контрольного среза в экспериментальных и контрольных группах (после 15 уроков)

Вопрос	Ответы	ЭГ	КГ
Ваза стоит	в столе на столе над столом	17(100%)	6(37.5%)
Володя подошел	к доске доска под стулом	15(88%)	6(37%)
Мы долго ходили.. музею	по около в	9(52%)	2(12.5%)
Давай встретимся	в русский музей в русском музее русского музея	14(82%)	4(25%)
Такого озера больше нигде нет, оно единственное ...	в мир в мире на мир	13(76%)	6(37.5%)
Поставь сумку...	в стол в столе на стол	15(88%)	4(25%)
... столом лежит черная кошка	Над Под Со	16(94%)	5(31%)
Миша идет	школа в школу с школой	17(100%)	8(50%)
Рядом стоит наш друг Володя1	к машине с машиной машину	17(100%)	10(62%)
Он с утра сидит	за компьютером к компьютеру в компьютер	16(94%)	3(18%)

Всего правильных ответов		149(87%) правильно из 170	54(34%) правильно из 160
--------------------------	--	---------------------------------	--------------------------

Уровень	Количество учеников		Процентное соотношение	
	ЭГ	КГ	ЭГ	КГ
Высокий	9	2	52%	12%
Средний	5	4	29%	25%
Низкий	3	10	17%	62%

После очередного проведения контрольного среза были сопоставлены результаты всех срезов в экспериментальной и контрольной группах.

Данные сопоставления отражены в таблице 4.

Таблица 4. Уровень усвоения надежной системы в экспериментальных группах

Показатели		Конст. Срез	Промеж. Срез	Контр. Срез
		ЭГ	ЭГ	ЭГ
Ваза стоит	в столе на столе над столом	3(17%)	11(64%)	17(100%)
Володя подошел	к доске доска под стулом	1(5%)	4(23.5%)	15(88%)
Мы долго ходили.. музею	по около в	4(23%)	8(47%)	9(52%)
Давай встретимся	в русский музей в русском музее русского музея	0(0%)	2(11%)	14(82%)
Такого озера больше нигде нет, оно единственное ...	в мир в мире на мир	5(29%)	7(41%)	13(76%)
Поставь сумку...	в стол	2(11%)	7(41%)	15(88%)

	в столе на стол			
... столом лежит черная кошка	Над Под Со	3(17%)	5(29%)	16(94%)
Миша идет	школа в школу с школой	7(41%)	9(53%)	17(100%)
Рядом стоит наш друг Володя	к машине с машиной машину	8(47%)	12(70%)	17(100%)
Он с утра сидит	за компьютером к компьютеру в компьютер	2(11%)	4(23%)	16(94%)
Всего правильных ответов		34(20%) правильно из 170	69(40.5%) правильно из 170	149(87%) правильно из 170

Таблица 5. Уровень усвоения надежной системы в контрольных группах

Показатели		Конст. Срез	Промеж. Срез	Контр. Срез
		КГ	КГ	КГ
Ваза стоит	в столе на столе над столом	2(12%)	4(25%)	6(37.5%)
Володя подошел	к доске доска под стулом	2(12%)	2(12%)	6(37%)
Мы долго ходили.. музею	по к в	3(18%)	2(12.5%)	2(12.5%)
Давай встретимся	в русский музей в русском музее русского музея	1(6%)	2(12.5%)	4(25%)
Такого озера больше нигде нет, оно единственное ...	в мир в мире на мир	7(43%)	5(31%)	6(37.5%)

Поставь сумку...	в стол в столе на стол	1(6%)	4(25%)	4(25%)
... столом лежит черная кошка	Над Под Со	4(25%)	3(17.6%)	5(31%)
Миша идет	школа в школу с школой	8(50%)	7(43%)	8(50%)
Рядом стоит наш друг Володя ¹	к машине с машиной машину	6(37%)	7(43%)	10(62%)
Он с утра сидит	за компьютером к компьютеру в компьютер	1(6%)	2(12%)	3(18%)
Всего правильных ответов		35(21%) правильно из 160	37(23%) правильно из 160	54(34%) правильно из 160

Проведенный эксперимент доказал, что русская падежная система является синтаксически сильной и номинативно слабой грамматической подсистемой. Русский падеж является частью комплекса лексических и предложных значений и не формирует эквиополентной оппозиции по номинативному признаку.

Особенно, на наш взгляд, это доказательно на фоне усвоения русского падежа иностранными гражданами (в данном случае монголами). Автоматическое неметаязыковое обучение русскому языку принесло больший результат, нежели попытка соотнесения значений двух языков. Этот результат хорошо прослеживается на росте уровня усвоения падежа экспериментальной группы, в отличие от контрольной группы.

Литература

Диброва Е.И. Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц. В 2–х частях. М., 2008. Ч. 2.

Зализняк А.А. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М., 2002.

Русская грамматика. М., 1980. Т. 1.

Современный русский язык. В 3–х частях. М., 1987.

Успенский В.А. К определению падежа по А.Н. Колмогорову // Бюллетень объединения по проблемам машинного перевода. М., 1957. Вып. 5.

Якобсон Р. К. общему учению о падеже // Якобсон Р. Избранные работы. М., 1985.

РЕЗЮМЕ

SUMMARY

О.Г. Твердохлеб. Многозначность, вид и объект глаголов соединять / соединить. В статье сделана попытка показать, насколько заполнение объектной позиции зависит от многозначности глагольной лексемы, в частности, от лексико–семантического варианта многозначного слова соединить / соединять в его видовых формах. На основании анализа языкового материала, а также привлечения данных толковых словарей, показано, что объектная валентность многозначного глагола соединить / соединять характеризуется неизменностью и стабильностью, нежели более динамичная субъектная валентность. Устанавливается, что видовые пары этого глагола не только соотносятся друг с другом во всех своих значениях, но и во всех своих значениях постоянно сохраняют свою объектную валентность и постоянно имеют ее одинаковое грамматическое оформление. Объектная позиция при всех лексико–семантических вариантах глагола представлена однородными членами; именем существительным во множественном числе; количественно–именным сочетанием; именной группой с комитативом. Результаты проведенной работы могут представлять интерес для специалистов, занимающихся проблемами типологических исследований, предикатно–аргументной структурой, взаимных конструкций, категории вида и полисемии.

O.G. Tverdokhle. Polysemy, Aspect and Object of the Verb to connect. The article deals with the polysemy of a verbal lexeme which determines the Object Actant in the following verb. The author provides the verb to connect in its perfective and imperfective meaning as an example. While fulfilling its valency, the verb's Object Actant is more stable than the Subject Actant. The conclusion is made on the basis of some linguistic analysis, as well as the study of definition dictionaries. Perfective and imperfective forms of the verb do not only correlate in their meaning but they have equal valency, as far as Object is concerned. The Object Actant can be presented by homogeneous parts of the sentence; Nouns in the Plural form; Numeral + Noun phrases; Noun phrase + Comitative.

М.А. Останина. Аспектуальные значения глагольных конструкций со вспомогательным глаголом бер– в алтайском языке. В статье исследуется аспектуальная семантика многозначного вспомогательного глагола бер– в алтайском языке. Автор описывает два типа конструкций с глаголом бер– – с соединительным деепричастием на –ып и слитным деепричастием на –а. В комбинации с соединительным деепричастием глагол бер– выражает бенефактивность, а в конструкциях со слитным деепричастием – три отдельных значения: ‘приобретение признака’, ‘инхоативность и продолжительность действия’, ‘завершенность передвижения’. При описании каждого из значений автор приводит семантические классы глаголов, выступающие в конструкциях в функции смыслового глагола. Конструкции с бенефактивным значением V–ып бер– изучаются в сопоставлении с конструкциями со вспомогательным глаголом ал– (V–ып ал–) и признаются такими образованиями, в которых исходное значение вспомогательного глагола (бер– ‘давать’, ал– ‘брать’) сохраняется. В функции смыслового глагола в конструкции V–а бер– используются все семантические классы глаголов, что сближает глагол бер– с другими вспомогательными глаголами широкого сочетаемостного охвата. В работе приводится материал о стяженных конструкциях с глаголом бер–, характерные устной речи.

M.A. Ostanina. Aspect Meanings of Verbal Constructions with the Auxiliary Verb ber– in the Altai language. The study presents research on aspect meanings of a multi-valued auxiliary verb ber– in the Altai language. The author describes two types of constructions with ber–, when the notion verb is expressed by a past gerund (–p) and a present gerund (–a). The construction V–p ber– is used to express a benefactive meaning, while the construction V–a ber– possesses three different meanings: ‘acquiring a property’, ‘beginning and continuity of an action’ and ‘a completed movement’. The description of each of the meanings includes the semantic description of classes of verbs that can be combines with the auxiliary verb ber–. The benefactive constructions V–p ber– are opposed to self-benefactive constructions V–p al– with the auxiliary al–. The original meanings of the auxiliary verbs in both of these constructions (ber– ‘give’, al– ‘take’) remain. Verbs from all semantic classes of verbs can be used as notional verb in the construction V–a ber– with a present gerund. This gives the auxiliary verb ber– the same status as other verbs with a high potential to build up verbal collocations. The paper contains an important material on contracted forms of verbal combinations with the verb ber–, which are widely used in spoken speech.

А.В. Кочкинекова. Особенности экспликации личностных смыслов при переводе английских безличных и посессивных предложений на русский язык (эмпирическое исследование). Представленная статья посвящена исследованию особенностей экспликации личностных смыслов при переводе безличных предложений с предваряющим *there* и посессивных предложений с глаголом *to have* на русский язык. Предложения рассматриваются в купе с предложными конструкциями, выполняющими синтаксическую роль обстоятельств в предложении. Для повышения валидности и надежности полученных результатов, а также для подтверждения и эмпирической верификации поставленных в работе гипотез было проведено специальное исследование – опрос респондентов. Для оценки достоверности различий между степенью выраженности личностных смыслов исследуемых в работе синтаксических комплексов были проведены математико–статистические сопоставления. На основании интерпретации осуществленных респондентами вариантов перевода были выделены такие основные критерии экспликации личностных смыслов, как неопределенность, некатегоричность, типичное поведение, ситуативное поведение и др. Критерий χ^2 –Пирсона позволил сделать вывод о том, что при интерпретации и анализе наиболее типичных ответов респондентов перевода синтаксических комплексов с предложной конструкцией, вводимой предлогом *in*, чаще всего актуализируются негативные впечатления ($\chi^2=64,34$, $p\leq 0,001$), а при передаче предложений с предлогом *about* репрезентируется неопределенность ($\chi^2=132,97$, $p\leq 0,001$). Поставленная автором цель проводимого исследования, состоявшая в выявлении особенностей экспликации личностных смыслов при переводе исследуемых синтаксических комплексов на русский язык, достигнута.

A.V. Kochkinekova. Explication Peculiarities of Personality Senses in the Process of Translation of Impersonal and Possessive Sentences (empirical research). The present article is devoted to the study of personality senses peculiarities explication in the course of translation of impersonal sentences with the introductory *there* and possessive sentences with the verb *to have* into Russian. The sentences are studied alongside with the prepositional constructions that have a syntactical role of some adverbial modifiers. A special research (respondents' interview) was conducted to verify empirically the hypotheses that had been formulated before. Mathematic and statistic correlations were conducted for the confidence estimation of the distinctions between the manifestation degree of syntactic complexes personality senses analyzed in the work. On the basis of the interpretation of the translation variants, conducted by the respondents, such

explication personality senses criteria as indefiniteness, lack of categoricalness, typical behavior, situational behavior and some others were distinguished. The chi square of Pearson criterion allows to make a conclusion that while the interpretation and analysis of the more typical respondents' answers of the syntactical complexes with the prepositions constructions introduced by the preposition in, the negative impressions (estimation) are actualized more often than the other parameters ($\chi^2=64,34$, $p\leq 0,001$) and while the translation of the sentences with the prepositions constructions organized by the preposition about, the parameter of indefiniteness is represented ($\chi^2=132,97$, $p\leq 0,001$). The objective of the research – to reveal personality senses peculiarities explication in the course of translation of the syntactic complexes under study – was achieved.

Т.В. Краюшкина. Образ европейца в традиционном представлении русского народа (на материале пословиц и поговорок, собранных В.И. Далем). В статье рассматривается образ европейца в традиционном представлении русского народа. В качестве материала для анализа послужили русские народные пословицы и поговорки, собранные В.И. Далем. Устное народное творчество – средоточие представлений этноса о психологии. Русский паремийный фонд, как и фольклор в целом, является энциклопедией стереотипного восприятия нашим этносом других народов. Стереотипное восприятие сформировалось в результате сложного соединения мифологических представлений, реальных контактов, специфики усвоения материала фольклорным сознанием и особенностей функционирования того или иного жанра устного народного творчества. В статье делается вывод об отражении в паремийном фонде военных и бытовых контактов мужских миров русских и европейцев, роль женских контактов находится на периферии. В совокупности европейцы оцениваются чаще отрицательно (они плохие воины, имеют телесные недостатки, глупы, склонны воровать и пр.). Положительные черты европейцам почти не приписываются (за редким исключением). В целом образ европейца в пословицах и поговорках оценивается с позиции пользы / вреда, которые он может принести русскому.

T.V. Krayushkina. The Image of a European as He is Viewed by Russian people (based on Proverbs and Sayings, collected by V.I. Dahl'). The article deals with the image of a European as he is treated by Russian people. The material used for the analysis is Russian folk proverbs and sayings which were collected by V.I. Dahl'. Folklore is representation of national mentality. Russian paroemia vocabulary, as well as folklore in general, is a vision of other nations by the Russian one. Stereotypical

perception is a combination of mythological concepts, real contacts, peculiarity of folklore material treatment by national mentality and functioning of a particular genre – oral folklore. The author shows the reflection of military and household contacts of Russian and European male worlds. The role of the female contacts between the nations is in the periphery. In general, Europeans are often negatively characterized (they are bad soldiers, sometimes physical handicapped, stupid; they can steal something, etc.). Positive features of Europeans are rare (but there are some exceptions). General assessment of the European in proverbs is made from the aspect of benefit or harm that the Russian can get from him.

Р.В. Шубин. Худые и толстые, голодные и прожорливые: природа конфликта в прозе Василия Шукшина (к образам еды, мотиву желудка и ситуации праздника). Статья посвящена изучению темы еды, желудка в поэтике русского писателя Василия Шукшина. Обостренное внимание Шукшина к этой теме, наблюдаемое отвращение к еде связано с желудочной болезнью писателя. В поэтике Шукшина складывается ситуация: еда – это яд. Худые люди не едят, а толстые переедают, они прожорливы. В то же время в прозе Шукшина выделяется конфликт между худыми и толстыми людьми, который приобретает эвристический статус онтологической оппозиции между правдой, требующей освобождения, и узурпированной, искаженной правдой. В исследовании рассматриваются сюжетные коллизии важных в прозе Шукшина героев Егора Прокудина, Ивана Расторгуева, Степана Разина.

R.V. Shubin. Slim and Fat, Hungry and Gluttonous: the Essence of the Conflict in Vasily Shukshin's prose (on Images of Food, Digestion and Holiday). The author analyses the images of food, digestion and holiday in the works by a Russian writer Vasily Shukshin. Shukshin's peculiar attitude to the topic was determined by his gastroduodenal ulcer. The writer treated food as some poison. Slim people eat little, whereas fat ones overeat, they are gluttonous. At the same time, in Shukshin's prose the conflict between slim and fat people acquires a heuristic status of ontological opposition between the truth that must be released, and usurped, distorted truth. The author of the article describes collisions of some well-known characters, such as Egor Prokudin, Ivan Rastorguyev, Stepan Razin.

И.Е. Белякова, Е.В. Плахина. Романы К. Лагунова «Больно берег крут», «Ордалия» и «Одержимые» в парадигме экологии литературы. В статье рассматриваются романы известного сибирского писателя К.Я. Лагунова «Больно берег крут», «Ордалия» и «Одержимые» с точки зрения экологического подхода к литературному

анализу. Утверждается, что три романа о жизни и судьбе пионеров освоения нефтяных богатств имеют региональную экологическую значимость и являются культурно значимыми текстами для нефтедобывающего края Сибири. В них создается особое экологически–ориентированное и сознательно альтруистическое ментальное пространство, которое 1) взаимодействует с реальным посредством художественных средств, 2) имеет определенную эстетическую тональность, 3) характеризуется корректной этической оценкой явлений, событий и процессов действительности и 4) обладает прогностическим и трансформационным потенциалом влияния на когнитивную сферу читателя. Художественные средства этих произведений силой воображения автора концептуализируют жизненный опыт и систему восприятия окружающего мира героев, рисуют картины будущего развития нефтегазовых регионов Сибири, тем самым вступая в диалог с настоящим и приводя к переосмыслению материальных ценностей и утверждению ценностей гуманизма, альтруизма и гармонии.

I.E. Beliakova, E.V. Plakhina. K. Lagunov's Novels *Bol'no bereg krut* (A River Bank too Steep), *Ordalia* (Ordalium), and *Oderzhimye* (Obsessed) in the Paradigm of Literary Ecology. The article deals with the three novels by a well-known Siberian writer K. Lagunov *Bol'no bereg krut* (A River Bank too Steep), *Ordalia*, and *Oderzhimye* (Obsessed) from the perspective of ecological approach to literary analysis. The authors claim that these fiction texts about the life and fate of the pioneers of Siberian oil and gas field exploration are of great regional ecological importance and are culture–significant texts for oil producing region of Siberia. In the novels the writer creates specific ecologically–oriented and altruistic mental space which 1) interacts with reality by means of artistic devices; 2) has a certain aesthetic tonality; 3) is characterized by adequate ethical assessment of events and processes and 4) possesses a prognostic and transformation potential in relation to the reader's cognitive sphere. The artistic devices empowered by the writer's imagination conceptualize life experience and worldview of the characters and draw pictures of future development of the oil and gas regions of Siberia. Thus, they 'enter into a dialog' with the present leading to rethinking of many material values and proclaiming the main values of humanism, altruism and harmony.

В.А. Смирнова. «Мир Софии» Ю. Гордера: особенности рецепции романа в России. В статье рассматриваются особенности восприятия романа норвежского автора Юстейна Гордера «Мир Софии» российскими читателями. Дается обзор основных положений рецептивной эстетики, с позиций которой проводится анализ

читательских отзывов, созданных как критиками, так и непрофессиональными читателями. На примере критических работ и интернет-отзывов анализируются основные тенденции российской рецепции, проводится сравнение с ключевыми аспектами, выявляемыми западными литературоведами при анализе романа. На основе анализа делается вывод о том, что горизонт ожидания российского читателя строится на иных парадигмах, нежели горизонт ожиданий читателя западного. В отличие от западных рецензий, предлагающих рассматривать текст Гордера в рамках культуры постмодерна и, соответственно, акцентирующих сложность нарративной структуры и амбивалентность романа, российские отзывы предлагают прочтение романа в контексте классических образцов традиционного романа воспитания, акцентируют простоту замысла и просвещенческий пафос текста.

V.A. Smirnova. J. Gaarder's «Sofie's World»: Peculiarities of the Novel Reception in Russia. The paper discusses the reception of Jostein Gaarder's «Sophie's world» by the Russian reader. The author gives a brief overview of the main principles of reception aesthetics, which provides the theoretical framework for the analysis of the novel reviews created by the literary critics as well as common readers. Critical works and readers' opinions published in the Internet provide the material for the analysis of major trends in the Russian reception of the Norwegian text, which are compared with the text perception aspects highlighted by Western reviewers. The analysis provides evidence for the conclusion that the reception of the novel in Russia is framed by a different cultural background compared with that of the Western reader. While Western reviews tend to consider the novel in the postmodern paradigm and, consequently, emphasize the complexity of the narrative structure and the ambiguity of the text, their Russian counterparts position the novel within the familiar frame of the traditional Bildungsroman and highlight the simplicity, intelligibility, as well as the educational and enlightening effect of the book.

Л.Е. Фетисова. Песенный фольклор Приамурья в записях М.К. Азадовского. В статье рассматривается научное наследие М.К. Азадовского, известного российского филолога, чьи фольклорные материалы являются ценнейшим источником по народной культуре русского старожильского населения Приамурья начала XX века. Записи, сделанные в 1913, 1914 годах, дают представление о богатстве и разнообразии регионального песенного репертуара, как обрядового, так и необрядового. По мнению собирателя, свадебная обрядность, несмотря на стяжение отдельных ритуалов, сохранила базовые элементы

традиционного комплекса, что нашло подтверждение в последующих наблюдениях фольклористов. Песни календарного цикла утратили тесную связь с конкретными праздниками и вошли в состав неприуроченной лирики. Отмеченная М.К. Азадовским активность хороводно-игрового репертуара сохранялась на протяжении первой половины XX века. Особого внимания заслуживают замечания исследователя относительно бытования частушек, подтверждая теорию позднего происхождения жанра. Наблюдения и выводы М.К. Азадовского, не потерявшие актуальности и в наши дни, позволяют считать его основоположником дальневосточной фольклористики.

L.E. Fetisova. Folklore Songs of the Amur River Region in Records of M.K. Azadovskiy. The article is devoted to the scientific heritage of M.K. Azadovskiy, the famous Russian philologist, whose folklore materials are the key source of early 20th century folklore culture belonging to the old residents of the Amur River region. His records made in 1913–1914 give the idea of richness and diversity of regional songs, both ritual and nonritual. In accordance with the collector's opinion, wedding ritualism in spite of contraction of some rituals saved basic elements of the traditional complex. This fact was later confirmed by other folklore specialists. Calendarian songs had lost the close association with certain holidays and acquired the status of nonassociated lyrics. The ring dance and game repertory mentioned by M. K. Azadovskiy preserved its active role in the first half of the 20th century. The special attention should be paid to the researcher's observation concerning the functioning of a four-line racy folk rhyme (chastushka) that confirmed the theory of late origin of the genre. Observations and conclusions of the researcher that have not lost their relevance up to these days make it possible to consider M.K. Azadovskiy the originator of the Far-Eastern folklore studies.

Ю.Г. Смертин. Ли Цинчжао: поэзия и гендер в средневековом Китае. Статья посвящена творчеству известной китайской поэтессы Ли Цинчжао, которое рассматривается в контексте истории и культуры Китая эпохи Сун. Но прежде автор анализирует место поэзии в духовной жизни китайского общества, отмечает ее уникальное социальное и политическое значение. В статье исследуются особенности поэтических жанров *ши* и *цы*. Последний был характерен для поэтов эпохи Сун, использовавших его для выражения интимных чувств и философских идей.

Особое внимание уделяется биографии Ли Цинчжао, поскольку созданные ей лирические стихи в жанре *цы* во многом соотносятся с ее жизненными обстоятельствами. Исходя из свидетельств современников,

личных записей Ли и ее стихов, автор заключает, что поначалу она была счастлива в своей семье и замужестве, реализуя свои творческие способности. Но после завоевания Северного Китая чжурчжэнями ей вместе с мужем пришлось бежать на Юг, и здесь многое меняется в жизни и творчестве поэтессы. Муж вскоре умер, и Ли оставшуюся жизнь проводит в полном одиночестве. Стихи этого периода полны печали и ностальгии по прошлому.

В заключении делается вывод о том, что Ли Цинчжао создала собственный поэтический стиль, оказавший большое влияние на китайских поэтов следующих поколений; он отличается простотой, изяществом и чувственностью.

Yu.G. Smertin. Li Qingzhao: Poetry and Gender in Medieval China. The article is devoted to the works by the famous Chinese poetess Li Qingzhao, which are considered in the context of the history and culture of Song era. But first of all, the author analyzes the place of poetry in the spiritual life of the Chinese society, notes its unique social and political significance. The article examines the characteristics of poetic genres *Shi* and *Ci*. The latter was typical for Song poets, who used it to express intimate feelings and philosophical ideas.

Particular attention is paid to Li Qingzhao's biography, since her lyric poems in the *Ci*-genre are closely connected with her life circumstances. Based on the testimonies of contemporaries, Li's personal notes and her poems, the author concludes that the poetess was happy in her family and marriage realizing her creative abilities until Northern China was conquered by Jurchen. Due to this fact, she and her husband had to flee to the South. At this period considerable changes affected the poetess's life and work. Her husband soon died, and Li spent the rest of her life in solitude. The poems of this period are full of sadness and nostalgia.

It is concluded that Li Qingzhao created her own poetic style, which has had a great influence on subsequent generations of Chinese poets; it is characterized by simplicity, elegance and sensuality.

А.А. Балакай. Русские этикетные обращения с христианской семантикой. В данной статье предлагаются к рассмотрению русские простонародные доброжелательные обращения, отражающие черты христианского восприятия мира: ангел (мой), крещеный, крестный, крестовый, христовый, крестник, православные, мир православный и некоторые производные от них. В системе русского языка и русской культуры этикетные обращения с христианской семантикой связаны между собой этимологическими, грамматическими, коммуникативно-прагматическими, религиозно-этическими и историко-культурными

отношениями. Характерной и важной особенностью рассматриваемых этикетных единиц является то, что они объединяют в себе семантику вежливого обращения и комплимента, поскольку не просто называют того, к кому обращена речь говорящего, но и подчеркивают духовную связь адресанта и адресата – что обуславливает уважительную тональность этих обращений в русском речевом этикете. Изложение и интерпретация языковых фактов, представленных в статье, основывается на данных толковых, исторических, этимологических словарей, а также словаря русского речевого этикета.

A.A. Balakay. Russian Etiquette Address Forms with Christian Semantics. This article considers the Russian folksy friendly address forms, reflecting the peculiarities of the Christian perception of the world: «angel (my)», «kreschoniy», «kryostniy», «krestoviy», «christoviy», «krestnik», «pravoslavniy», «mir pravoslavniy» and some of their derivatives. In the system of the Russian language and Russian culture etiquette address forms with Christian semantics are linked by etymological, grammatical, communicatively–pragmatic, religious, ethical and historical–cultural relations. The important characteristic feature of these etiquette forms is that they combine the semantics of polite address and compliment, because they not just name the person who is addressed by the speaker, but also emphasize the spiritual relationship between the addresser and the addressee. This results in a respectful tonality of these address forms in the Russian speech etiquette. The description and interpretation of the linguistic facts presented in the article is based on the data taken from explanatory, historical, etymological dictionaries as well as the dictionary of the Russian speech etiquette.

С.А. Медведев. К методике описания типологии интернет–рецензии. В исследовании освещаются основные принципы типологического описания жанра интернет–рецензии. Рецензия, начав функционировать в рамках интернет–коммуникации, обрела большое количество вариаций, часть которых существенно отличается от традиционного понимания этого жанра. Подчеркивает актуальность и необходимость детального рассмотрения интернет–рецензии не только ее большое распространение и неоднородность, но и то влияние, которое она оказывает на коммуникацию между Автором и Читателем художественного текста. Интернет–рецензия относится к числу жанров интернет–коммуникации, возникших из исходного жанра под влиянием коммуникативного пространства. Большое разнообразие форм и вариантов реализации подобного типа текстов требует их многостороннего исследования, что возможно осуществить путем типологизирования обозначенного жанра. Метод типологического

описания использовался исследователями для характеристики жанров речевой коммуникации, однако жанры интернет–коммуникации таким образом описаны не были.

S.A. Medvedev. To the Methodology for Describing the Typology of Internet–Critique. The article deals with the basic principles of the typological description of internet–critique. Critique has got some variations in internet–communication. Some of them are significantly different from the traditional view of this genre. The relevance of the research and the need for a detailed description of internet–critique are due to several factors. The main ones are the prevalence, variability of this genre and its influence on communication between the Author and the Reader of the artistic text. Internet–critique is a genre of internet–communication, which originated from the traditional genre under the influence of the medium of communication. A large number of forms and variants of internet–critique requires their multifaceted research. This is possible to do with the typologizing of this genre. The method of typological description was used by researchers to characterize the genres of communication. However, the genres of internet–communication are not yet described in this way.

К.А. Ульянова. К вопросу о типологии китайской деловой корреспонденции. В статье рассматривается одна из актуальных проблем жанроведения – классификация деловой корреспонденции на китайском языке. Анализируются основные типологические признаки жанра делового письма, на основании которых моделируется общая композиционная структура китайского письма. Приводятся основные методологические концепции зарубежных и отечественных исследователей, что позволяет выделить ведущие классификационные критерии при построении типологии писем. Письма могут различаться в зависимости от их структуры, цели, адресата, функции, композиции, формы бытования, и даже статусов адресанта и адресата; доминирующими критериями следует признать тематический признак и коммуникативные интенции. Автором предлагается интенциональный подход к классификации деловой корреспонденции, который дополняется такими исследовательскими средствами, как представление текстов писем в виде информационных карт и их контент–анализ по коммуникативным шагам. Вышеуказанный метод позволяет максимально учесть существующие в науке подходы к описанию жанра делового письма.

K.A. Ulyanova. On the Types of Chinese Business Correspondence. The paper deals with one of the current issues in genre studies – types of Chinese business correspondence. The main typological features of the

business letter genre are analyzed which serves as a foundation for the Chinese letter general compositional structure modeling. The main approaches of foreign and domestic researchers to the study of Chinese business writing are given, which makes it possible to identify the basic classification criteria for the types of letters. Letters can differ depending on their structure, purpose, addressee, function, composition, form of writing, and even due to relations between the sender and the addressee; the theme and communicative intentions should be considered the most preferable criteria. The author suggests an intention-based approach to the classification of business correspondence, which could be supplemented by such research tools as the presentation of letters in the form of mental cards and communicative steps content analysis. The above-mentioned method allows integrating the existing approaches to the description of business letter genre.

И.Ю. Рябова. Концепт «счастье» в сопоставительном межъязыковом аспекте (на примере романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина» и четырех англоязычных интерпретаций). В статье исследуется концепт «счастье» в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» и четырех англоязычных интерпретациях, выполненных Р. Пивером и Л. Волохонски, А. и Л. Моод, К. Гарнетт и Н. Доулем. Художественный концепт, являясь отражением ментальности автора, имеет определенное содержание, которое может быть раскрыто в том или ином контексте посредством исследования его структуры, «наполнения» составляющих и в непосредственной связи с контекстуальным содержанием произведения. В нашем исследовании сделана попытка раскрыть основное содержание концепта «счастье» в русскоязычной версии романа и его отражение в англоязычных версиях. В ходе работы в качестве первого шага исследования были сопоставлены русскоязычная лексема *счастье* и англоязычная дефиниция *happiness* в рамках исследования лингвокультурного содержания концептов. На втором этапе методом сплошной выборки мы выделили и проанализировали частотные лексические единицы, «наполняющие» концепт «счастье» в русскоязычном произведении и соответствующих англоязычных переводах. Следующий этап исследования связан с компонентным и дефиниционным анализом выявленных лексических единиц с целью выделения дифференциальных сем, «преломляющих» содержание концепта. На завершающей стадии изучения материала сделаны выводы о роли автора и переводчика в процессе концептуализации, и представлено содержание концепта «счастье» в рамках ментальной модели в каждом отдельном переводе.

I.Y. Ryabova. Concept «Happiness» in Comparative Linguistic Aspect (on the Material of L.N. Tolstoy's Novel «Anna Karenina» and four English Interpretations). The article deals with the concept of «happiness» in the novel «Anna Karenina» by L.N. Tolstoy and four English interpretations, made by R. Peaver and L. Volohonski, A. and L. Maude, K. Garnett and N. Dole. The art concept, being a reflection of the author's mentality, has got a definite content. It may be revealed in a certain context through the investigation of its structure, «filling» of its components and in connection with the contextual content of the work itself. There is an attempt to discover the main content of the concept «happiness» in the Russian version and its representation in English translations. The first step of the analysis deals with the comparison of the Russian lexeme *happiness* and its English equivalent in order to reveal the linguocultural codes of the concepts. The second step is connected with choosing and analyzing the most frequent lexical items. They build up the concept in question both in the Russian original version and English interpretations. The next step focuses on componential and definitional analysis of the singled out lexemes. The main aim is to extract the differential semes, changing the filling of the concept. Finally, we come up with the conclusions about the author's and translator's role in conceptualization and present concept «happiness» in one of the mind models in every single translation.

А.И. Михайлова. Влияние социально–политического контекста на языковую картину мира рок– и поп–музыкантов. В статье рассматривается подход к изучению музыкально–поэтического текста как интерсемиотического продукта массовой культуры, включающий комплексный анализ данного феномена с учетом широкого спектра влияющих на него факторов. Так, автора в первую очередь интересует культурно–политический и социальный контекст формирования языковой картины мира рок– и поп–музыкантов, взаимосвязь музыки и политики, а также реакция поп–культуры и рока (изначально позиционировавшегося как контркультура) на значимые социальные изменения, пути их отражения в песенном тексте; приводятся примеры речевых формул, которые характерны для быстро развивающейся поп–культуры. Автором сравниваются тексты двух стилей (а также принадлежащие разным периодам) с точки зрения присутствия мотива патриотизма / государственности и ассоциативных связей данного концепта, социальной направленности, использованной лексики; затрагивается вопрос влияния идеологии на музыкальный текст и некоторые аксиологические аспекты музыки.

A.I. Mikhailova. The Influence of Socio–Political Context on the Language World Perception of Rock and Pop Musicians. The article deals with the vocal work in which the song text is considered and studied as an intersemiotic product of mass culture, and the need for a comprehensive review of this phenomenon. The author is primarily interested in the cultural, political and social context of the formation of a language world perception of rock and pop musicians. The interrelationship of music and politics, as well as the reaction of pop culture and rock (it originally positioned himself as a counterculture) to meaningful social changes and their ways of reflection in the song text are presented in the article. Examples of speech formulas that are characteristic of a rapidly developing pop culture are given. The author compares the texts of two styles (and also from one to another) from the point of view of the presence of the motif of patriotism / statehood and associative connections of this concept, social orientation and vocabulary. The question of the influence of ideology on the musical text and some axiological aspects of music are touched upon.

Т.А. Богумил «Алтайский текст» и литература Алтая: к определению понятий. В статье дан обзор научных источников об «алтайском тексте», сделана попытка обозначить семантические параметры «алтайского текста», обозначены причины, не позволяющие назвать литературу Алтая «региональной». Литература Алтая в контексте сибирской литературы существует не как подсистема, а, скорее, как «культурное гнездо». Уникальные природные параметры региона (лесостепь и горы), историческая его специфика (отсутствие штрафной колонизации, золотодобыча, локализация староверческого Беловодья, симбиоз русской и автохтонной культуры и др.) дают основание говорить о существовании «алтайского текста». Ответ на вопрос о наличии алтайского самосознания остается дискуссионным. Впрочем, творчество видного уроженца Алтая В.М. Шукшина демонстрирует не просто ценностный приоритет Алтая по сравнению с другими важными для России крупными регионами (Кавказ, Крым, Финляндия), но концентрацию положительных смыслов на полюсе «малой родины» в оппозиции зачастую негативной мифопоэтике Сибири.

T.A. Bogumil «Altai Text» and Literature of Altai: to the Definition of Concepts. The paper gives an overview of scientific sources about the «Altai text». The structural and semantic parameters of the «Altai text» are shown, the reasons that do not allow to call the literature of Altai «regional» are indicated. Literature of Altai in the context of Siberian literature does not exist as a subsystem, but rather as a «cultural nest». The unique natural

parameters of the region (forest–steppe and mountains), its historical specialty (absence of penal colonization, gold mining, localization of the Belovod'e, symbiosis of Russian and autochthonous culture, etc.) give grounds to talk about the «Altai text». The existence of Altai identity remains controversial. However, the works by V.M Shukshin, demonstrate the priority of Altai in comparison with other important regions of Russia (the Caucasus, the Crimea, Finland) and the concentration of positive meanings at the «small homeland» pole in opposition to the negative myth of Siberia.

А.А. Малышев. Шоколад в культурно–просветительской журналистике первой половины XVIII века: стилистический аспект. В статье рассматриваются основные стилистические особенности научно–популярной статьи «О шоколаде» (1733 год), в которой читателю в простой и увлекательной форме изложения сообщались сведения об истории и традициях питья шоколада в европейском и мировом культурном контексте. В XVIII веке потребление шоколада как еще одного зарубежного, инокультурного напитка постепенно становится важной составной российского пищевого кода в триаде «чай–кофе–шоколад». Культура изготовления горячего шоколада рассматривается в статье XVIII века не только с точки зрения ореола «модности», но и с позиции полезности этого продукта для здоровья. Кроме того, автором статьи ставится и решается в положительном ключе вопрос о допустимости питья шоколада в пост, что также было важно для формирования новой пищевой традиции в ее религиозном преломлении. Стилистические приемы, посредством которых автор XVIII века формировал своеобразный «имидж» шоколада, обнаруживают генетическую преемственность и на общем уровне реализуются и в современных медиатекстах.

A.A. Malyshev. Chocolate in Cultural and Educational Journalism of the First Half of the 18th Century: the Stylistic Aspect. This article deals with the description of the main stylistic features of the popular scientific article «About the Chocolate» (1733). The facts about the history and traditions of drinking chocolate in the European and world cultural context were told in a simple and fascinating form of presentation to the reader. In the 18th century the consumption of chocolate gradually became an important compound of the Russian food code in a triad «tea – coffee–chocolate». The culture of hot chocolate production is considered to be useful for health in the article of the 18th century. Besides the author of the article puts the question of admissibility of drinking chocolate during the church fast and solves it in a positive way. It was also important for the forming of a new food tradition in its religious refraction. The stylistic means have a genetic succession and are

implemented in modern media texts at the general level. The author of the 18th century created an original «image» of chocolate with the help of these means.

М.М. Сулейман. Средства прагматизации названий российских и британских телепередач. В статье названия телепередач рассматриваются как вид гемеронима – собственного имени для обозначения средств массовой информации. Гемеронимы выполняют аттрактивную и суггестивную функции, что обусловило привлечение средств прагматизации для их создания. На материале российских и британских названий телепередач определены способы номинации гемеронимов (лексико–семантический, синтаксический, словообразовательный, комплексный), внутри каждого способа выявлены наиболее распространенные средства прагматизации (трансонимизация и онимизация коннотативно окрашенных слов, заимствования, использование побудительных названий–предложений, словообразовательных игр, невербальных знаков). Сделан вывод о национально–культурной специфике названий телепередач и зависимости выбора различных средств прагматизации от жанра телепрограмм. Представлены количественные подсчеты, демонстрирующие предпочтения российских и британских создателей программ при выборе того или иного средства прагматизации.

M.M. Suleiman. Pragmatic Means of Russian and British TV Programme Titles. In the article the titles of TV programmes are analyzed as a type of hemeronims – the proper names of mass media. Hemeronims carry out the attractive and suggestive functions that cause the usage of pragmatic means to create them. In this article methods of nomination of hemeronims are shown on the material of Russian and British TV show titles (lexical–semantic, syntactic, word–building, complex methods). The most common pragmatic means are analyzed in each method (transonymisation and onymisation of connotative colored words, loanwords, imperative sentences, word–building games and non–verbal signs). The conclusion about national–cultural specific of the TV show names and their dependence on the choice of different pragmatic means according to the genre of the programme was made in the article. There is also a quantitative analysis demonstrating the preferences of the Russian and British program makers in the choice of pragmatic means in the article.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 2017 ГОД

Статьи

М.И. Абдыжапарова, Т.В. Федосова. Актуализация концепта «lawyer» в произведениях Джона Гришэма: базовые концептуальные признаки	1
А.Н. Безруков. Рефракция темы <i>маленького человека</i> в прозе Ф.М. Достоевского и А.П. Чехова	3
И.Е. Белякова, Е.В. Плахина. Романы К. Лагунова «Больно берег крут», «Ордалия» и «Одержимые» в парадигме экологии литературы	4
О.И. Валентинова, М.А. Рыбаков. Понятийное поле внутренней детерминанты языка в лингвистической концепции Г.П. Мельникова	3
О.Н. Владимиров. Стихотворения Бунина с ролевым всезнающим «я» как цикл	3
М.А. Воронкина. Оценочные компоненты ведийской литературы	1
Н.К. Данилова. Эпический мир и «сакральная топография» у долган	1
Н.И. Загородняя. Модели мира в текстах о войне: традиция и конструкция	2
О.В. Каркавина. Полифония в творчестве Дж. Калифорнии Купер	3
И.В. Кирилова. Особенности вариантных отношений в семантическом поле «Нечистая сила»	2
Н.В. Козловская. «Что есть термин этимологически и семасиологически?»: лингвофилософская интерпретация понятия «термин» в работах русских мыслителей начала XX века	1
А.В. Кочкинекова. Особенности экспликации личностных смыслов при переводе английских безличных и посессивных предложений на русский язык (эмпирическое исследование)	4
А.В. Кочкинекова. Проявление фасадности в англоязычной культуре	1
А.В. Кочкинекова. Экспликация личностных смыслов в предложной конструкции	3
Т.И. Краснова. Антибольшевистский газетный дискурс 1918–1919 годов: фреймы «война» и «болезнь»	3
Т.В. Краюшкина. Образ европейца в традиционном представлении русского народа (на материале пословиц и поговорок, собранных В.И. Далем)	4
А.В. Кремнева. Интертекстуальность, интердискурсивность, интермедальность: точки соприкосновения	2
Е.А. Масолова. Мотив смерти–воскресения в «Преступлении и наказании» Достоевского и в «Воскресении» Толстого	3

М.И. Мехеда. Речевая экономия как один из мотиваторов словотворчества в русской разговорной речи	1
Е.А. Московкина. «Русский человек на rendez-vous»: конфликт мужского и женского в рассказах В.М. Шукшина	3
М.А. Оганина. Аспектуальные значения глагольных конструкций со вспомогательным глаголом <i>бер-</i> в алтайском языке	4
Т.А. Пирусская. «Несостоявшиеся жития»: образы социальных подвижников в романах Ф.М. Достоевского и Джордж Элиот	2
В.К. Радзиховская. Прагмалингвистика поля взаимности	2
К.Х. Рекош. Проблемы трансляции знаний во французском и русском контекстах мнения	3
И.В. Рогозина. Модели формирования визуально–вербальных тропов поликодового медиатекста	3
Е.А. Сидельникова, Д.А. Стаценко, Ф.Р. Мутыгуллина. Способы перевода и анализ грамматических конструкций, выражающих стратегии обвинения и оправдания в политическом дискурсе	2
К.В. Синегубова. Лирический поиск в «разных стихотворениях» Д. Самойлова	1
Ю.Г. Смертин. Ли Цинчжао: поэзия и гендер в средневековом Китае	4
В.А. Смирнова. «Мир Софии» Ю. Гордера: особенности рецепции романа в России	4
А.М. Сулейманов, З.С. Аманбаева. Работа М.А. Бурангулова со сказителями и над эпосом «Урал–батыр»	2
О.Г. Твердохлеб. Многозначность, вид и объект глаголов <i>соединять</i> / <i>соединить</i>	4
О.А. Фарафонова. Специфика изображения «чужого» в «Похождении прапорщика Климова»	1
В.А. Смирнова. «Мир Софии» Ю. Гордера: особенности рецепции романа в России	4
А.Б. Чернышев. Движение и пространство человека в итальянской языковой картине мира	2
М.Г. Шкуропацкая, Ундармаа Даваа. Коммуникативные фрагменты и прецедентные тексты как способы фиксации языкового сознания носителей монгольского и русского языков (на материале слов–зоонимов)	3
Р.В. Шубин. Разин как Эдип. К вопросу о мифологической антропологии творчества В.М. Шукшина	2
Р.В. Шубин. Худые и толстые, голодные и прожорливые: природа конфликта в прозе Василия Шукшина (к образам еды, мотиву желудка и ситуации праздника)	4

Научные сообщения

А.А. Балакай. Русские этикетные обращения с христианской семантикой.....	4
Т.А. Богумил. «Алтайский текст» и литература Алтая: к определению понятий.....	4
М.Р. Валиева. Цветоведение и глаголообразующие наименования цветов в башкирских народных песнях.....	3
М.П. Гребнева. Поэтика демонической темы в романе М.Ю. Лермонтова «Вадим»	1
С.А. Губанов. О некоторых способах расширения эпитета в текстах Марины Цветаевой	2
Е.Н. Гуренчик. Опыт дискурс–анализа телевизионного выступления президента Франции в контексте террористического кризиса	1
А.В. Дегальцева. К вопросу о статусе адвербиальных компликаторов в синтаксической системе русского языка	2
С.В. Доронина. Крабы, креветки, кальмары и грамматическая категория одушевленности	1
М.Г. Иванова. Традиционные особенности русских и китайских именных формул в контексте межкультурной коммуникации.....	3
А.Д. Каксин. Глагольное выражение семантики восприятия в казымском диалекте хантыйского языка	3
А.Е. Козлов. «Путешествие критики» С.К. Ферельцта: к вопросу о несвоевременности литературного памятника	2
В.В. Колобов. Об эволюции содержания и стиля писательского дневника А.В. Жигулина.....	2
С.С. Корчагин. Транслатологическая специфика локализации экранного текста в телесериале «Шерлок»	1
Ю.В. Кузина. Лингвокультурный типаж «Рыцарь» в сказочной повести Л.Ф. Баума «The Wonderful Wizard of Oz» и ее русскоязычных аналогах: опыт сопоставительного исследования	1
А.И. Куляпин. «Вернуться в Русь»: поэтика исторической географии В.М. Шукшина	2
Н.В. Малинина. Жаргонная лексика в художественном тексте: функциональный аспект (на материале рассказа Э.С. Кочергина «Локоть»)	3
А.А. Малышев. Шоколад в культурно–просветительской журналистике первой половины XVIII века: стилистический аспект	4
С.А. Медведев. К методике описания типологии интернет–рецензии.....	4
Л.А. Мисиева. Языковая символика в аварских гендерных фразеологических единицах	1

А.И. Михайлова. Влияние социально–политического контекста на языковую картину мира рок– и поп–музыкантов	4
Р.Ф. Рохвадзе. Логико–философские аспекты феномена «факт»	2
И.Ю. Рябова. Концепт «счастье» в сопоставительном межъязыковом аспекте (на примере романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина» и четырех англоязычных интерпретаций)	4
Е.А. Сафрон. Жанр городской легенды как один из элементов поэтики городской фэнтези	3
Н.А. Сивцева. Сложное синтаксическое целое в тексте якутского эпоса (на материале олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» К.Г. Оросина)	3
М.М. Сулейман. Средства прагматизации названий российских и британских телепередач	4
Е.Э. Уланова. Коммуникативная категория авторитетности в системе речевого поведения	2
К.А. Ульянова К вопросу о типологии китайской деловой корреспонденции	4
Н.А. Хуббитдинова. Репрезентация фольклорных традиций в средневековой литературе Урало–Поволжья	2
М.Д. Чертыкова. Восторг и восхищение по–хакасски (семантико–когнитивный анализ глагола морсын– «восторгаться, восхищаться»)	3
Н.С. Чижов. Неосинкретические формы лирического высказывания в стихотворных текстах И. Жданова (книга «Воздух и ветер»)	3
М.А. Широкова. Власть и свобода в мировоззрении А.С. Пушкина	1

Проблемы филологического образования

А.П. Кашкарева. Проблемы преподавания творчества Н.С. Лескова в школе и вузе (на примере повести «Леди Макбет Мценского уезда»)	1
Т.В. Коренькова. Возвращение периодизации, или «Маятник Чижевского» в новом поколении вузовских учебников литературы	2
Е.А. Штехман, Ю.А. Мельник. Применение ситуационных задач при обучении русскому языку на подготовительном курсе	2

Критика и библиография

С.В. Андреева. Викторова Е.Ю. Вспомогательная система дискурса. Саратов: ООО Издательский центр «Наука», 2015. 404 С.	1
Г.В. Кукуева. Рецензия на монографию Д.А. Кожанова «Воздействие научного дискурса на художественный как проблема интердискурсивности»	2
А.К. Машакова. Творчество Абая Кунанбаева в зарубежной рецепции	4
Е.Ю. Позднякова. Рецензия на учебное пособие для студентов неязыковых специальностей «Грамматика английского языка в схемах и таблицах	

(useful schemes for english grammar. Exercise book). Часть 1. Сост.: С.А. Осокина. Барнаул, 2016. 74 С.....	1
--	---

Филология: люди, факты, события

С.В. Ананьева, В.И. Габдуллина. Научные контакты в литературоведении: Мухтар Ауэзов и мировая литература.....	4
К.И. Бринев, Н. Дауренбек, Е.А. Аввакумова. Русский падеж в языковом сознании иностранца. Проблемы преподавания (на материале лингвистического эксперимента).....	4
Е.И. Клинк, А.А. Чувакин. К итогам IX заседания международного научного семинара «Филология и коммуникативные науки: направления взаимодействия»	2
С.А. Мансков, Е.В. Лукашевич, В.В. Витвинчук, И.В. Фотиева, Т.А. Семилет, В.Т. Плахин, В.Д. Мансурова, М.А. Деминова. Проблемы современной медиакоммуникации: научно–исследовательский круглый стол	2
Т.В. Чернышова. «Язык в координатах массмедиа»: итоги II международной научно–практической конференции (Санкт–Петербург, 2–6 июля 2017 года)	3
Т.В. Чернышова, А.А. Чувакин. Филологи России и Казахстана выполняют уникальный проект: к итогам VIII заседания международного научного семинара «Филология и коммуникативные науки: направления взаимодействия». Концепция проекта «Риторика: учебная книга для магистратуры по направлению “филология” вузов сопредельных территорий России и Казахстана».....	1

НАШИ АВТОРЫ

**АВВАКУМОВА,
Евгения
Александровна**

– кандидат филологических наук, доцент,
Алтайского государственного педагогического
университета (Барнаул).
E-mail: evavvakumova@inbox.ru

**АНАНЬЕВА,
Светлана
Викторовна**

– кандидат филологических наук, доцент,
Института литературы и искусства
им. М.О. Ауэзова (Алматы, Казахстан).
E-mail: svananyeva@gmail.com

**БАЛАКАЙ,
Анна
Анатольевна**

– доцент Новокузнецкого института (филиала)
Кемеровского государственного университета.
E-mail: balakay@bk.ru

**БЕЛЯКОВА,
Ирина
Евгеньевна**

– кандидат филологических наук, доцент
Тюменского государственного университета.
E-mail: i211081976@mail.ru

**БОГУМИЛ,
Татьяна
Александровна**

– кандидат филологических наук, доцент
Алтайского государственного педагогического
университета (Барнаул).
E-mail: tbogumil@mail.ru

**БРИНЕВ,
Константин
Иванович**

– доктор филологических наук, профессор
Алтайского государственного педагогического
университета (Барнаул).
E-mail: brinevk@yandex.ru

**ГАБДУЛЛИНА,
Валентина
Ивановна**

– доктор филологических наук, профессор
Алтайского государственного педагогического
университета (Барнаул).
E-mail: vigv@mail.ru

**ДАУРЕНБЕК,
Нуртуган**

– аспирант Алтайского государственного
педагогического университета (Барнаул).
E-mail: nurtu_d25@mail.ru

**КОЧКИНЕКОВА,
Алена
Васильевна**

– кандидат филологических наук, доцент
Алтайского государственного педагогического
университета (Барнаул).
E-mail: alenavk203@mail.ru

**КРАЮШКИНА,
Татьяна
Владимировна**

– доктор филологических наук, заведующая
центром истории культуры и межкультурных
коммуникаций Института истории, археологии и
этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН
(Владивосток).
E-mail: kvtbp@yandex.ru

МАЛЫШЕВ,
Александр
Александрович

– старший преподаватель Санкт–Петербургского государственного университета.
E–mail: a.malyshev@spbu.ru

МАШАКОВА,
Айнур
Касымжановна

– кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института литературы и искусства им. М.О. Ауэзова (Алматы, Казахстан).
E–mail: a_mashakova@mail.ru

МЕДВЕДЕВ,
Сергей
Алексеевич

– специалист–эксперт отдела фоноскопических экспертиз экспертно–криминалистического центра ГУ МВД России по Алтайскому краю (Барнаул).
E–mail: gresdem@gmail.com

МИХАЙЛОВА,
Алена
Игоревна

– аспирант Омского государственного педагогического университета.
E–mail: pkd–shka@mail.ru

ОСТАНИНА,
Мария
Александровна

– кандидат филологических наук, доцент Горно–Алтайского государственного университета.
E–mail: maria–ostanina@yandex.ru

ПЛАХИНА,
Елена
Валерьевна

– кандидат филологических наук, доцент Тюменского государственного университета.
E–mail: plahina@mail.ru

**РЯБОВА,
Ирина
Юрьевна**

– аспирант Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).
E-mail: i.y.ryabova_3012@mail.ru

**СМЕРТИН,
Юрий
Григорьевич**

– доктор исторических наук, профессор Кубанского государственного университета (Краснодар).
E-mail: usmer@hotmail.com

**СМИРНОВА,
Валерия
Андреевна**

– преподаватель Петрозаводского государственного университета.
E-mail: lerchen@daad-alumni.de

**СУЛЕЙМАН,
Мария
Мбвановна**

– аспирант Волгоградского государственного социально-педагогического университета.
E-mail: maha1991.16@mail.ru

**ТВЕРДОХЛЕБ,
Ольга
Геннадьевна**

– кандидат филологических наук, доцент Оренбургского государственного педагогического университета.
E-mail: ogtwr@gmail.com

**УЛЬЯНОВА,
Ксения
Анатольевна**

– старший преподаватель Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: liulang689@gmail.com

ФЕТИСОВА,
Лидия
Евгеньевна

– кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Владивосток).
E-mail: lefet@yandex.ru

ШУБИН,
Роман
Владимирович

– кандидат филологических наук, адъюнкт Университета им. Адама Мицкевича в Познани (Польша).
E-mail: romanshu@yandex.ru

Журнал распространяется по подписке
Подписной индекс 36795
в каталоге «Газеты. Журналы» Агентства «Роспечать»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство ПИ № ФС77–30179 от 02.11.2007 г.

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (редакция февраль 2010)». Согласно решению Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 10 октября 2008 года № 38/54, с 10 октября 2008 года к изданиям, рекомендованным для публикации основных научных результатов докторских и кандидатских диссертаций, относятся все издания, включенные в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Сдано в набор 30.11.2017. Подписано в печать 01.12.2017. Дата выхода издания в свет 05.12.2017. Формат 60×84/16. Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12. Тираж 500 экз. Заказ № 330.

Издательство и типография Алтайского государственного университета.
Адрес издателя: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, оф. 204.

© Издательство Алтайского государственного университета, 2017

Требования к оформлению присылаемых в редакцию материалов

1. Редакция журнала принимает статьи объемом до 30 тыс. знаков с пробелами, научные сообщения – до 16 тыс. знаков с пробелами, другие материалы – до 6 тыс. знаков с пробелами. Для аспирантов – объем не более 16 тыс. знаков с пробелами!
2. Электронные материалы должны быть представлены в формате Word for Windows. Для знаков, отсутствующих в шрифте Times New Roman (для транскрипции, иноязычных примеров и т.д.), используются стандартные распространенные шрифты (Symbol, Lucida Sans Unicode). При использовании оригинальных шрифтов их файлы (формат *.ttf – True Type Font) необходимо выслать вместе со статьей приложением к электронному письму. Для создания схем, графиков, иллюстраций используются программы стандартного пакета Microsoft Office; графика должна быть внутри файла.
3. Примеры в тексте статьи оформляются *курсивом*.
4. Примечания к тексту оформляются в виде постраничных сносок и имеют постраничную нумерацию.
5. Библиографическое описание научных изданий оформляется в сокращенном варианте (без указания издательства, страниц и вида издания – учебное пособие, монография, сборник и т.п.) и приводится в конце работы по алфавиту. Издания на иностранных языках располагаются после изданий на русском языке. Ненаучные издания (нормативные документы, архивные и др. материалы) указываются в отдельной рубрике «Список источников» в конце списка литературы
6. Ссылки на литературу в тексте даются в квадратных скобках, где указываются фамилия автора, год издания, цитируемые страницы. Например: [Виноградов, 1963, с. 46]. Если в библиографии упоминается несколько работ одного и того же автора и года, то используется уточнение: [Горелов, 1987*a*]. В списке литературы делается такая же пометка. Интернет-источники с изменчивым контентом без указания конкретного материала (кроме электронных изданий, поддающихся библиографическому описанию), блоги, форумы и т. п., а также авторские комментарии помещаются в подстрочных примечаниях (сносках).
7. Статьи следует направлять по адресу: 656049 г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, Алтайский государственный университет, факультет массовых коммуникаций, филологии и политологии, ауд. 405–а, отв. секретарю журнала Клинк Евгении Игоревне. Электронная версия отправляется вложенным файлом по адресу: soveto1@filo.asu.ru (В разделе «Тема» просим указать: «В редакцию журнала»). К статье прилагается справка об авторе: фамилия, имя, отчество, место работы (полное название организации с указанием адреса и почтового индекса), должность, ученая степень, ученое звание, служебный и домашний адрес, номера телефонов / факса, электронная почта. **Наличие адреса электронной почты обязательно!**
8. Статьи, оформленные с нарушением приведенных правил или плохо отредактированные, редакцией не рассматриваются.
9. Требования к оформлению основного текста статьи: 12 кегль, шрифт: Times New Roman, междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 0,8 см. **Неосновной текст**, предваряющий статью (научное сообщение), состоит из следующих компонентов: и.о. фамилия автора (на русском и английском языках, выделяется полужирным), название (на русском и английском языках, выделяется полужирным), аннотации на русском и английском языках (не менее 1000 знаков с пробелами каждая). Далее следует **основной текст** статьи: название (на русском языке, прописными буквами, выравнивание по центру), и.о. фамилия автора (полужирным, курсивом, выравнивание по центру), ключевые слова на русском и английском языках (не более 6–ти на каждом языке, отступы слева и справа по 0,8 см., выравнивание по ширине), собственно текст, список литературы.

Примечания:

1. Научные тексты, присылаемые аспирантами и соискателями ученой степени кандидата наук, должны отражать основные результаты исследования, соответствовать жанру научного сообщения и сопровождаться рекомендацией кафедры, при которой выполняется диссертационная работа (оформляется в виде выписки из протокола заседания кафедры), и отзывом научного руководителя (с оценкой актуальности темы исследования, новизны полученных результатов, их теоретической и практической значимости) и рекомендацией к печати в журнале «Филология и человек». Сопроводительные документы (скрепленные печатью организации) сканируются и

высылаются в редакцию по электронной почте или передаются по тел. / факсу (3852)366384. 2. **Обращаем внимание, что указанный в п. 1 объем научного текста учитывает все его компоненты (от названия до примечаний и источников материала включительно).** 3. Все материалы публикуются в журнале бесплатно.